The book cover features a vibrant, stylized illustration. At the top, three jagged, rocky mountain peaks rise against a sky with soft, colorful clouds in shades of orange, yellow, and blue. Below the mountains, a line of green trees separates the landscape from the main scene. The central illustration depicts a man with a shaved head, wearing a brown leather jacket over a black shirt and blue jeans. He has a large, dark backpack and a gun holstered on his right hip. He is leaning forward, holding a large, golden, beetle-like mechanical device with multiple legs and a complex body. In the background, a town with colorful houses and a church with a tall spire is visible. A crowd of people, dressed in various styles of clothing, is gathered in the town square. A yellow and black striped barrier with the word "STOP" is positioned in front of the crowd. Several large, golden, spherical mechanical objects with multiple eyes and antennae are floating in the air. The overall style is reminiscent of classic science fiction and fantasy art.

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

ВЕДЬМАК

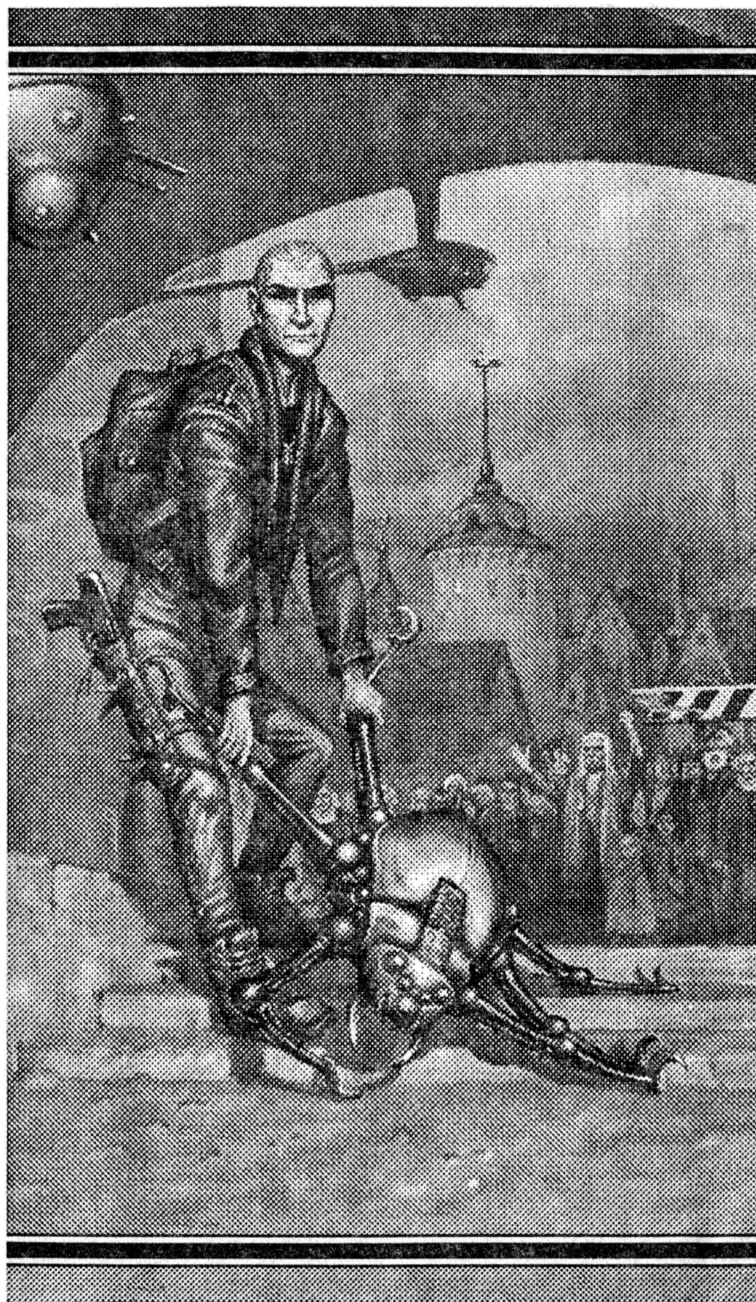
ИЗ БОЛЬШОГО КИЕВА

З В Е З Д Н Ы Й

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д А Н Ы Й

**ВЛАДИМИР
ВАСИЛЬЕВ**

**ВЕДЬМАК
ИЗ БОЛЬШОГО КИЕВА**

Сканировал и создал книгу - vtaKhankov

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
В19

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник А.Е. Дубовик

Подписано в печать 12.02.03. Формат 84×108 1/32.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 7 000 экз. Заказ № 726.

Васильев В.Н.

В19 Ведьмак из Большого Киева: Повести / В.Н. Васильев. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 348, [4] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-016665-6

... Мир Большого Киева.

Совершенно невероятная смесь фэнтези и фантастики, иронии — и серьезности. Мир, где маги работают техниками, эльфы обитают в «спальных районах», гномы издавна освоили профессию шахтеров, а вервольфы — «крестные отцы» местной мафии.

Мир, в котором ведьмаки сражаются не с чудовищами, а — со взбесившейся техникой...

Мир Большого Киева...

Мир, уже знакомый вам по роману В. Васильева «Охота на дикие грузовики».

Хотите побывать в нем снова?

Тогда читайте новую книгу Владимира Васильева «Ведьмак из Большого Киева»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© В.Н. Васильев, 2003
© Художник. А.Е. Дубовик, 2003
© ООО «Издательство АСТ», 2003

Ведьмак из Большого Киева

Потом говорили, что он вошел на территорию с юга, через Одинцовский шлюз. Высокий, сухощавый и совершенно лысый человек с пластиковым шмотником за плечами и притороченным к боку помповым ружьем. Одет он был в истертые джинсы, черную кожаную куртку и грубые гномьи ботинки на подошве-танкетке. В одежде преобладали блеклые тона, даже шмотник был не яркий, как обычно, а переходного цвета от хаки к коричневому, и вдобавок от долгого употребления шмотник покрылся неравномерными размытыми пятнами, похожими на камуфляжные. На лишенной волос голове пришлого — не выбритой, а изначально голой и гладкой, словно плафон осветительной лампы, цвела причудливая татуировка: приземистый карьерный экскаватор тянул чудовищный ковш через весь затылок почти к левому уху, где присел над небольшим техническим пультом живой не то человек, не то эльф — не разобрать. Под распахнутой на груди курткой виднелся на плетенке из тоненьких цветных проводков ведьмачий медальон-датчик.

В другое время его попытались бы вежливо выставить: кто любит ведьмаков? Никто. Ни в Большом Киеве, ни в Большой Москве. Ни вирги их не любят, ни гномы, ни хольфинги. Не говоря уж об эльфах. Даже люди не любят — а

ведьмаки ведь обычно всегда из людей. Истребители странного сами неизбежно становятся странными, а странности никому не нравятся.

Территория ЗАТО Снеженск-4, потерянная где-то на узкой границе между двумя гигантскими мегаполисами, представляла собой отдельный район, не приросший ни к Киеву, ни к Москве. Обнесенный высоченным периметром, преодолевать который живые если когда и умели, то теперь разучились совершенно. Официальными пропускными пунктами пользоваться перестали тоже в незапамятные времена — даже самые старые эльфы территории не помнили времен, когда хитроумная машинерия шлюзов соглашалась выпустить обитателей Снеженска-4 и впустить их обратно. Посторонних, понятно, машинерия никогда не впускала, за исключением ученых да техников, знакомых с нужными формулами.

И еще — ведьмаков. Истребителей чудовищ.

В принципе любую дикую машину можно было назвать чудовищем. Ибо все дикое живому опасно. Но иногда в городских кварталах возникали особые машины — машины-убийцы. Машины, жадные до живой плоти. Автомобили со смятыми бамперами, поджидающие неосторожных прохожих на обочине. Неповоротливые, но исполненные неживой хитрости строительные агрегаты с омытыми кровью ковшами и траками. Их невозможно было приручить — пасовали даже магистры с киевской Выставки и московской Академии. Бывало, эта нечисть опустошала целые районы.

И главное — чудовищ становилось все больше.

О ведьмаках было известно до смешного мало. Говорят, что они выходили с точно такой же ЗАТО-территории не то на востоке, не то на юго-востоке, называющейся Арзамас-16. Туда вообще ни один посторонний проникнуть не мог, будь он сто раз ученый или даже Техник Всего Мира. Выходили

и отправлялись бродить по свету, за плату избавляя живых от машинной напасти. Мрачными и неразговорчивыми, корыстными и жестокими — такими знали их живые Большого Киева и Большой Москвы. Но когда приходит Зло — приходится терпеть Странность. Некоторое время.

Неприятности Снеженска-4 начались лет семьдесят — восемьдесят назад. Один за другим перестали действовать подземные транспортные потоки, и подпитка территориальных складов прервалась. Голод не настал, но теперь приходилось считать каждую банку тушенки, которые раньше валялись где попало, вплоть до самых захудалых лавчонок. Собственных ресурсов территории перестало хватать. Техник Снеженска-4, седой эльф Сейдхе, обратился к правительству Большого Киева, но те развели руками: а как, собственно, помочь? Перебрасывать припасы через периметр? Да киевлян просто не подпустит к контрольной полосе охранная техника. Большая Москва ответила точно так же, правда, еще намекнула на то, что Снеженск-4 вряд ли сумеет предложить взамен что-либо ценное. Территория жила впроголодь и вскудь целых шестьдесят лет, пока проходящий мимо Одинцовского шлюза московский бродяга не подождал к себе пятилетнего ребенка-человека, что играл у пропускного пункта.

Ребенок беспрепятственно прошел за пределы территории, был ласково поглажен по голове странником, награжден шоколадкой «Рот Фронта» и так же беспрепятственно вернулся; а бродяга пошел себе дальше на юг, к границе Большого Киева.

Родители мальчишки чуть с ума не сошли, выпрашивая, где тот взял настоящую московскую шоколадку — таких в Снеженске-4 никто не видел шесть десятилетий. Когда несчастный пацан, размазывая сопли, в сотый раз повторял перед Сейдхе и старостами кварталов историю с проходом

шлюза и добрым дядей Рот Фронтом, ему, естественно, не верили. Пока Сейдхе не предложил провести его через коридор шлюза еще разок. Тут в плач ударилась мать — детям заказывали даже приближаться к пропускным пунктам, хотя, бывало, ребяшня игралась неподалеку. Просто любой житель Снеженска-4 с молодых ногтей привык, что за периметром нет НИЧЕГО. Вообще. Периметр — это граница. Его бессмысленно даже пытаться преодолеть. Убежденность родителей волей-неволей передавалась детям, и хоть они и осмеливались нарушать запреты, очень часто шастая у самых пропускных пунктов, наружу никто не пытался выйти на памяти нынешних территориалов ни единого разу.

До случая с шоколадкой.

Техника Сейдхе поддержали все старосты. Голосящую мать скрутили; отец, стиснув зубы, покорился сам. Пацана-экспериментатора привели к Одинцовскому шлюзу, и на глазах у нескольких десятков живых тот без всякого ущерба для себя вышел за периметр. И вернулся.

Тогда Сейдхе распорядился привести снеженского дурачка, полуорка Чкудаха, обыкновенно околачивающегося у единственной бани.

Привели.

— Видишь? — спросил Сейдхе, поднося к носу полуорка злополучную шоколадку.

Чкудах часто-часто закивал, не сводя глаз с яркой обертки.

— Хочешь? — еще жестче спросил Сейдхе.

Чкудах пустил слюни.

— Бери, — разрешил эльф и расчетливым движением швырнул шоколадку наружу. Через пункт.

Чкудах сунулся в узкий коридорчик шлюза и осел на самой его середине. Когда его баграми втянули назад, никто не сомневался, что полуорк мертв.

Вспыхнувшая было надежда, что охранные машины периметра уснули, враз погасла.

И тогда Сейдхе вторично погнал через шлюз ребенка. Мать лишилась сознания, отец сделался белым, как мелованная бумага.

Пацан принес шоколадку и снова остался жив.

Сейдхе поразмышлял минут пять и приказал привести еще пятерых детей. Сирот. Четверых мальчишек и девочку: двух людей, черного орка, хольфинга и вирга-метиса от четырех до пятнадцати лет. Всех без исключения шлюз пропустил.

— Что ж... — грустно сказал Сейдхе, окидывая взглядом толпу территориалов. — Осталось только доказать, что взрослых шлюз по-прежнему убивает.

И направился к входу в узкий коридорчик.

Эльфа похоронили в этот же день. В этот же день выбрали нового Техника. И принялись размышлять — как может помочь территории неожиданное знание.

Во-первых, дети были слишком малы, чтобы осознанно помочь. Даже старшие из них — тридцатилетние эльфы — мало отличались от пятилетних людей. И по силе, и по сообразительности. Долгоживущие медленно взрослеют. Дети людей успевают обогнать приятелей по играм несколько раз, прежде чем становятся взрослыми. Но не в возрасте дело — дело в том, что добраться до ближайшего склада и доставить хоть что-нибудь в состоянии только взрослый живой. В самом деле, даже если добредет пятилетний карапуз-человек или орк-двадцатилетка до склада, сколько он в состоянии с собой унести? Банку консервов? Да он игрушку скорее ухватит или кулек с печеньем. А ведь на склад еще нужно попасть, открыть замки... Плюс вокруг может ошиваться какая угодно шваль, безразлично — вооруженная или нет. Против малышей и прыщавый подросток — гигант. Так что дойти и

отыскать то, что нужно, — еще полдела. Нужно еще вернуться.

Задача казалась неразрешимой.

Разрешилась она еще спустя несколько лет, когда население Снеженска-4 сократилось вдвое. Прирост ресурсов территории падал и падал, и стало очевидным, что скоро Снеженск-4 опустеет.

Именно в этот момент Техник сумел понять одну из ключевых формул снеженского комбината и открыл секрет синтеза сырья — вещества, которое высоко ценилось как в Большом Киеве, так и в Большой Москве. Для синтеза требовалось оборудование — а оно в лабораториях комбината имелось — и особые камешки. Камешки можно было собирать в пределах периметра; но Техник сразу понял, что надолго их запаса не хватит.

Первые же опыты увенчались успехом, сырье было синтезировано. Немедленно связались с Москвой и заключили первую сделку: несколько прирученных грузовиков примчались к площадке перед Степинским шлюзом и чуть ли не весь световой день москвичи и территориалы перетаскивали на позаимствованных из клуба шторах груды консервов и банок с соленьями, пакеты с галетами и переносные источники техники для портативных приборов.

За год синтез съел все камешки на территории. Подчитую. Тогда-то и вспомнили о способности детей проходить через шлюзы. И пошло: поисковые группы из малышей шастали вокруг территории и помалу стаскивали внутрь заветные камешки. Дети, сущие несмышленыши и карапузы, в одночасье сделались спасением Снеженска-4.

Целых двенадцать лет все шло как по маслу: Снеженск-4 наладил обмен и с Большим Киевом, и с Большим Минском, а как-то раз появились даже усаые кавказцы с совер-

шенно невероятным количеством мандаринов в картонных ящиках.

Пока не очнулся Рип.

Никто уже не помнил, почему Рипа назвали Рипом. Никто и не пытался вспомнить. Рип являлся скорее всего боевым мнемороботом, но понимал это единственный живой в Снеженске-4 — Техник.

Пропал ребенок, причем не ходивший в этот день за периметр. Его искали в жилых районах и на комбинате, но тщетно. Вскоре пропал другой. Третий.

А спустя месяц дети рассказали, как из-за комбинатского цеха выскочил металлический паук и утянул эльфийку Майен куда-то в бетонные джунгли и переплетение арматурины. Остальные дети с визгом разбежались.

В первые месяцы взрослые паука-Рипа видели всего дважды, и оба раза днем. Сначала Рип появлялся лишь изредка, но потом стало ясно, что он растет и требует все больше и больше пищи. Дети стали пропадать прямо из жилищ; если взрослые пытались помешать — Рип их убивал.

На территорию напозла тень отчаяния. Взрослые не отпускали детей из жилищ; к пропускным пунктам водили под охраной и ждали до тех пор, пока они не вернутся. Но это не помогло: сначала Рип напал на возвращающихся со сбора детей, легко разогнал охрану и беспрепятственно утащил жертву. Потом попробовал нападать за пределами периметра, но по какой-то причине после первой же попытки отказался от этого. И продолжал разбойничать на территории.

Снеженцы пытались просить помощи у Москвы и Киева, но чем те могли помочь? Попытались устроить облаву своими силами — потеряли трех живых, а Рипа даже не оцарапали, хотя палили по нему в сотню стволов.

Где прятался Рип, тоже оставалось загадкой. Свои стремительные и непредсказуемые рейды он совершал то днем,

то ночью, но чаще всего — под самое утро, на рассвете; и свидетелей его бесчинств больше почему-то не оставалось. Наверное, Рип их убивал. Во всяком случае, помимо пропавших детей, территориалы несколько раз натыкались на трупы, и смотреть на них было весьма неприятно. Погиб мастер-гном Думерник, погиб певец из людей Гнат, нашли обезображенные до неузнаваемости останки и только по серебряным часам-луковице опознали, что это староста Петровки хольфинг Ван Реты по прозвищу Балагур. Накануне у Балагура пропала двенадцатилетняя дочь...

Видимо, ведьмак пришел глубокой ночью и заперся в заброшенной каморке охраны на пропускном пункте. Там он продремал до рассвета, а едва развиднелось — отправился в глубь территории. Ближние к периметру кварталы обычно пустовали — постоянно там никто не жил, а искать там изначально было нечего. Средоточием жизни Снеженска-4 всегда оставался самый центр: кварталы лучших домов, с некоторых пор опустевшие магазины да вычищенные подчистую склады комбината. Сам комбинат мало кого интересовал, а уж теперь, с появлением Рипа, его обходили чем дальше, тем лучше.

Не став размениваться на пустопорожние разговоры, ведьмак пошел прямо к Технику Снеженска-4 Альмелиду. В такую рань территориалы еще не решались высунуться из жилищ, спешно превращенных в убежища. Розоватые отблески лежали на слоях уличной пыли, и казалось, что это не пыль, не грязь, а увядшие и опавшие мечты жителей территории о безбедной жизни. Гномьи ботинки ведьмака впечатывали в мечты рифленные оттиски.

Жилище Техника ведьмак определил безошибочно: чутьем, что ли? Толкнул решетчатую калитку, прошагал по квадратным гранитным плитам к ступеням, ведущим на крыльцо. Меж плит пробивалась чахлая травка.

У стеклянных дверей на уровне глаз ведьмака красовалась массивная металлическая табличка: «Снеженское промышленное техническое предприятие».

Двери были заперты на массивный висячий замок.

«Несложная техника, — подумал ведьмак. — Неужели Рипу это может помешать?»

На стук явился заспанный молоденький техник без штанов и в куртке на голое тело. И еще в тапочках. Увидев лысую голову с татуировкой (ведьмак специально повернулся боком к двери), техник-засоня чуть не выронил пижонскую зеркально сверкающую «Беретту».

— Открывай, — потребовал ведьмак.

Техник отупело застыл перед дверьми. У него были трогательно оттопыренные уши.

— А... Я сейчас...

И, теряя тапочки, припустил куда-то в глубь холла. К телефону, наверное.

Техник — Техник, а не техник — появился на удивление быстро, и при этом он был тщательно и аккуратно одет. Только не выбрит, что слегка портило впечатление. По его команде засоня, надевший-таки штаны и кеды, отомкнул замок и приоткрыл одну створку.

— Входи, — мрачно процедил Техник. — В другое время, ведьмак, я бы тебя вытолкал с территории взашей. А сейчас — входи.

— В другое время я бы и не пришел. — Ведьмак пожал плечами. И бочком протиснулся в щель, чуть не касаясь техника-засони.

Его привели в маленький кабинет на втором этаже. Лифтом Техник почему-то решил не пользоваться — пошел пешком. Сначала влево, по длинному коридору, потом по узкой лесенке и снова по коридору.

Все убранство кабинета составляли накрытый зеленым сукном стол для совещаний, несколько стульев подле него да кафедра в углу. Ведьмак подумал, что в хорошие времена тут чаще резались в карты, чем проводили совещания. По знаку Техника помощник раскрыл окно. Свежий воздух потек в кабинет, вытесняя затхлость и пляшущую в лучах расцвета пыль.

— Итак, ведьмак... Я тебя слушаю.

— А сесть мне предложат? — без всякой развязности поинтересовался ведьмак.

Техник вяло махнул рукой в сторону стульев, а сам остался стоять.

Ведьмак сел, водрузив локоть на сукно. На спинку стула он опирался скорее боком, чем спиной, поскольку за спиной висел шмотник.

— У вас трудности, — сказал ведьмак. Фразы получались короткими, рублеными, как автоматные очереди опытного солдата. — Я — ведьмак. Я могу помочь.

— Чем?

— Я выслежу и убью Рипа.

— Разве это возможно? — Голос Техника наполнился глухой неистребимой тоской.

— Возможно. Машины тоже смертны. Ты же Техник.

Техник тускло воззрился на ведьмака.

— А что тебе известно?

Ведьмак снова пожал плечами:

— На комбинате активировался Рип. Зарядился, разведал окрестности. И начал охоту. Он, вероятно, ворует детей. Значит, это Рип-эспер. Он убивает свидетелей, значит, это боевой эспер. Судя по тому, что он нападает не только ночью, но и днем, это боевой эспер-универсал. Я не завидую вам, Техник. Пройдет месяц или два, и он уведет всех детей,

а вас передушит. Вы ведь не сможете сбежать, а убить его вам не под силу. Вы ведь пытались, не так ли?

Техник угрюмо вперился в лицо собеседника.

— Откуда ты, прости жизнь, все это знаешь?

На этот раз ведьмак не стал пожимать плечами.

— Я — ведьмак, — уклончиво ответил он.

Хотел добавить еще: «У нас свои методы», — но сдержался.

Техник некоторое время размышлял.

— А ты сумеешь? — спросил он глухо.

Ведьмак не рассмеялся, хотя Техник того ожидал.

— Я — ведьмак, — повторил он. Только и всего.

Помощник-засоня, не дыша, стоял у окна, и уши его, казалось, оттопырились еще сильнее.

— Ладно. — Техник тяжело оперся о спинку ближайшего стула. — Допустим. Но ведьмаки не работают бесплатно. Так ведь?

— Так, — согласился ведьмак.

— И сколько же тебе нужно? И в чем — в рублях, в гривнах?

Только теперь ведьмак позволил себе улыбнуться.

— На вашу территорию смешно приходить за деньгами. Что деньги? У вас есть гораздо более ценная вещь.

Кажется, Техник догадался.

— Так-так-так... — процедил он. — Что же именно?

— Сырье, — простодушно ответил ведьмак. — То, что в Киеве зовется «компотом», а в Москве...

— Я знаю, как зовется сырье в Москве, — перебил Техник. — Сколько?

— Все, что у вас есть, — простодушно ответил ведьмак, но взгляд его в этот момент отнюдь не был простодушен. — И имейте в виду: я прекрасно осведомлен об объемах вашей

торговли с Киевом, Москвой и Минском. Так что я представляю, сколько вы вырабатываете сырья.

— Что-о-о? — Техник негодуя выпрямился. — Ты в своем уме, ведьмак? Ты знаешь, сколько это стоит?

— Знаю, — с удовольствием признался ведьмак. — И меня неимоверно согревает это знание.

Техник последовательно перешел от негодования к недоумению, а потом даже к тени веселья:

— Но ведь если мы отдадим все сырье тебе, мы не сможем заплатить Киеву и Москве...

— В ближайшую неделю у вас не намечается поставок Москве, — перебил ведьмак. — Только Киев. И только концерт Халькдаффа.

Теперь Техник глядел на ведьмака с ненавистью. Потому что ведьмак говорил истинную правду. Непонятно только было, откуда ему столько известно о закрытой территории Снеженск-4, ведь раньше он здесь никогда не бывал.

— Хорошо, — процедил Техник, сдерживая злость. — Мы не сможем расплатиться с Халькдаффом и вынуждены будем голодать, пока снова не синтезируем нужное количество сырья. А это почти полтора месяца. Реально даже больше, потому что голодные живые — никудышные работники.

— Ваши проблемы, Техник. Я сказал.

— Убирайся. — Техник указал на дверь. — Убирайся, подонок.

— Ладно, — неожиданно легко согласился ведьмак. — Я ухожу.

Он встал, будто бы ненароком глянув в окно.

— Кстати, Техник, — обратился он к Технику. — Ты видишь это солнце? Ты видишь цвет неба? О чем это говорит, а? Знаешь?

Техник молчал.

— О засухе это говорит. О жаре и засухе, — пояснил ведьмак. — Улавливаешь, Техник? Рип станет воровать по нескольку детей в сутки. Месяца два, и в Снеженске не останется никого моложе двенадцати лет — я имею в виду людей, конечно. О предельном возрасте остальных рас можешь догадаться сам. Кто станет таскать вам из-за периметра пенсирит? Рип? А уж о том, какие работники из живых, у которых отобрали детей, я и вовсе молчу...

— Убирайся! — проорал Техник.

Ведьмак послушно направился к двери.

— Я еще вернусь, — пообещал он. — А ты подумай пока.

И со старостами посоветуйся...

Дорогу в выходу ведьмак, конечно же, запомнил.

Уже к вечеру у одного из старост пропала девятилетняя внучка. За несколько часов летней ночи Рип разгромил несколько жилищ — почему-то он выбирал жилища матерей-одиночек. Детские кровати оказывались пустыми. А Рипа на этот раз никто даже не увидел.

Днем ведьмак демонстративно разгуливал по территории, избегая приближаться к живым. Ночью пропадал неизвестно где.

Спустя три дня и три ночи после разговора ведьмака с Техником Снеженска-4 два хмурых вирга кинули камешек в окно каморки при шлюзе.

— Эй! Почтенный!

Ведьмак показался в коридоре, о котором даже думать боялся любой взрослый территориал.

— Ну?

— Живые поговорить хотят.

— О чем?

Вирги переглядывались и переминались в полусотне метров от шлюза.

— Ну... Вы вроде как с Рипом справиться горазды... Так это... Мы б заплатили. Сколько нужно.

— Меня не интересуют деньги. А плату я назвал вашему Технику, но он меня прогнал. Разговаривайте с ним. Позовут — приду. А так...

И он скрылся в каморке.

Вирги еще некоторое время потоптались напротив шлюза и убрались восвояси.

Через несколько часов перед жилищем Техника собралась несметная толпа. Практически все население Снеженска-4 в полном составе, потому что никто не хотел оставлять детей без присмотра. Старосты районов еще накануне направились к Технику и не выходили из его кабинета до сих пор. Если бы кто-нибудь осмелился покинуть жилище ночью, он мог бы удостовериться, что свет в окошке кабинета не гас ни на секунду.

Ведьмака позвали к Технику ближе к вечеру. Одинокий и гордый, он шагал сквозь толпу, глядящую на него со смесью ненависти и надежды. Каждый готов был убить его и не мог, потому что ведьмак олицетворял собой возможное спасение.

На этот раз пришлось подниматься на третий этаж, в кабинет существенно больших размеров. И стол здесь был побольше. Без сукна. Тут явно никто не играл в карты — тут принимались решения и постигались формулы.

Они сидели за этим столом — Техник, пятеро старост и еще трое живых, ведьмак не знал, кто они.

Все так же молча и бесстрастно ведьмак вошел в кабинет, секунду помедлил и сел на стул у самого окна. Теперь он казался всем присутствующим просто темным силуэтом на фоне светлого прямоугольника.

— Я слушаю, — сказал он, прищурив глаза.

Поднялся один из старост, сухонький орк, выглядящий старым даже для орка.

— Меня зовут Хавиар Сотера. Я староста Куманского. Как называть тебя, ведьмак?

— Ведьмаком. Впрочем, если вам обязательно нужно имя, можете звать меня Геральт.

— Геральт, — проникновенно обратился к нему Сотера. — Неужели ты начисто лишен сострадания? У нас пропадают дети, а ты сидишь в стороне и просто ждешь...

На лице Геральта не отразилось ничего — ни смущения, ни досады.

— Любезный староста! Ведьмаков обучают отнюдь не состраданию. Ведьмаков обучают убивать чудовищ. За плату, потому что ведьмаку тоже нужно на что-то жить. Покупать снаряжение для работы, одежду, пищу. Или вы думаете, меня кто-то покормит? Подарит штаны? Кто на этой территории предложил мне хотя бы кружку воды, а? Так уж сложилось, что у вас есть то, что мне позарез необходимо прямо сейчас. И в нужном количестве. Неужели это «что-то» вам дороже собственных детей и собственных жизней?

— Если мы все умрем от голода, это вряд ли спасет нас и наших детей.

— От голода? — Ведьмак соорудил презрительную гримасу. — Бросьте, староста. У каждого живого в жилище припрятано достаточно консервов, чтобы дотянуть до выработки новой порции сырья. В конце концов, можете договориться о поставке в кредит. На выгодных условиях.

— С нами не работают в кредит, — хмуро бросил другой староста — эльф неопределенного, как и все эльфы, возраста.

— А нечего было надувать Москву, — отрезал ведьмак. — Слово в этом мире ценится превыше всего, и вы это знали с самого рождения.

— Ну оставь нам хотя бы половину! — взмолился Хавиар Сотера. — Остальное мы отдадим позже!

— С вами? В кредит? Увольте, я не глупее московских дельцов. Ведьмаки берут плату только вперед, и вы это знаете с самого рождения.

— Не по-живому это... — укоризненно пробормотал третий староста, дородный румяный половинчик.

— Я не живой, — напомнил ведьмак. — Я — ведьмак.

— Чтоб тебе провалиться, — пожелал кто-то.

Подобными штучками расстроить ведьмака было попросту невозможно.

— Решайтесь, господа. Решайтесь. Может быть, другого шанса у вас и не случится — говорят, на окраине Киева бульдозеры бушуют в одном из районов. Там мне заплатят охотно, причем столько, сколько скажу.

— Надо соглашаться, — раздраженно вставил Техник. — Протянем как-нибудь. Откажем — нас прихлопнут собственные территориалы.

— Действительно, — поддакнул ведьмак. — Сколько детей за трое суток? Двадцать два?

— Двадцать три.

— Ах да! Внучка уважаемого старосты Куманского. Прелестная девчушка. Была.

Орк после этих слов вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Ты чудовище, ведьмак! Ты ничем не лучше Рипа, шахнуш тодд!

На серое, словно весенний снег, лицо орка страшно было смотреть. Все отводили взгляды.

— Лучше, — заверил ведьмак. — Со мной можно договориться, с Рипом — нет. Он не успокоится, пока не передушит всех. И учтите, взрослые для боевого эспера — куда менее сытная пища, чем дети. А потом Рип переберется еще куда-нибудь, и таким образом на вашу совесть лягут новые жертвы.

— А не на твою, ведьмак? — с бессильной злостью спросил Техник.

— У ведьмаков нет совести. И не может быть. В силу того, что они — ведьмаки. Что же касается сострадания, любезный Сотера, — ведьмак повернулся и чуть заметно поклонился орку, — то я предлагал свою помощь, еще когда ваша внучка ковыляла по детской и ловила за юбку мамашу. Так что решайте сами — кто лишен сострадания, а кто не лишен.

— Жизнь с ним, — пробурчал Техник. — Пусть идет и убивает Рипа. Отдадим ему все, что у нас есть, и пусть убивается навсегда.

Техник медленно оглядел всех присутствующих.

— Есть возражения? Нет?

Он закрыл лицо ладонями и глухо произнес:

— Мы согласны, ведьмак. Действуй.

Ведьмак покачал головой и укоризненно поцокал языком:

— Ай-ай-ай! Кажется, вы меня не поняли, любезные. Я ведь говорил — ведьмаки берут плату вперед. Ведьмак — это не дядя Рот Фронт, страдающий благотворительностью. Я отправлюсь убивать Рипа не раньше, чем вынесу сырье за периметр.

— Шахнуш тодд, ведьмак! — возмутился староста-эльф. — А кто гарантирует, что ты не пошлешь нас всех к гоблинским мамашам и не уберешься, палец о палец не ударив?

— Слово ведьмака гарантирует. Наше слово в отличие от вашего ценится и в Большом Киеве, и в Большой Москве. Кто-нибудь из присутствующих за свои долгие жизни слышал, чтобы ведьмак кого-нибудь обманул и не выполнил работу? Слышал?

Ответом ему была звенящая тишина, нарушенная в конце концов придыхательным шепотом Сотера:

— Не-е-е-ет-т-т...

— Я не собираюсь нарушать слово. Меня убьют раньше, чем я доберусь до границы Киева. Потому что ведьмачье

слово и мне, и остальным ведьмакам принесет в будущем не в пример больше, чем я заработаю сегодня. Расплачивайтесь. Время идет.

Старосты дружно посмотрели на Техника. Техник встал.
— Идем.

На этот раз пришлось спуститься в подвал. Самолично отомкнув многочисленные железные двери и одну решетку, Техник привел ведьмака в... лабораторию. Точно, лабораторию.

Около минуты Техник Альмелид возился у сейфа, отпирая многочисленные замки. Потом вынул из сейфа никелированный контейнер, выполненный в виде чемодана.

— Вот. Здесь все.

Чемодан был заперт на кодовый замок.

— Коды, — потребовал ведьмак.

Техник едва слышно продиктовал коды; ведьмак молча вращал дискретные верньеры с нанесенными цифрами.

Раздались характерный щелчок и мелодичный сигнал. Крышка чемодана чуть заметно приподнялась.

Ведьмак осторожно откинул ее. Открылись портативная клавиатура, крохотный плоский экранчик и шесть ниш с доверху наполненными чем-то масляно-ртутными цилиндрами.

Ведьмак утопил POWER.

Осветился экранчик, загрузилась система.

READY — сообщили ему.

DIAGS — велел ведьмак.

По экрану пробежала череда цифр, потом возник шестистолбцовый график. Все шесть столбцов стояли на одном уровне — у отметки FULL.

Ведьмак довольно кивнул каким-то своим мыслям, протянулся к медальону-датчику и поднес его, не снимая с шеи, к крайнему слева цилиндру. Медальон налился зыбким розоватым светом.

— Отлично! — Ведьмак спрятал медальон назад под куртку, погасил систему и запер чемодан. Коды он ввел в карманный твайджер и тут же кому-то передал.

Когда ведьмак покидал лабораторию, за высокой ширмой на столе он заметил десятка два подобных чемоданов; все они были открыты, и все цилиндры в пазах были пусты.

Он поднялся на первый этаж в сопровождении Техника и его помощника. Вышел на крыльцо, с которого староста Сотера как раз вещал территориалам, что ведьмак получил плату и готов убить Рипа. Едва ведьмак показался в дверях, толпа коротко охнула и затихла, а староста умолк. В полной тишине ведьмак шел прямо, не сворачивая, и толпа расступалась перед ним, словно перед прокаженным. С чемоданом в руке и шмотником за плечами, с помповым ружьем на левом боку, он шел сквозь ненависть и надежду, сам не испытывая ни того, ни другого.

Толпа направилась за ним по пятам. Через весь Снеженск-4. К Одинцовскому шлюзу. На последних метрах перед коридором ведьмак услышал далекий гул моторов.

Живые Снеженска остановились, как всегда, метрах в пятидесяти от периметра. Ведьмак обернулся в том самом месте, где любого территориала настигла бы неизбежная смерть, — в самом центре коридора.

Он не увидел толпы. Он лишь ощутил сотни взглядов, устремленные на него. А потом повернулся и вышел наружу. За периметр.

К площади перед шлюзом Снеженска-4 как раз подкатили лимузин, легковушка и джип. «Кинбурн», «Черкасс» и «Хортица». Ведьмак по инерции сделал еще несколько шагов и замер посреди площади.

Внутри периметра почти к самому шлюзу осмелились подойти лишь несколько живых — старосты, Техник да еще

парочка виргов, видимо, те самые, которые вызывали ведьмака утром.

Из лимузина выбрались несколько эльфов, и при виде одного из них Техник и старосты издали дружный выдох:

— Халькдафф!

Ведьмак направился прямо к Халькдаффу. Не дойдя пары-тройки шагов, он опустил чемодан прямо на асфальт, ввел коды и продемонстрировал содержимое. Халькдафф сдержанно кивнул. Тогда ведьмак закрыл чемоданчик и поставил его перед эльфом. А сам повернулся и направился к пропускному пункту.

У входа в коридор он почему-то замешкался, и всем вдруг стало понятно, что он не собирается возвращаться за периметр. Техник, старосты и территориалы Снеженска-4 ощутили, что ненависть в их душах окончательно вытесняет надежду.

— Эй, снеженцы! — громко сказал ведьмак, стаскивая с плеч шмотник и распуская шнуровку. — Я спешу. И сейчас уеду...

— А как же ведьмачье слово? — хрипло выкрикнул орк Сотера. — Будь ты проклят, ведьмак!

— Вы достаточно проклинали меня, — спокойно ответил ведьмак. — Так что не трудитесь понапрасну. А что до Рипа — так мне незачем его убивать. Рип мертв.

Ведьмак закончил распускать шнуровку и вытряхнул прямо на асфальт перед коридором что-то сверкающее хромированными тягами. Металлического паука с тусклым узором на брюшке мнемонакопителя и парой парализаторов-хелицер. Паук был, безусловно, мертв. С лязгом встретился он с асфальтом и застыл омерзительной и все еще пугающей кучей металла, пластика и керамики.

— Я убил его в первую же ночь, Техник, — почему-то обращаясь к Технику, сказал ведьмак. — Условия сделки выполнены.

— А дети? — недоуменно спросил староста-половинчик, колыхая румяными щеками.

«Скоро жирок-то сойдет с тебя», — невпопад подумал ведьмак и ответил:

— Детей похищал я. Вы ведь отказались заплатить сразу. А как иначе я мог заставить вас заплатить?

— Они мертвы?

Ведьмак криво усмехнулся, не произнеся ни слова.

Надежды в настроении территориалов не осталось вовсе. Осталась только ненависть и гнев. С неживым криком орк Хавиар Сотера попытался кинуться на ведьмака, забыв о поджидающей посреди коридора смерти, но его удержали соседи.

А ведьмак, подцепив ботинком мертвого Рипа, пинком отправил его через весь пропускной пункт на территорию.

— Держите. А мне пора.

Он развернулся; в эту же секунду все три автомобиля с тихим урчанием рванулись с места и унеслись прочь.

— Эй, Геральт! — неожиданно спокойно окликнул ведьмака Техник.

Ведьмак задержался.

— Ты не такое же чудовище, каких убиваешь. Ты хуже.

Ничего не отразилось на лице ведьмака. Ничего. Чудовище-экскаватор на его лысине все так же тянуло ковш к живому с пультом в руках.

— Я не так долго живу, как ты, Техник. Но эти слова я слышу чаще, чем ты ходишь в сортир. Прощай.

— Прощай. Надеюсь, в ближайшем будущем ты сдохнешь.

Ведьмак, не ответив, зашагал прочь. Он уходил от Снеженска-4, превращаясь сначала в крохотную фигурку, а потом и вовсе в едва различимую точку на горизонте.

Километров через семь он приблизился к нескольким домикам, прячущимся среди деревьев. Вынул из похудевше-

го шмотника шляпу и надел, чтобы скрыть приметную ведьмачью лысину. Нашарил в кармане ключ, отпер дверь. Встретил его радостный детский хор:

— Дядя Рот Фронт! Дядя Рот Фронт вернулся!

Его облепили дети — люди, эльфы, орки, вирги, гномы, хольфинги, половинчики, метисы и даже один чистокровный ламис. Совсем малыши и постарше. Мальчишки и девочки. Они хватали его за руки и за одежду и смотрели так преданно, как смотрят только на внезапно посещающих детство сказочных персонажей.

— Все! — объявил им ведьмак. — Ваши папы и мамы убили чудище. Можете возвращаться!

Невообразимый визг и гвалт наполнил комнату. Любимые игрушки разбирались, старшие ловили за руки малышей и выводили их наружу. Детишками не нужно было объяснять, куда идти. Они и сами это знали, потому что не раз бывали за периметром. Парами, взявшись за руки, они уходили к территории Снеженск-4.

А ведьмак подумал, что пройдет еще немного времени, и уже от этого самого подросткового будущего он наверняка получит новую порцию проклятий.

— И не забудьте рассказать, кто вам помогал! — крикнул он вслед.

— Дядя Рот Фронт! — донес ветер.

И развеял.

Из тоннеля тянуло сыростью и кислой ржавчиной. И еще — затхлостью, но не затхлостью покинутого жилища, а неживым тяжким духом истлевающих механизмов.

Впрочем, не все они там тлели. Увы.

Чуть поодаль от входа в шахту столпились жители окрестных кварталов — большей частью гномы и хольфинги, хотя орков и виргов тоже было довольно много. И чистых, и метисов.

Когда в темной глубине тоннеля раздался жуткий скрежет и рев, толпа дружно вздрогнула и отпрянула назад. Скрежет все звучал и звучал, словно кто-то сунул жестяной лист под вращающееся зубчатое колесо. Потом дважды бабахнул выстрел, а спустя несколько секунд скрежет смолк. Но всего на мгновение — чтобы снова возобновиться, на этот раз с удвоенной частотой и силой.

— Не, — безнадежно прошептал кто-то в толпе. — Не одолеть ему...

И вдруг скрежет смолк. Оборвался на высокой ноте, как будто колесо не выдержало и развалилось на несколько осколков. Минут пять висела гнетущая тишина, а потом из

тоннеля, пошатываясь, вышел человек в грязном джинсовом костюме, тяжелых гномьих ботинках и с помповым ружьем в руке. Человек тряс головой и жмурился на свет.

Был он совершенно лыс; под слоем мазута и грязи на коже от виска до виска через весь затылок угадывалась цветная татуировка. Шею человека охватывал сплетенный из разноцветных проводков жгут, на котором болтался неведомого назначения датчик.

— Ты гляди! — изумились тем же голосом. — Уцелел!

Человек медленно, измотанно подволакивая ноги, приблизился к толпе. Потом полез свободной рукой под куртку, вынул из-за пояса джинсов плоскую овальную табличку и швырнул ее под ноги стоящим в первом ряду.

Разумеется, табличка упала надписью вверх.

«Завод «Дормашина», Николаев. ПШ-284М» — значилось на ней.

И — заводской номер второй строкой.

Чуть ниже буквы «Ш» в слове «Дормашина» виднелась достаточно свежая приметная вмятина.

— Он! Точно он! — пробасил один из виргов. — Вон след от кирки Вестервельда...

Словно по команде толпа заголосила; тишина расплескалась в стороны, уступив место равномерному гомону.

Полный гном, у которого, кроме бороды на лице, можно было разглядеть только глаза да кончик туфлеобразного носа, шагнул вперед и протянул лысому человеку потертый, давно утративший первоначальный цвет рюкзачок.

— Вот ваша сумка, уважаемый... В целости и сохранности. От имени всех жителей Пятихаток благодарю вас за отменную работу!

Лысый вяло кивнул. Потом подумал и добавил:

— И вам спасибо. За то, что не скупались и заплатили без разговоров.

Видимо, ему редко платили без разговоров — все больше пытались заболтать и от оплаты под любым благовидным предлогом уклониться.

Человек принял рюкзачок; следующим движением ружье, которое он держал за рукоятку, вскинул на плечо, отчего сразу стал похож на героя рекламных щитов, на каждом шагу попадающихся на всех значимых трассах Большого Киева.

— Будьте здоровы! — пожелал гном.

Толпа тем временем сгрудилась вокруг счастливицы, первым поднявшего табличку из пыли, и ближних к нему живых. Все вытягивали шеи и дергали да подталкивали стоящих впереди. Видимо, поглядеть на табличку и подержать ее в руках не терпелось каждому.

— Может быть, вам нужен ночлег? — учтиво поинтересовался гном. — Уже вечерет...

— Нет, — резко ответил лысый. — Пойду я.

— Ну, — вздохнул гном, не слишком стремясь скрыть облегчение, — как знаете. Мы тоже пойдем.

Он обернулся и быстро зашагал к толпе, где бесцеремонно хлопнул по спине стоящего с краю высокого вирга, а когда тот обернулся — тут же отодвинул его в сторону. Действуя целеустремленно и напористо, гном протиснулся в самый центр (чего никто больше явно не мог себе позволить, отобрал табличку у очередного зеваки и хрипло что-то скомандовал.

Но лысого человека не интересовали ни слова гнома, ни живые из Пятихаток. Все, дело сделано. Деньги переведены на нужный счет, а взбесившийся штрековый проходчик утихомирен во тьме шахты. Все счастливы, все довольны.

Правда, усталость... Утихомирить проходчик — почти две тонны агрессивного металла — это вам не бокал пива залпом всосать! Такой механизм в сверхпрочном граните тоннели на раз делает — по два-три метра в сутки.

Впрочем, именно этот проходчик почему-то предпочел не тоннели прокладывать, а давить в тупиковых штреках несчастных шахтеров. За что недавно и поплатился своей никчемной механической жизнью. Самое удивительное — проходчик действительно оказался не диким, как ожидал лысый человек, а вполне прирученным; в кабине даже кое-какие безделушки хозяина сохранились. А от хозяина сохранилось лишь застарелое темное пятно под нижним левым буром.

Невеселые, в общем, вещи тут происходили совсем недавно. Именно поэтому община Пятихаток и наняла его.

Ведьмака по имени Геральт. Одного из тех, кто хранит город, не оглядываясь на собственную жизнь.

Перед тем как исчезнуть за терриконом, Геральт взглянул себе за спину. Жители Пятихаток вереницей шествовали в противоположную сторону, к жилым кварталам. Длинные тени падали на черно-серую от угольной пыли дорогу. От ног Геральта тоже протянулась тень, вослед уходящим.

Прикидывая в уме, куда теперь направиться, ведьмак зашагал в сторону закатного солнца. Где-то там, немного западнее, пролежала оживленная трасса. Напроситься в попутчики к какому-нибудь скучающему дальнобойщику — плевое дело. Особенно охотно пассажиров подбирали гномы, известные любители побалагурить в пути.

Смазанную фигуру высокого живого, с ног до головы закутанного в темный плащ, Геральт заметил сразу же за поворотом, хотя живой явно прятался в густой тени у рассохшегося дощатого сарайчика. Как ни в чем не бывало ведьмак прошел мимо, уголком глаза фиксируя каждое движение слева от себя.

Высокий в плаще направился следом. Не скажешь, чтобы он прилагал слишком уж много усилий, дабы остаться незамеченным, но и совсем открытым его поведение назвать было трудно.

За очередным поворотом тропинки, у жидких кустов Геральт присел и втиснулся в сплетение ветвей. Поведение высокого вселяло вполне обоснованные опасения.

Вскоре живой показался из-за поворота. Шагнул раз, другой и остановился. Повертел головой — без суеты, даже с какой-то чуть ли не показной ленцой. Потом выпростал из-под плаща руку и задумчиво почесал кончик носа.

— Эй, ведьмак! — позвал он негромко. — Выходи, пожалуйста. Работенка для тебя есть.

«Хорошо бы ты и вторую руку из-под плаща вынул», — подумал Геральт неприязненно. Живой ему не понравился с первого же взгляда.

Тем не менее ведьмак выпрямился и неспешно вернулся к тропе. Выглядел он расслабленным, но расслабленность эта была обманчивой. В любое мгновение в его руках могли оказаться ружье, нож, стилет или револьвер. В зависимости от обстоятельств.

Но незнакомец в плаще действительно не собирался нападать. Склонив голову, он принялся разглядывать стоящего на тропе Геральта. Под надвинутым капюшоном еле-еле угадывалось узкое лицо. Геральту лицо незнакомца показалось неестественно бледным.

— Какая работенка? — буркнул Геральт не слишком приветливо.

— Ну, не здесь же обсуждать! — Незнакомец чуть заметно качнулся с каблуков на носки. — Давай найдем какую-нибудь корчму, закусим, выпьем... для начала.

— Ближайшая корчма аж у трассы, — холодно уточнил Геральт, глядя собеседнику в глаза. Смущения или растерянности в поведении незнакомца не наблюдалось и в помине.

— Я туда заходил, но мне не понравилось. Давай мотнемся поближе к Донецку. У меня неподалеку машина.

— Ну, — пожал плечами Геральт, — давай. Только ты угощайся, раз уж тебе так приспичило нанять ведьмака.

— Не мне приспичило. Но не суть важно. Согласен, я угощаю.

Геральт в ответ кивнул: веди, мол. Незнакомец плавно, словно женщина, развернулся и зашагал к соседнему террикону.

2

Местом переговоров избрали даже не корчму, а настоящую таверну сети «Киев-А». По сути дела, это был достаточно продвинутый ресторан при большой гостинице на границе Донецка и Луганска. Полуорк-официант, упакованный в серебристую хламиду, принес меню, винную карту, пепельницу и величаво удалился.

Зал, невзирая на вечернее время, был почти пуст. Кроме Геральта и его потенциального нанимателя, посетителей насчитывалось всего трое: пожилой человек у стойки за стаканчиком красного да парочка виргов, явно транзитчиков, устало поглощавших горячее в самом углу.

Геральт не спешил переходить к серьезному разговору. Не в обычае ведьмаков торопить события. Каждый живой Большого Киева должен четко сознавать: клиенту ведьмак гораздо нужнее, чем клиент ведьмаку. В беде может оказаться каждый, не сейчас, так позже, а чудовищ, несмотря на старания ведьмаков, увы, не становится меньше. Скорее наоборот, множатся они, как листва по весне.

Меню Геральт изучал довольно долго, благо кухня сети «Киев-А» заслуженно блистала разнообразием. Остановив-

шись на мясе по-житомирски, жульене и тройном салате «Бессарабка», Геральт перешел к винной карте. Ожидаемое разнообразие наличествовало и здесь. Текущим вечером душа Геральта склонилась к яловенскому хересу.

Не успели они сделать заказ, буквально через пару минут официант принес блюда, словно все было заранее приготовлено. Геральт хмыкнул, но особо не удивился. Незнакомец принялся молча насыщаться, даже имени своего до сих пор не назвал. Спиртного он не заказывал: то ли не хотел потом в пьяном виде общаться со своим вышколенным джипом, то ли еще почему. Геральту было все равно. Пригубив хереса, ведьмак отдал должное мясу и салатам.

Странно — практически любой из ведьмаков легко мог позволить себе чуть ли не ежедневно питаться в таких вот дорогих и изысканных местах. Но почему-то чаще хранителям города приходилось давиться грубой походной пищей, добытой в ближайшем диком магазинчике, а ночи коротать у костра, под мостами, в компании опустившихся бродяг. Хотя пустых домов в Большом Киеве пруд пруди.

Парадокс.

И тем не менее много лет все обстояло именно так.

Примерно через полчаса, когда Геральт, откинувшись на спинку стула, попивал уже третью порцию хереса, когда официант давно убрал грязную посуду, когда незнакомец неспешно выкурил пахучую сигару — только после этого начались, собственно, переговоры.

— Дело у моего хозяина, в общем-то, простое. Но... довольно деликатное, — начал незнакомец. — Тут нужен такой живой, который не станет трепать языком и которого сторонятся другие живые. Мы могли бы нанять какого-нибудь бродяжку... но хозяину нужен стопроцентный результат, да и держать язык за зубами не всякого заставишь.

Глаза незнакомца были глубокими, как карельские озера, и льдистыми, как зима. Геральт скрестил взгляд с ним и почувствовал нечто необычное. Ветер прожитых лет, совершенно не свойственный короткоживущим людям.

— Ты ведь не обычный человек, так? — спросил ведьмак негромко.

Незнакомец проглотил уже готовую вырваться очередную фразу и с неудовольствием поглядел на Геральта.

— Ну... не вполне. Но какое это имеет значение?

— Ты лонгер, так?

— Ну, лонгер... разве это столь важно?

— И хозяин твой — тоже лонгер, так?

— Так. — Незнакомец нахмурился еще сильнее. — Я не понимаю, куда ты клонишь, ведьмак.

— Никуда я не клоню. Просто всегда стараюсь точно знать, с кем имею дело.

Некоторое время незнакомец молчал, буравя собеседника пристальным взглядом.

Лонгеров и впрямь с трудом можно было назвать людьми. Телесно они от людей не отличались. Вот только жили почти так же долго, как эльфы. Естественно, психология у лонгеров за сотни лет складывалась вовсе не человеческая. Обычные люди их ненавидели. Поэтому лонгер очень неохотно раскрывал посторонним свою природу.

— Мой хозяин — личность в Большом Киеве известная и важная. Совершенно незачем называть его имя, да и не придется тебе с ним видаться или общаться. Проблема в другом. Как говорится, маленькие дети — маленькие проблемы, большие дети — большие проблемы...

Геральт внимал, с ленцой ковыряя в зубах пластиковой шпажкой из салата, хотя коробочка с зубочистками на столе имелаь.

— У хозяина есть дочь, типичный представитель золотой, так сказать, молодежи. Сомнительная тусня, травка, колеса, крэк и прочие вольные нравы. Короче, она залетела несколько лет назад. И наотрез отказалась делать аборт. Родила... метиса. До поры до времени это никому не мешало, но теперь внесемейный внук-метис может повредить хозяину. В общем...

Геральт встал и потянулся к рюкзачку, лежащему на соседнем стуле.

— До свидания, — сказал ведьмак холодно.

— Стоп-стоп-стоп! — Незнакомец тоже привстал и поймал его за рукав. — Ты еще не дослушал.

Геральт легко освободился, так что незнакомец против воли рухнул на стул. Нависнув над ним, ведьмак нарочито бесстрастно произнес:

— Видимо, ты не понял, лонгер. Я уничтожаю чудовищ, а не детей.

— Да кто тебя просит убивать детей! — прошипел незнакомец зло. — Сядь и дослушай! А заодно спроси о размере вознаграждения...

Геральт несколько секунд изучающе глядел на лонгера, потом вернул рюкзачок на место и сам тоже присел к столу. Шпажка вновь возникла в его пальцах, словно бы из ниоткуда.

«Ладно, — подумал ведьмак. — Послушаю еще чуть-чуть. Но я буду не я, если это не скверная и не грязная история. И закончится она скверно и грязно. Как пить дать».

— Собственно, главной ошибкой было позволить... э-э-э... проблеме родиться. И вырасти. Если мы устраним отпрыска сейчас, противники моего хозяина тотчас же поднимут шум...

— Что значит — вырасти? — перебил Геральт.

Безымянный лонгер перестал смотреть в пустоту зала и вновь сконцентрировал взгляд на Геральте.

— То и значит. Нашей проблеме тридцать четыре года от роду. Ты должен знать, что по меркам долгоживущих это шибутная юность.

— Чья еще кровь течет в вашей... проблеме? Помнится, вы упоминали, что родился метис.

— Орочья кровь. Отцом был черный орк откуда-то из Тернополя. И, кстати, это девчонка. Так что не родился, а родилась.

«Этого мне еще не хватало, — совсем огорчился Геральт. — Девчонка!»

— Послушайте, — сказал он вслух. — Женщин я тоже не убиваю. Ни в детстве, ни на пороге шибутной юности или мудрой зрелости, ни позже. По-моему, мы зря тратим время.

Незнакомец неприязненно искривил губы:

— Кажется, я уже упоминал, что никого убивать не нужно. Нужно лишь сопровождать. Какое-то время. Вернее, позволить ей сопровождать настоящего ведьмака — в данном случае тебя. И все.

— Что значит — сопровождать? — опешил Геральт.

— То и значит. — Лонгер зевнул, прикрыв рот холеной ладонью. — Этой дурынде втемяшилось в голову стать вольной ведьмачкой. Сейчас она собирается на Матвеевский танковый полигон — говорят, там активизировались дикие танки. Даже нападают на окрестные кварталы. Разнесли две бензоколонки и обстреляли релейную радиомачту, но, к счастью, ни разу не попали. Синтии втемяшилось в голову спасти тамошних обитателей. Откровенно говоря, мы не собираемся ей мешать. Но мать Синтии настояла, чтобы ее дочь сопровождал настоящий ведьмак. Собственно, это очень даже на руку. Насмотрится, дурында, ведьмачьей романтики, рано или поздно полезет на рожон... и проблема решится сама собой. Тебе нужно будет спасти ее раз-другой. Чтоб осмелела. А там... пусть все идет естественным путем.

— Бред, — констатировал Геральт. — До свидания.

Он снова наладился встать и уйти.

— Не спеши, ведьмак. — Лонгер ухватил Геральта за рукав. — Сопроводи ее. В течение двух недель. И получишь...

Набрав в грудь воздуха, ведьмак жестом прервал речь незнакомца, выдержал эффектную паузу и терпеливо повторил:

— Уважаемый... Я убиваю механизмы, представляющие угрозу для живых. Именно это моя профессия. Ни нанять великовозрастных чад, ни вести вашу, как ты выразился, дурынду к смерти я не стану. Вопрос исчерпан.

— Лучше узнай цифру, ведьмак, — с нажимом произнес лонгер. Вид у него стал донельзя жесткий, словно лонгер пытался воплотить пантомиму под названием «мне не отказывают».

Геральт улыбнулся уголками рта, но сказать ничего не успел: дернулся в поясном кармане мобильник.

Вынув телефон, ведьмак первым делом взглянул, от кого звонок. Взглянул — и сразу же стал серьезным.

— Да, Весемир! — сказал он, нажав на кнопку приема.

— Здравствуй, Геральт, — сухо поздоровался Весемир. — Ты где?

— Между Донецком и Луганском.

— С тобой уже говорил некий лонгер? Насчет странного задания?

— Как раз сейчас говорит.

— Соглашайся.

— То есть? — опешил Геральт.

Подобных слов от старейшего ведьмака Евразии, от отца и наставника, он совсем не ожидал.

— Вы знаете, что мне предлагают делать?

— Что бы ни предлагали — соглашайся, — все так же сухо велел Весемир. — Соглашайся и делай. И насчет опла-

ты не беспокойся — я все улажу сам. Считай, что деньги за это задание уже получены. Все. Отбой. Потом я тебя отыщу.

Несколько секунд Геральт тупо глядел на отключившуюся трубку.

«Что-то тут не то, — подумал он озабоченно. — Впрочем, ладно. Если Весемир говорит — значит, так надо».

Медленно-медленно Геральт сунул мобильник на место и так же медленно опустил назад на стул.

— Я согласен, — глухо сказал он незнакомцу. — Что делать?

— Другой разговор! — оживился собеседник. — Я отвезу тебя куда надо. Поел?

— Да!

— Официант, счет!

Спустя пару минут Геральт сидел в джипе, мрачно глядел на движущиеся за лобовым стеклом огни встречных автомобилей и невесело гадал: какие пакости ему подстроит ближайшее будущее.

3

Синтия оказалась смазливой девчонкой-полуорком. Как обычно бывает, смешение двух кровей явило миру очень красивое дитя. Была Синтия смуглой, чуть-чуть раскосой и скуластой, иссиня-черные прямые волосы ниспадали на плечи на орочий манер. Да и одевалась она не то как эльфка, не то как орка — вышивки, бисер, бусы... И, разумеется, брюки, а не юбка. И короткие сапожки, а не туфельки.

Глаза у нее тоже были почти черные; а кроме того — внимательные, цепкие и умные. Даже Геральт почувствовал себя неуютно под этим взглядом.

Легким шагом полуорка взбежала по ступеням на веранду, где ведьмак последние четверть часа паялся на окрестности.

— Привет! Ты и правда ведьмак?

Геральт опустил рюкзачок на ближайший стул, а сам опустился на соседний.

— Правда.

— Здорово! Сколько тебе лет?

— Сколько ни есть — все мои, — не слишком-то приветливо буркнул в ответ Геральт.

Синтия сразу перестала улыбаться и тут же стало ясно: она не привыкла, когда ей перечат. Обычное дело для детей богатеньких родителей. Лицо заострилось, стало властным. Глаза вроде бы даже потемнели, хотя куда уж темнеть черным-то глазам?

Но все же она сдержалась и не всдыхнула. Вопреки ожиданиям.

— Давно ведьмачишь?

— Давно, — подтвердил Геральт.

— Ты не особенно учтив, ведьмак! — заметила Синтия.

Геральт равнодушно пожал плечами:

— Чудовищам все равно, учтив я или нет. Да и платят мне не за манеры, а за... — Геральт осекся, секунду поразмыслил и тем же тоном закончил: — За другое.

Синтия изучающе глядела на него сверху вниз. Потом обернулась и взмахнула рукой:

— Ладно, пойдем. Мы выезжаем сегодня же! Пообедаем только — и в путь!

«Ну, началось!» — с неудовольствием подумал Геральт и поморщился с досады.

— А завтра нельзя? — спросил он, не скрывая раздражения. — Я неделю не мылся и две с половиной не спал на

простынях. Надоело! Комфорта хочу — хотя бы на ближайшую ночь.

Синтия нахмурилась, но вновь почти сразу переборола себя:

— Ну... если это действительно необходимо, то можно перенести выезд на завтрашнее утро. Однако учти: в этом случае я весь вечер буду приставать к тебе с расспросами.

На это Геральт только фыркнул. Можно подумать, в пути она не стала бы приставать, раз так неймется!

— Как-нибудь перетерплю, — заверил он.

— Тогда пойдем, заодно покажу тебе гостевые комнаты.

Вот теперь Геральт встал быстро и охотно.

Жила семейка в огромном особняке недалеко от Центра, чуть в стороне от трассы на Одессу. К особняку прилегал гигантский парк без единой постройки — сплошь деревья да кусты, — где хозяйничала семья эльфов-егерей. Когда подъезжали, Геральт заметил из окна худого, похожего на камышину эльфа-подростка, почти невидимого среди ветвей какого-то особенно пышного куста. Вероятно, подросток был отпрыском егеря.

За парком отменно прирученных автомобилей наблюдал медноликий кобольд, у которого в подчинении ходили четверо помощников — орк, орковирг и двое людей. В доме тоже имелись слуги — живых десять, не меньше. Все это Геральт успел выяснить, болтая с орковиргом, помощником кобольда, пока ждал с прогулки хозяйскую внучку. Мать Синтии Геральту не светило увидеть — та пребывала в постоянных разъездах, а ее многочисленные любовники в доме не засиживались: их гоняла охрана папаши, регулярно навещающаяся по дороге в Белую Церковь и обратно. Сам папаша (для Синтии, соответственно, дед) появлялся редко. Имени его Геральту так и не назвали, да ведьмак и не стремился его узнать.

До того как Синтия вернулась с прогулки, Геральт успел, как уже говорилось, поболтать с орковиргом-механиком, побродить перед домом и получить довольно странную СМС-ку от Ламберта.

«Удачи тебе и терпения», — гласила она. Геральт хотел было позвонить и поинтересоваться, что бы это значило, но, конечно же, передумал, поскольку СМС-ками ведьмаки пользовались только тогда, когда намеревались передать коллегам что-либо важное и не ждали ответа.

По дому шли долго, минут десять. Бесконечные анфилады залов, лестницы, коридорчики с дверьми по бокам, снова залы... Комнаты для гостей, слава жизни, оказались нормального размера — всего квадратов тридцать, не больше. Геральт выбрал угловую, наверное, из-за необычной формы. Как раз в этом месте дом пророс неким архитектурным излишеством башенного типа, поэтому комната формой напоминала круг, в который уголком вклинился квадрат. Круглая часть имела сводчатый-стеклянный потолок, высокий-высокий, и огромные окна. Потолок квадратной части комнаты отстоял от пола метра на три, а окон тут не было вовсе. Зато была кровать, низкая и просторная, полуприкрытая в головах дурацким балдахином с бахромой и рюшками. Еще в комнате имелись шкаф, стол, пара то ли больших тумбочек, то ли комодов-недомерков, четыре стула, два кресла, камин, две картины, изображающие пейзажи, и феноменальная люстра, описывать которую однозначно не стоило: любые слова показались бы блеклыми и невыразительными. Между комодиками располагалась дверь в ванную комнату, где, помимо квадратной, два на два метра, ванны и унитаза, нашлось также и биде. В этом приборе Геральт любил цинично мыть ноги и стирать носки, если, разумеется, вся сантехника была отдраена и сверкающая. Как, например, здесь.

— Годится, — буркнул Геральт, осмотрев жилище.

Синтия странно взглянула на него, но если и возникла у нее очередная нелицеприятная мысль, полуорка снова оставила ее при себе.

— Обед через полчаса. Внизу. Если не найдешь — крикни, слуги тебя проводят.

— А нельзя подать обед в комнату? — спросил Геральт чутьточку капризно. — Не люблю я, знаешь ли, светские рауты. Вилку держи не так, не чавкай, не пялся на соседа... Лучше уж чавкать в одиночестве.

Синтия поджала губы. И долго-долго глядела на Геральта. Пристально глядела.

— Не пойму, чего ты добиваешься, ведьмак, — наконец сказала она. — Пытаешься настроить меня против себя? Пытаешься меня разозлить? Зачем тебе это?

— Совершенно незачем, — заверил Геральт. — Просто я люблю одиночество. Во всех его проявлениях. И поэтому плохо уживаюсь с живыми. Ну к чему мне портить обед твоей семейке?

— Совершенно ни к чему, — в тон ему отозвалась полуорка. — Ладно, обед тебе подадут в комнату, я распоряжусь. Но потом я приду. У меня много вопросов.

— Не раньше, чем через час, — заявил Геральт и сам удивился собственной наглости. Диктовать условия хозяйке, причем хозяйке капризной (по всему видно) и властной...

— Хорошо, — кивнула Синтия. — Через час.

И вышла, плотно затворив двери.

Геральт немедленно подался в ванную, открыл воду, щедро ливанул какого-то пенообразующего средства, разделся и, не дожидаясь, пока ванна наполнится, забрался в нее. Он любил лежать вот так, в только-только начавшей наполняться ванне и ощущать, как поднимается уровень воды. Вода приятно щекотала кожу. Когда выдавались редкие деньки общения с цивилизацией, Геральт, бывало, по

несколько раз выпускал воду и наполнял ванну снова и снова. Блаженствовал. Почему-то для полного блаженства ему непременно требовался звук льющейся воды.

Когда он вернулся в комнату, оказалось, что обед уже подан. На столе обнаружился поднос с бокалом вина, прибором и несколькими тарелками закусок. Отдельно, сверкая начищенной крышкой, стояла посуда с супом, рядом, под крышкой поменьше, — горячее.

Хмыкнув, Геральт бросил полотенце на кровать и подсел к столу.

Готовили здесь вкусно. И вино было не из ординарных.

После обеда Геральт как был, в свежих шортах и более ни в чем, рухнул на кровать рядом с полотенцем и мгновенно отключился, даже не успев как следует порадоваться ощущению чистых простыней.

Проснулся он от прикосновения к плечу.

Открыл глаза. Рядом с кроватью стояла Синтия, облаченная в цветастый халатик. Волосы она собрала в конский хвост на затылке и вообще выглядела как-то по-домашнему, уютно и очень естественно в подобной обстановке.

— Какой ты тощий, ведьмак, — сказала Синтия, оценивающе рассматривая поджарое тело Геральта.

— Чудовища быстро вытравливают лишний жир, — буркнул он, недовольный тем, что слишком уж расслабился. Подпустил к себе постороннего и не проснулся при этом.

Стол, оказывается, уже успели прибрать — ни грязной посуды, ни использованных салфеток. Зато возник графин, которого раньше не было, и стакан рядом с ним. В графине обнаружился какой-то фруктовый напиток, в меру сладкий, в меру кисловатый — самое то для утоления жажды. Прогноировав стакан, Геральт выдул половину напитка прямо из графина.

— А стаканом было сложно воспользоваться? — зачем-то спросила хозяйка.

— Несложно. Но и незачем, — ответил Геральт равнодушно.

Синтия склонила голову набок, совсем по-детски:

— Пытаешься выглядеть грубияном и невежей?

— Зачем мне пытаться? — удивился Геральт. — Я и есть грубиян и невежа. Я ведь ведьмак.

— Не лги. Весемир тебя всегда хвалил.

— Ты и Весемира знаешь?

— Знаю. Причем давно. Наверное, даже лучше тебя.

— Ишь ты, — снова попытался удивиться Геральт. Неудачно. Удивления он не испытал и вдруг неприятно изумился этому.

Это было очень забавно — удивиться собственному неумению удивляться. Парадокс, реникса. Впрочем, несколькими секундами позже Геральт понял, что скорее констатирует факт, чем удивляется.

Находить изменения в себе, причем вот так внезапно, всегда немного странно. Возраст. Все возраст. Ты взрослеешь и набираешься опыта, хотя по-прежнему считаешь себя сопляком. А это ведь не так. И осознание этого факта суть первый шаг от сопляка к мудрецу.

Придя к этому неожиданному умозаключению, Геральт успокоился.

— Что тебе от меня нужно? — напрямик спросил он Синтию.

— Хочу стать твоей ученицей. Весемир говорил, что ты — лучший.

— Правда говорил? — не поверил Геральт.

— Не один раз.

— Но... ведьмаков воспитывают в Арзамасе-шестнадцать. Неким... особым способом. Тебе уже явно поздно. И, извини, ты женщина, а все известные мне ведьмаки — мужчины.

— В книгах есть упоминания о женщинах-ведьмачках, — парировала Синтия. — Стало быть, это возможно.

— Испытание фармацевтикой и клиническим кабинетом — жуткая вещь, — сообщил Геральт сухо. — Выживает один из десяти.

— Ну, положим, не один из десяти, а один и двенадцать сотых...

Геральт вопросительно уставился на полуорку.

— Я смотрела статистику за последние двести лет. Весь мир мне показывал, — прояснила та свою неожиданную осведомленность.

— Н-да. Ну и сильно тебе помогут лишних двенадцать сотых от выжившего живого? — поинтересовался Геральт не без ехидства. — Испытание возможно только в раннем возрасте. Ты от него точно умрешь.

— Значит, мне придется научиться быть ведьмачкой без испытания фармацевтикой. И без кабинета.

— Препараты, которые мы принимаем, опасны для обычных живых, не мутантов, — не сдавался Геральт. — Кроме того, они могут сильно повлиять на твои детородные функции. Ты ведь женщина, не забывай.

— Я не забываю. А что до функций... что ж. Я готова рискнуть.

Голос Синтии при этом предательски дрогнул. Упомянутые функции явно были полуорке небезразличны.

— Кроме того, препараты можно и не принимать.

— Тебя прикончит первая же машина, — не задумываясь, предрек Геральт. — Потому что без препаратов ты будешь медленнее ее.

— Потренируюсь. К тому же большинство машин все равно быстрее любого нажавшегося стимуляторов ведьмака. И тем не менее ведьмаки как-то справляются с машинами. В общем, хватит спорить. Стану ведьмачкой, не стану...

Учиться все равно буду, это уже вопрос решенный. Так что изволь, господин наставник, учи меня.

— Я не умею учить, — признался Геральт, отводя взгляд. — И, подозреваю, не люблю. Да и не представляю даже, как это делается.

— И не нужно. Просто рассказывай, что знаешь. И отвечай на мои вопросы. Прямо сейчас и приступим.

— Прямо сейчас? — беспомощно спросил Геральт.

— Прямо сейчас, — подтвердила Синтия нетерпеливо. — Давай облачайся. А то какой из тебя наставник в одних трусах?

— Это шорты, — буркнул Геральт. — Видишь, карманы есть?

И побрел в ванную, где оставил одежду.

Едва он открыл хорошо пригнанные двери, стала слышна тихая трель мобильного. Основной сигнал передавался вибрацией, поэтому даже Геральт не расслышал вызова из комнаты.

Снова звонил Весемир.

— Алло, — сказал Геральт.

— Как дела? — справился Весемир, почему-то не здороваясь.

— Печально. — Геральт насупился. — Я уже на месте. Общаюсь с... подопечной.

— Отлично. Делай все, что она скажет. Это по-настоящему важно, Геральт, поверь.

— Ну какой из меня наставник, Весемир? — взмолился Геральт. — Я не умею нянчить детей!

— Научишься, — отрезал Весемир. — Я серьезно. Ладно, удачи. Будут проблемы — звони.

Весемир отключился. Злой и раздраженный, как черт, Геральт оделся и вышел из ванной. Синтия, подбоченясь, стояла посреди комнаты и по своему обыкновению со сложенной набок головой.

— Дитя, говоришь? — задорно сказала она. — Пошли-ка в тир, господин наставник! Только переодеться заскочу...

И они пошли.

В тире, весьма современном, даже не нужно было ходить к мишеням — те приезжали сами на микролифтах, стоило нажать кнопку на огневом рубеже. Формулы обращения с оборудованием тира были, в общем-то, несложными и любой ведьмак смог бы разобраться в них, даже если микролифтов раньше в глаза не видел.

Синтия упражнялась в стрельбе явно часто и охотно. С первой же попытки на ее мишени мигом возникли дырочки, укладываемые в три ороczy руны, смысл которых сводился к едкому вопросу: «Съел?»

— Ну как? — ревниво осведомилась Синтия, вызвав мишень к себе и любовно огладив плотную бумагу с отверстиями в местах попаданий.

— Сносно, — скривившись, оценил Геральт. — Но ведьмаки стреляют не так.

— А как?

Геральт молча подошел к соседнему рубежу и быстро, практически не целясь, чуть ли не очередью, всадил в центр мишени всю обойму. Двенадцать пуль. И утопил кнопку микролифта.

Когда мишень приехала, стало отчетливо видно, что дырочка на мишени только одна. Правда, слегка разлохмаченная и чуть больше размерами, чем любая из пулевых пробоин на мишени Синтии.

Полуорка закусил губу.

— Вот тебе первый урок, — сказал Геральт, сам не понимая, откуда берутся слова. — Никогда не выделяйся. Этого не любят живые, ибо живые не любят, когда им показывают, что они в чем-то хуже тебя. К ведьмакам и так относятся без приязни, а уж к ведьмаку, который выделяется,

и вовсе... И никогда не выделяйся перед чудовищами. Чудовищам все равно, а тебе это может стоить жизни. Запомни. И постарайся не забыть, когда очень захочется блеснуть перед посторонними каким-нибудь умением.

Синтия кивнула. Молча. Но в глазах ее появилось нечто... нечто неопишемое. И Геральт неожиданно понял — его слова угодили ей в самое сердце. Даже не слова, нет — та мысль, которую ведьмак пытался до полужирки донести. Мысль была воспринята. В этом Геральт не сомневался.

«А ведь она и впрямь искренне желает стать ведьмачкой, — подумал Геральт. — Вот те на! Неужели? Не ради романтической мишуры, а просто потому, что поставила перед собой такую цель? Но зачем, прости жизнь, такой шикарной девчонке становиться ведьмачкой?»

— Знаешь, Геральт, — сказала Синтия серьезно, — ты вовсе не такой плохой учитель, каким притворяешься. Честно. Спасибо за первый урок.

— Пожалуйста, — проворчал Геральт.

Чувство было новым и непривычным. А еще Геральт вдруг вспомнил глаза Весемира, когда при обучении наконец-то впервые выполнял что-нибудь, доселе завершающееся многими неудачными попытками. Только теперь Геральт догадался, что за огонь полыхал в глазах наставника в такие моменты.

Огонь гордости.

4

Выспался Геральт отменно — вино, чистое белье, никакой опасности... Всегда бы так. Наутро, после холодного душа он чувствовал себя заново родившимся. Завтрак снова подали в комнату, хотя заранее об этом ведьмак не просил. А

после завтрака немедленно явилась Синтия, одетая в дорожный костюм и горящая нетерпением. Глаза ее казались чернее обычного, но при этом недвусмысленно блестели.

— Готов, Геральт? Машины уже у ворот!

Геральту сразу не понравилось это «машины». Их что, больше одной?

Он, лишь безмолвно кивнув на приветствие, подхватил верный рюкзачок и направился к выходу. На пороге комнаты он обернулся и, по обычаю, сдержанно поклонился.

Это значило, что здесь ведьмака принимали очень хорошо.

Второй поклон ведьмак отвесил, сбежав по ступеням перед главным входом. Теперь он благодарил весь дом в целом.

Синтия не отставала.

— Может быть, нужно взять с собой что-нибудь особенное? — тараторила Синтия. — Я собралась, но я ведь не знаю, какие вещи могут понадобиться в пути. Посмотришь?

— Посмотрю.

У ворот стояло четыре джипа; рядом, собравшись в кружок, болтали шестеро живых. В том числе давешний собеседник орковирг; кроме него — четверо людей и молодой эльф.

Геральт сжал зубы.

«Ну подожди, девчонка! Хлебнешь ты у меня ведьмачьей обыденности по полной программе!»

При более пристальном рассмотрении один из людей оказался квартироном — в нем текла четверть орочьей крови. Едва приблизились ведьмак и Синтия, живые прервали разговор, побросали недокурные сигареты в урну при въезде и выжидающе уставились на хозяйку.

Геральт покосился на джипы — сквозь слабо тонированные стекла было видно, что багажники их забиты под завязку.

Несколько секунд Геральт мрачно стрелял глазами: направо, налево, опять направо...

— Это что? — наконец осведомился он, не потрудившись обернуться к Синтии.

— Это наша команда и наши машины, — пояснила та дрогнувшим голосом. Полуорка уже явно уловила, что Геральт недоволен, но пока не поняла, чем именно.

— Машины в гараж. С грузом делайте что хотите. Вещи Синтии сюда.

Команда вопросительно взглянула на хозяйку.

Синтия закусила губу и бросила:

— Выполняйте!

Живые зашевелились. Кто полез за руль джипа, кто в багажник. Через минуту перед воротами машин не осталось, остался сумрачный ведьмак, растерянная Синтия и несколько объемистых дорожных сумок на асфальте.

— Все это — твои вещи? — уточнил ведьмак.

— Да, — в замешательстве отозвалась Синтия.

Впервые в жизни она чувствовала себя маленькой и беспомощной, хотя еще вчера была хозяйкой и повелительницей. Властной и решительной. Командовала мужиками любой расы, даже эльфами-егерями. А теперь мялась виновато перед ведьмаком — изгоем и бродягой.

— Подними их.

— Кого?

— Свои вещи.

— Все сразу?

— Разумеется! Ты ведь не намерена челночить по полста метров в походе?

Синтия стала еще более беспомощной. Было совершенно понятно, что каждый из четырех баулов она сможет в лучшем случае приподнять. Но не нести.

— Я не смогу, Геральт...

— Ведьмак не знает слов «не могу». Ты — ведьмак... ведьмачка. Ты отправляешься в путь. Ты не можешь поднять свои вещи. Далеко ты уйдешь?

— Но машины...

— У ведьмаков обычно нет машин. А пусть даже и есть — в багажнике ты найдешь только запаску да технический инструмент. Посмотри на меня, ведьмачка. Вот все мои вещи. Их более чем достаточно. Поэтому... поэтому мы не будем перетряхивать весь этот универмаг. Мы просто соберем тебе действительно необходимое. Есть рюкзачок таких же размеров?

Геральт вновь для наглядности приподнял свой верный издававший-перевидавший походы шмотник.

— Сейчас, — упавшим голосом сказала Синтия.

— И позови того, кто все это паковал.

Через пару минут примчалась служанка, такая же чернявая полуорка, как и хозяйка.

— Итак, — начал Геральт. — Запоминай. С собой нужно брать вовсе не то, что может когда-нибудь пригодиться, а лишь то, без чего никак не обойтись. Первое... Что первое?

— М-м-м... — промычала Синтия, раздумывая. И предположила: — Оружие?

— Почти угадала. Оружие — второе. А первое — ноутбук и мобильник. Потому что во главе всего и вся стоит информация и своевременный обмен ею. Мобильник вижу. Есть ли у тебя ноутбук?

— Есть! — Синтия слегка воспряла духом. — Эльза!

Служанка, словно ныряльщик, погрузилась в недра одного из баулов и подала хозяйке элегантную кожаную сумочку.

— Что за модель? — поинтересовался Геральт.

— «Рух-овердрайв», восьмерка.

— Батареи живые?

— Два с половиной часа с полной подзарядки.

— Годится. Софтину нужную я потом тебе солью. В сторону.

Сумочка с ноутбуком легла поодаль от баулов.

— Второе. Как ты уже сказала, оружие. Понадобятся тебе три вещи. Хорошее ружье. Хороший пистолет. И хороший нож.

— Ружья остались в машинах. — Синтия покосилась в сторону гаража. — Пистолет вот...

Полуорка отвела в сторону полу замшевой походной курточки. Под курткой в коричневой кобуре висел восьмизарядный «Шульга».

— Когда ты его последний раз чистила? — придиричиво уточнил Геральт.

— Сегодня.

— Пристрелян?

— Разумеется!

— Хорошо. С пистолетом, будем считать, порядок. Нож?

В набедренном кармане Синтии нашелся роскошно отделанный ножище от «Бримингетти» — инкрустация, кость, драгоценные камни, травленный узор на клинке. Приличная штука. Ну оч-чень приличная!

— Не пойдет, — тем не менее забраковал Геральт.

— Почему? — чуть не со слезами на глазах взмолилась Синтия. — Это же прекрасный нож! Один из лучших!

— Именно поэтому и не пойдет. Ведьмаки бродят в таких местах, где тебя легко прирежут за единственный камушек с рукоятки. Нож должен выглядеть так...

Геральт вынул и показал свой тесак. Простой — дальше некуда. Дерево и металл, больше ничего. Даже без резьбы на рукоятке.

Синтия знакомо закусила губу, вложила «Бримингетти» в не менее роскошные ножны и швырнула в открытый баул.

Тем временем из гаража рысцой прибежал один из людей; в каждой руке он нес по ружью. Синтия, совершенно не церемонясь, выдернула из кольца на его поясе нож — такой же простой, как и у Геральта.

— Этот пойдет? — и угрюмо протянула ведьмаку.

Тот осмотрел все так же критически. Нож был средненький. Но железо хорошее, заточен прилично, рукоятка удобная. Для Геральта по крайней мере.

— Ну-ка, прикинь к руке. — Он вложил рукоятку в ладонь Синтии. — Усиль хват...

Пощупал, пригляделся.

— Рукоятка толстовата. Но пойдет — отшлифуешь на стоянках. В карман.

Нож перекочевал на бедро Синтии.

— Ружья... Тут и думать нечего, вот эта помповуха. Как раз под тебя. Повернись.

Карман и лямки под ружье на костюме Синтии имелись и под выбранную помповуху подходили вполне.

— Три дюжины патронов к ружью, три обоймы к «Шульге» и с оружием все...

— У меня еще метательные ножи, — сообщила Синтия. — И револьверчик.

— Это — твое дело. Хочешь, бери, хочешь — выбрось. Каждый ведьмак обязан иметь ружье, пистолет и нож. Остальное — по вкусу. Поехали по вещам. Третье. Что третье?

Синтия встретила глазами с Геральтом и пожала плечами.

— Аптечка, — сказал ведьмак и назидательно воздел палец. — Стандартной вполне хватит.

— А у тебя нестандартная? — немедленно заинтересовалась Синтия.

— У меня ведьмачья.

— Так почему же мне стандартная? — с некоторой обидой спросила она.

— Потому что ведьмачью тебе неоткуда взять. Это раз. И потому что ведьмачьи препараты тебя убьют — ты ведь не проходила испытание. Это два.

— Понятно.

Служанка даже не дождалась команды от хозяйки — аптечка заняла место рядом с ноутбуком.

— Четвертое. Предметы гигиены. Зубная щетка, паста, чистое белье. Полагаю, тебе не помешают еще и прокладки. Полотенце не нужно. Не нужна также и косметичка — зуб даю, она у тебя размером с чемодан. Можешь забыть и о фене — это ведь коробка с феном, во-он в сумке? Да? Так вот, фен и косметичка в предметы гигиены не входят.

— Но...

— Никаких «но». Не согласна — до свидания.

Синтия решительно шагнула к сумке, порылась там на пару со служанкой и присовокупила к уже отобранному вещам пакет размером с рюкзачок Геральта.

— Уменьшить вдвое, — безжалостно велел ведьмак.

Синтия выполнила и это. Когда она встала, из пока еще подкрашенных глаз ее текли слезы. По пока еще подрумяненным щекам.

— И не реви. — Геральт не знал жалости. — Чудовищам все равно, как ты выглядишь.

— Но ведь живым не все равно, — тихо возразила Синтия.

— Зато тебе все равно, что думают о тебе живые. Безразлично тебе это, поняла? Без-раз-лич-но. С сегодняшнего дня.

— Я поняла, — прошептала полуорка.

Наверное, она действительно поняла. Но слез не стало меньше.

— И еще одно запомни. Вероятно, ты полагаешь, будто мне тебя жалко. Что я — всего лишь строгий учитель, который поступает сурово лишь оттого, что есть такое слово «надо», а в душе он добренький и несчастную девочку жалеет. Так вот, чушь все это. Ничуть мне тебя не жаль. Моя жалость умерла много лет назад в Арзамасе-шестнадцать. И потихоньку привыкай, что твоя жалость тоже умрет — где-

то там, впереди, в походе. Умрет жалость, сострадание, все умрет. Останется только умение ведьмака и безразличие ко всему, кроме города.

— Я запомню, — пообещала Синтия.

«Надо же, — подумал Геральт. — Упорная. Не отступается. Ладно, поглядим, что ты запоешь через недельку».

— Что пятое? — робко спросила Синтия, утирая слезы рукавом.

— Платочек можешь взять, — проворчал Геральт. — Зачем рукавом-то... Пятое. А пятого и нету. Ведьмаку в пути больше ничего не нужно. Хотя стоп: если есть деньги — возьми, сколько считаешь нужным. Деньги никогда не мешают. Теперь упакуй отобранное в рюкзачок. Да сама, сама, служанки у тебя в пути не будет. Пакет с мягким — к спине. Потом ноутбук, вертикально, портами вверх, дисководом и сидюком вниз. Так, хорошо, надевай... Эх, дурья башка, ружье-то сними сначала, потом заново пристегнешь. Ружье тебе придется чаще брать в руки, чем рюкзачок снимать. Вот... Вот... Другое дело. Ботинки новые?

— Почти.

— Ноги не натрешь?

— Нет. Это «Монтрей».

— Ну смотри. Ждать не стану. Попрыгай-ка. Что громы-хает? Перепаковывайся. И не гляди так, несвоевременный звук тебя погубить может.

Геральт заставлял ученицу перепаковывать рюкзачок трижды и лишь после этого остался доволен.

— А... — робко начала Синтия.

— Что?

— Еды мы с собой не возьмем?

— Не возьмем. Добудем в дороге.

Синтия покорно кивнула, хотя было видно, с каким трудом дается ей эта покорность. Возможно, наедине с Гераль-

том она и не кипела бы так, но на виду у прислуги вытерпеть придирки Синтии было, конечно же, очень трудно, будь придирки хоть сто раз справедливыми.

Однако она стерпела. И новоявленный учитель счел это добрым знаком.

— Геральт, — обратилась Синтия к ведьмаку, когда тот повернулся к выходу и собрался идти. — Не подумай, что я ною. Я просто понять хочу. Объясни, почему мы не поедем на машине?

— Потому что из окна машины ты много не увидишь. Ведьмак должен чувствовать свой город. А для этого нужно измерить его ногами. Вдоль и поперек. Все. Пошли. Кстати, учись уходить не прощаясь. Отныне тебе придется чаще всего поступать именно так. Если, конечно, ты не сломаешься и не сбежишь.

— Не сбегу, — упрямо сверкнула глазами полуорка. — И не сломаюсь. Даже не мечтай.

— Жаль, — вздохнул Геральт. — Так было бы проще. Все, пошли.

И, не оглядываясь, шагнул за ворота.

Минут двадцать они шли молча. Синтия сразу подхватила экономный темп ходьбы ведьмака — так можно, не уставая, топтать весь день, причем довольно быстро, километров шесть-семь в час. Разумеется, по ровной местности. По какой-нибудь свалке или заводской ростовой площадке так не походишь. А по дороге — вполне.

— Геральт, — сказала Синтия, ловко подстраивая слова в такт дыханию и шагам. — Я хотела, чтобы ты сопроводил меня на юг, на Матвеевский танковый полигон. Пешком мы будем долго идти.

Ответил ведьмак не сразу и при этом снова не подумал обернуться.

— Мнится мне, неспроста ты на этот полигон нацелилась. Что-то ты там удумала совершить. Героическое. Так вот: пока мы туда доберемся, я надеюсь тебя кое-чему обучить. По крайней мере самому необходимому. Если ты окажешься способной ученицей, ты откажешься от своего замысла. А если не откажешься... Что ж...

— Что — «что ж»?

— На месте и решим, — уклонился от ответа Геральт. — Видишь ли, если существует хоть малейшая возможность уклониться от нежелательного столкновения с кем угодно — машиной или живыми, — настоящий ведьмак непременно ею воспользуется.

— Даже если его назовут при этом трусом?

— Да пусть хоть сто раз назовут трусом, подонком, скотиной — как угодно! От того, назовут меня трусом или храбрецом, я нисколько не изменюсь. И ты не изменишься. И никто не изменится. Только глупцам да зеленой молодежи слова добавляют храбрости. Вот возьмем тебя, к примеру. Слепому же видно, что на Матвеевском полигоне с тобой произошло что-то... нехорошее. И ты вознамерилась отомстить. А раз обратилась к ведьмаку, а не какому-нибудь бандитскому отребью, значит, мстить ты решила машине. И в этом главная твоя ошибка. Улавливаешь?

— Нет.

— Машинам мстить бесполезно. Они лишены эмоций и почти лишены короткой памяти. Мстить машине — все равно что мстить камню, о который ты расшибла ногу.

— Ты не понимаешь, ведьмак, — зло произнесла Синтия. — Ты ничего не понимаешь!

— Наоборот, дитя мое. Порой я жалею, что понимаю настолько много.

— Не называй меня «дитя мое»! — резко выкрикнула Синтия, останавливаясь.

На этот раз Геральт встал, будто дисциплинированный джип на светофоре. И медленно обернулся к полуорке.

— Что-что? — переспросил он подчеркнуто спокойно.

— Не смей называть меня «дитя»! Понял ты, ведьмачья рожа?

— Упор лежа принять, — тихо скомандовал Геральт.

Синтия вопросительно уставилась на него.

— Я, кажется, кое-что скомандовал, воспитуемая. На первый раз за непонятливость санкций не последует. Но на дальнейшее уясни: любую мою команду следует выполнять быстро и не рассуждая. Даже если я скомандую шмякнуться рожей в дерьмо. А теперь — упор лежа принять!

Синтия продолжала стоять посреди пустынной дороги. Глаза ее сверкали гневом. Бешенством. Ненавистью, внезапной, как летний ливень.

А в следующее мгновение ведьмак вдруг непостижимым образом оказался рядом с нею. Пинок под колено, легкий тычок в бок — и вот уже полуорка лежит на асфальте лицом вниз.

— Руки выпрямить! — Ботинком Геральт заставил принять Синтию требуемую позу. — По счету «раз» сгибаешь руки. По счету «два» — выпрямляешь. Раз!

Полуорка, закусив губу, согнула руки в локтях.

— Два!

Выпрямила.

— Раз!

Согнула.

— Два!

Выпрямила.

— Раз! Два! Раз! Два...

Она оказалась крепче и упрямее, чем могло показаться сразу. Тридцать раз отжалась — с некоторыми усилиями, но чувствовалось: если потребуется — еще десяток раз отожмется.

— Встать!

Синтия встала, тяжело дыша. Непослушная прядь волос выбилась из «конского хвоста» и упала на лицо. Глаза полуорки были чернее, чем обычно.

— В следующий раз, — безжалостно заметил Геральт, — опираться будешь не на ладони, а на кулаки. А через неделю будем учиться отжиматься только одной рукой.

— Правой или левой? — с тихим бешенством в голосе уточнила Синтия.

— Попеременно. Напоминаю, что в любой момент ты можешь все это прекратить и прервать обучение.

— Хрен тебе!

— Упор присев принять!

Полуорка послушно опустила на корточки, касаясь руками асфальта.

Геральт секунду подумал и решил сменить упражнение.

— Так! Просто сиди, без рук. По команде «раз» или «два» подпрыгиваешь, так чтобы ноги оторвались от асфальта, и одновременно делаешь ладонями хлопок над головой. Раз!

Прыжок, хлопок.

— Два!

Прыжок, хлопок.

— Раз! Два! Раз! Два...

«Упрямая, — думал Геральт. — Дьявол, будь она мальчишкой — действительно мог бы выйти приличный ведьмак».

— Встать!

Синтия встала. Прическа ее совсем разлохматилась — на этот раз даже глаз рассмотреть не удалось.

— Пока я тебя обучаю — забудь о том, что мне можно перечить или указывать. Подчинение и послушание. Более ничего. Это раз. Патлы твои сегодня же обрежем. Это два. Вопросы будут? Жалобы? Предложения?

— Нет! — зло, но упрямо выдохнула полуорка.

— Ну и отлично. Бегом марш!

И припустил дежурной рысцой. Любой ведьмак мог бежать таким темпом хоть день, хоть сутки. Геральту однажды пришлось бежать часа четыре, пока выбежал к трассе и там уж поймал попутку.

Бежали они около часа. Синтия заметно запыхалась и устала, но изо всех сил старалась это скрыть. Что касается Геральта, то у него лишь слегка участилось дыхание. До трассы осталось всего ничего; прошагав для профилактики метров триста, они остановились у придорожного колодца, заботливо отделанного шпоном и выкрашенного в веселенькие цвета. Геральт умылся и попил, жестом велел то же проделать и полуорке.

Та послушно последовала его примеру, а потом добыла из кармана зеркальце и расческу и попыталась привести в порядок свою буйную гриву.

— Геральт! — жалобно сказала она спустя минуту — сказала куда-то в сторону, словно боялась поднять на ведьмака взгляд. — А это действительно нужно? Обрезать мне волосы?

— Без них гораздо удобнее. Неизвестно, когда ты сумеешь вымыть их в следующий раз. Хочешь ходить с колтунами на башке?

С минуту Синтия сидела неподвижно. Потом собрала на затылке все тот же «конский хвост».

— Режь.

Ведьмака не нужно было просить дважды. Нож сам собой оказался в его руке. Мгновение — и роскошный «хвост» навсегда отделился от хозяйки. А Синтия не расслабилась даже на слезинку — глаза ее остались сухими и пустыми. Но что-то за этой пустотой стояло — что-то страшное и мучительное.

«Жизнь меня побери, — подумал Геральт с некоторым даже испугом. — Что ж там произошло, на этом долбаном полигоне? Кто или что так ранило твою душу?»

— Об одном прошу, — снова в сторону сказала Синтия. — Позволь зайти в любую парикмахерскую, которая нам встретится по пути. Пожалуйста.

— Позволю, — сухо пообещал Геральт. — А теперь, воспитуемая, получай задание. Застопить машину — хотя бы до Умани.

Полуорка с болью взглянула на ведьмака. Неровно обкорнанные волосы, как ни странно, не сделали ее менее красивой, хотя понятно, что, распусти Синтия свою потерянную гриву по плечам, шоферюги бы в очередь выстроились за право ее подвезти.

Но и так Синтия застопила первую же машину — зализанный «Верес» небесно-голубого цвета. За рулем сидела, как ни странно, женщина-человек, ослепительная платиновая блондинка. Геральт без разговоров сел вперед, Синтия — назад.

— Что, — поинтересовалась блондинка спустя пару минут, пытливо глядя в зеркальце на Синтию. — Издевается над тобой этот мужлан?

Говорила она настолько раскованно и свободно, что никто не обиделся бы на месте Геральта.

— Так надо, — тихо и без интонаций ответила Синтия.

— Я за Белой Церковью все равно хотела остановиться пообедать. Если хочешь, подровняем тебе чубчик. Инструмент у меня с собой.

Геральт затылком почувствовал умоляющий взгляд полуорки.

— Полчаса, — буркнул он.

— Спасибо, — еще тише поблагодарила Синтия.

Геральт не ответил. Как объяснить, что не нужна ему благодарность девчонки, решившейся на какое-то явно опас-

ное дело? Как объяснить, что ведьмакам вообще не нужна ничья благодарность?

«Жизнь заberi, — подумал Геральт со смутной горечью. — Только теперь я начинаю понимать, как тяжело тебе было со всеми нами, Весемир... С неслухами и обормотами, своенравными, наивными и глупыми...»

До Белой Церкви домчали мигом; после чего блондинка тормознула у придорожного мотельчика с закусочной под открытым небом, заказала стол, за которым могли бы наесться четверо здоровенных оголодавших виргов, велела официанту принести табурет и простынь и вынула из внушительных размеров бардачка пластиковый пакет, внутри которого Геральт сразу угадал расческу и термоплойку для завивки волос. Помимо этого в пакете имелась прорва инструментов, самым знакомым из которых показались хромированные щипчики довольно-таки зловещего вида.

Геральт досадливо сплюнул, завел таймер на полчаса и вразвалку пошел к прилавку, где за стеклами холодильных шкафов угадывались цветастые банки пива.

«Женщины, — подумал он с легким раздражением. — Они везде одинаковы. Пудра на носу их волнует куда больше, чем запасная обойма».

Блондинка управилась за семнадцать минут с секундами. Ее усилиями остатки орочьей гривы обратились в короткий, но, нельзя не признать, весьма стильный ежик. Геральт счел перемены приемлемыми в смысле функциональности, а эстетическая сторона его вообще не трогала. Синтия несколько отмякла и подобрела, даже на Геральта смотрела без былой злости.

Убрав инструмент в пакет, блондинка чмокнула Синтию в щеку, а Геральту помахала рукой:

— Чао, странники! Весемир передавал вам привет.

Геральт немедленно насупился.

— Ты знаешь Весемира? — спросил он, на глазах мрач-
нея все сильнее и сильнее.

— Знаю.

«Шахнуш тодд! — вздохнул Геральт с досадой. — Все
бабы в округе знают Весемира! Ну и дела!»

— Можете пожелать мне приятного аппетита и катиться
на юг! Я вас дальше не повезу.

— Спасибо и на том, — буркнул Геральт, после чего до-
пил пиво единым глотком и зашвырнул банку через весь зал
в узкую наклонную урну у самой стойки. Конечно же, по-
пал. Официант взглянул на Геральта с нескрываемой не-
приятностью.

— Пошли, — кинул он Синтии и с запоздалым сожале-
нием подумал: «Надо было подойти поближе к урне. Сам же
учил не выделяться на людях».

Полуорка на ходу надела рюкзачок и подтянула лямки,
пристегнула ружье и в несколько прыжков догнала Геральта.

Она не стала его благодарить. И ведьмак счел это ма-
ленькой победой.

5

Под ночлег Геральт выбрал уютный коттеджик чуть в
стороне от дороги. Между избранным коттеджиком и точно
таким же соседним располагался небольшой дворик с ла-
вочками и костровой ямкой в центре и густыми кустами вдоль
заборов.

— Так-сь!

Геральт по-хозяйски осмотрелся, опустив на траву пакет
с недавно заготовленными в случайной лавчонке продукта-
ми. Место ему понравилось.

— Пойдет, — объявил он вскоре. — Давай разводи костер и начинай готовить, а я пока коттедж вскрою.

С замком он возился недолго, вторая отмычка с ним совладала без труда. На первом этаже, за крохотной прихожей, помещалась квадратная комната, примерно пять на пять метров. Две кровати, холодильник (пустой), телевизор (с даже не приросшей антенной) на высокой тумбе, стол, четыре стула. Две из четырех стен украшали картины, хотя Геральт при всем желании не мог назвать их стоящими: какая-то абстракционистская мазня. Зато на одной из стен серел сетевой разъем — вещь куда более полезная, чем картины. Скорость доступа по шнуру раз в десять превышала скорость ноутбучного модема. В левом ближнем углу комнаты располагался голубоватый рукомоиник, в правом углу — узкая лестница на второй этаж.

Комната на втором этаже была поменьше: две кровати, две тумбочки и два стула. И две картины, только размером поменьше.

— И это пойдет, — удовлетворился Геральт.

Когда он вернулся во дворик, Синтия беспомощно сидела на корточках перед разложенной на пакетах провизией — курицей в цветастом пакете, банкой консервированных помидоров, куском сыра, круглым хлебом, зеленью. Костром тоже еще и не пахло.

— Геральт, — чуть не плача сказала Синтия. — Я... Я не знаю, что делать...

«Тьфу ты! — выругался про себя ведьмак. — Ну конечно же! С какого перепугу господской дочке учиться стряпне? Ей все приносят на серебряном подносе...»

— Н-да, — вздохнул он спустя секунду. — Ладно. Придется тебя и этому научить. Первым делом нужно позаботиться о костре. А костра без чего не бывает?

— Без дыма? — неуверенно переспросила Синтия.

Геральт подавил смешок. Эх, господские дети, хозяйева жизни...

— Без дров!

— А! — сообщила Синтия. — В этом смысле!

— Пошли.

Они обогнули коттедж — и точно, почти сразу наткнулись на частично уже траченную кем-то поленицу под хилым навесиком. Невзирая на хилость, навесик со своим назначением справлялся: досочки были как на подбор, желтенькие, сухие, чуть смолистые.

— Руки вытяни, — велел Геральт, а когда полуорка послушно протянула руки — принялся накладывать доску за доской, пока не получилась приличных размеров охапка.

— Ну, хватит пока. — Геральт деловито отряхнул ладони и быстрым шагом направился к продуктам. Голод донимал все сильнее и сильнее.

Дрова Синтия свалила рядом с костровой ямой, тоже отряхнула руки и вопросительно уставилась на Геральта. Тот первым делом взялся за курицу — содрал цветастую упаковку.

— Чего сидишь, костер разводи! — буркнул он Синтии, потому что полуорка постояла пяток секунд и уселась на лавочку.

— А... А как?

Геральт чуть не выронил курицу на траву.

— Шахнуш тодд! Ты и костры разжигать не умеешь?

— Нет... — жалобно прошептала Синтия и втянула голову в плечи.

— Ты что, никогда ребенком не была? Такой парк под боком...

— Была... Но мы никогда не разжигали костров и не играли в парке...

— Несчастные вы живые, чес-слово, — искренне пожалел ведьмак Синтию. — Ладно, учись и этому.

Курица ненадолго лишилась внимания.

— Бумага есть какая-нибудь?

— Туалетная...

— Не, эта не пойдет. Газета, там, или распечатка. Нету? Тогда возьми в привычку сдирать по пути объявления и плакаты и ныкать по карманам. Часто помогает... и, кстати, не только при разжигании костров.

— А еще когда?

— А, тебе не понять, — махнул рукой Геральт. — Раз у тебя туалетная бумага всегда с собой...

Синтия прыснула в кулак. Геральт тем временем расколол своим тесаком пару досок на щепочки, вынул из нагрудного кармана обрывок какого-то объявления, действительно содранного по пути, скомкал, бросил в яму; построил поверх классический шалашик из щепочек и требовательно протянул руку в сторону полуорки:

— Давай спички.

— У меня нет спичек, — сказала полуорка, на этот раз уже особо не смущаясь. И, предваряя очередной педагогический выговор Геральта, торжествующе закончила: — Но есть зажигалка!

И, сияя, будто начищенный к празднику самовар, вынула из кармана редкий по красоте экземпляр «Вулкана».

— Хм... — Геральт, самую малость смутившись, поскреб в затылке. Он ведь и вправду решил в очередной раз преподать Синтии урок выживания, потому что был уверен: спичек у нее нет. — Ладно, давай зажигалку.

Костер радостно занялся.

— Будешь подбрасывать дрова, — распорядился Геральт. — Да сначала те, что потоньше, а как хорошо разгорится — тогда все равно какие. Только много не наваливай, затушишь. Усекла?

— Усекла, герр учитель! — весело ответила Синтия. От недавней растерянности не осталось и следа, она повеселела и раззадорилась.

— Какой я тебе учитель, — проворчал Геральт. — Нянька разве что...

Курицу ведьмак насадил на ружейные шомпола и пристроил покуда подле костра, на паре силикатных кирпичин. Открыл банку с помидорами, нарезал хлеб и сыр, довольно крякнул, оглядев накрытый «стол», а потом, подхватив по пути бутылку пива, уселся на лавочку и вольготно откинулся на спинку.

На половине бутылки он лениво скомандовал:

— Эй, воспитуемая! Хорош дрова кидать, достаточно уже. Пусть прогорят слегка. Можешь отдыхать... некоторое время.

Синтия охотно встала с корточек, машинально потянулась поправить волосы, но наткнулась ладонью на короткую стрижку и малость поскучилась.

«Нет, — подумал Геральт, глядя на нее. — Все-таки женщины слеплены из какого-то иного теста, чем мы. Так убиваться по состриженным волосам! Идиотизм».

Потом ведьмак показывал Синтии, как печь у огня курицу, поливая стекающим в подставленную плошку жиром. Снисходительно похихикал, когда Синтия удивилась: она была убеждена, что курице надлежит находиться над костром. Геральт еще более снисходительно объяснил, что можно и над, но тогда костер должен еле-еле теплиться, тлеть скорее, но на самом деле целиком курицу тогда не приготовить: придется либо срезать готовые кусочки на манер шаурмы, либо заранее разрезать тушку на части и устроить нечто на манер шашлыка. А вот когда рядом приличный жар, да исправно эту синюю птицу вертеть, тогда и целиком зажарится как миленькая. Вернее, запечется. Или загрилится — как правильно сказать-то?

Пока Геральт размышлял о правильном названии такого метода готовки, курица мало-помалу дошла до требуемой кондиции. Отправив Синтию драить шомпола, Геральт почикал тушку на дымящиеся кусочки, посыпал зеленью и специями, полил приправами, какие нашлись, принялся...

И чуть не умер от удовольствия.

«Да, — подумал он. — Пивом тут не обойдешься».

Тем временем прискакала Синтия — похоже, она проголодалась не меньше ведьмака, потому что, пока тот придиричиво осматривал шомпола, ноздри ее недвусмысленно шевелились, а глазами полуорка то и дело выразительно стреляла на накрытый прямо на лавочке «стол». Похоже, муштра начала до нее доходить: относительно шомполов придираться Геральту не потребовалось.

— Ну, — решил он озвучить недавнюю мысль, — пивом тут не обойдешься...

И полез во внутренний карман. За заветной фляжечкой, которая у каждого ведьмака всегда под рукой и никогда не пустует.

— Что там у тебя? — заинтересованно спросила Синтия, на миг даже позабыв о курице.

— Тебе не положено, — буркнул Геральт.

— Да я не поэтому интересуюсь.

— А почему еще? — Геральт поднял на нее взгляд, так и не отвинтив крышечку до конца.

Синтия тоже полезла во внутренний карман куртки. И тоже вынула фляжечку — меньше размерами и куда более изящную: в замшевой плетенке, украшенную камешками и бисером, с фигурной серебряной крышечкой.

Геральт нахмурился.

— Это «Эльфийская особая», — с улыбкой сказала Синтия. — Двенадцать лет, между прочим, выдержки.

— Дай сюда. — Геральт завинтил и спрятал свою фляжку и требовательно протянул руку. Полуорка безропотно отдала «Особую».

— Во время обучения воспитуемые не пьют спиртного. Запомни это... и лучше не пытайся меня обмануть — обоняние у меня куда чувствительнее, чем у обычных людей. Даже чувствительнее, чем у большинства эльфов.

— Ладно. — Синтия беспечно пожала плечами. — Как скажешь.

При ближайшем рассмотрении обнаружилось, что фляжечка сама по себе тоже серебряная, а с внешней стороны еще и с позолотой. Да и камешки на плетенке оказались отнюдь не стеклом.

— У тебя еще много таких дорогостоящих... безделушек? Вроде ножа от «Бримингетти», «Вулкана», вот этой фляжечки?

— Ну... — Синтия задумалась. — Все, пожалуй. Больше ничего нет.

— Я ведь говорил, ведьмаку не стоит носить с собой такие дорогие вещи. Прирежут и имя не спросят. Говорил?

— Говорил... но только по поводу ножа.

— А голова на плечах у тебя зачем? Чтобы стричься почаще?

Синтия тотчас закусила губу.

— Для того, чтобы думать! Слышишь? Думать, сопоставлять, делать выводы! Ведьмака никто не защитит — он одиночка! Он может рассчитывать только на себя — на свои знания, на свою смекалку, на свою расторопность и на свою силу. И заметь, силу я назвал последней!

Геральт умолк и стало отчетливо слышно, как сверчат на близлежащих деревьях цикады и как потрескивают угольки в костре.

— Ясно тебе, горе мамино? Ты теперь одна! Одна против всего мира.

— Ясно, Геральт, — прошептала Синтия.

— Это я изымаю. Во избежание, как любит говорить один мой знакомый бескуд. Закончится обучение — верну.

— Хорошо, Геральт. Я... я это брала для тебя. Я подумала, что ты, наверное, никогда в жизни не пробовал такого дорогого и редкого напитка...

— Ну почему же никогда, — сварливо перебил ведьмак. — Ладно, замяли. Попробую, а фляжку потом отдам. А теперь давай жуй, а то живот к спине присохнет.

Синтия с готовностью потянулась к снеди, а Геральт, неторопливо открутив серебряную крышечку, сначала поводил горлышком у носа, вдохнул богачейший и неповторимейший букет, блаженно закатил глаза и сделал небольшой долгий глоток.

К сожалению, этого напитка в Большом Киеве, да и во всем мире оставалось все меньше и меньше, поскольку меньше становилось и долгоживущих эльфов. И стоил он — ого-го! Во всяком случае, содержимое этой ювелирной фляжечки явно перебивало цену саму фляжечку и фурнитуру.

Короче, за вечер Геральт выдул все.

«А фигли? — подумал он слегка сердито. — Подсунули мне работенку с кошмарами, так почему бы не пользоваться случайностями?»

И выдул. Постепенно. А потом вернулся к недопитому пиву, в первую минуту передернувшись от контраста.

— Приберись тут, — велел он Синтии, и та послушно вскочила. — Мусор — в пакет и в урну при входе. Кости — отдельно, может, песик какой прибудится на запашок, пусть попирует. Костер пока не трогай, я посижу еще.

— А я?

— А ты — марш спать! Завтра я тебя черта с два добужусь, чувствую. Второй этаж твой. И окно не открывай, только форточку.

Быстренько прибравшись, полуорка сбегала в близлежащие кусты, улыбась под краном на первом этаже и поднялась на второй. Геральт остался сидеть у дотлевающего костра, даже кода допил пиво. Шурился на звезды, вдыхал вечерний воздух. У входа кто-то невидимый от костра уже вовсю хрупал заботливо оставленными костями. Где-то далеко-далеко, на пределе слышимости играла музыка. В противоположной стороне взрывывали несколько моторов, но неопасно. Просто резвится дикая машинерия на просторах Большого Киева. Район почти ненаселенный, отчего бы ей не резвиться?

«Итак, герр нянька, каким премудростям будем обучать нашу драгоценную во всех смыслах девицу назавтра? А пожалуй, что задержимся здесь и полезем в Сеть. После сегодняшнего на ногах она вряд ли долго продержится. А значит, будем вколачивать ведьмачью премудрость — ту, что должна сидеть в башке и быть готовой к использованию ежесекундно. Ну, не без физзарядки, конечно, и не без пробежки... Но щадяще, щадяще...»

С этой мыслью Геральт залил костер, также посетил кусты и направился к коттеджу.

Когда ведьмак улегся и накрепко измененный клиническим кабинетом слух, наверху он уловил только равномерное посапывание.

— Подъем! Полундра!

Никакой реакции. Синтия спала, свернувшись калачиком и отбросив одеяло.

«Н-да, — подумал Геральт. — Эк тебя укатало-то всего за один день».

В окно заглядывало рассветное солнце, бросая на стены наклонные расширяющиеся полосы нежно-розового цвета.

— Полундра! Враги! — повторно рывкнул Геральт.

Синтия даже не шевельнулась.

Тогда Геральт сцапал ее за смуглую лодыжку и бесцеремонно стянул на пол.

— Ай! — взвизгнула орка, невольно цепляясь за постель.

Матрац вместе с простыней и одеялом сполз вслед за нею, а подушка увенчала эту живописную кучу-малу.

— Подъем, говорю!

Из-под одеяла показалось заспанное личико Синтии.

Не в пример воспитуемой Геральт был свеж и бодр. Бриться ведьмакам ни к чему — в результате испытания они напрочь лишаются волосяного покрова на лице и теле. Но гладкие щеки все равно производили впечатление утренней выбритости и общей подтянутости.

— Две минуты на одевание, на уборку постели — и во двор, на разминочку. Босиком. Куртку тоже не надевай, только брюки и рубашку.

— А...

— Разговорчики! Время пошло!

Вниз Синтия сошла через две минуты восемнадцать секунд.

— Опоздала! Восемнадцать отжиманий сверх нормы! Упор леж принять!

На этот раз полуорка не пререкалась.

Геральт качал и гонял ее минут двадцать. Чуть больше. За это время с Синтии сошло семь потов. Поэтому ведьмак, не мудрствуя лукаво, натянул на кран у коттеджа загодя присмотренный шланг и некоторое время добросовестно поливал визжащую Синтию. Она пыталась удрать в коттедж, но Геральт умело пресекал ее поползновения струей воды.

Когда наконец он решил, что с полуорки довольно, та промокла насквозь. Геральт прикрутил кран и бросил конец шланга под ноги.

— Сволочь ты, ведьмак, — опустошенно заявила Синтия. — Мне же не во что переодеться. Твоею, между прочим, милостью. И вдобавок все, что лежит в карманах, промокло.

— А не носи в карманах то, что может промокнуть, — фыркнул Геральт. — Ведьмакам иногда приходится совершать незапланированные погружения, знаешь ли. Причем времени на подготовку зачастую не бывает вовсе — ни секунды. Ладно, дуй наверх, заворачивайся в простыню, а лучше сразу в одеяло, развешивай свои шмотки сушиться, перекусим и начнем постигать премудрости ведьмачьей науки. Те премудрости, которые постигаются головой. Вопросы? Нет? Марш!

Синтия, еле волоча ноги и оставляя после себя мокрые потеки, убрела в коттедж. Геральт направился следом, и пока она возилась на втором этаже, выставил на стол ноутбук, подключился к сетевому разъему, наличие которого отследил еще вчера, и прикинул: что показать девчонке в первую очередь? Наверное, общий обзор механизмов. Начиная с подвижных, простейших подвижных. Классификация, основы поведения, особые признаки, уязвимые места.

В промежутки между завтраком и обедом Геральт убедился, что с ноутбуком Синтия обращается не менее сноровисто, чем со щипчиками для бровей или маникюрным набором. Необходимую ведьмакам информацию она впитывала не то чтобы жадно, но в общем вполне успешно. И в который раз поразился упорству, с каким она двигалась к пока еще неведомой Геральту цели.

Вскоре после полудня Геральт решил, что на сегодня премудростей хватит. Велев Синтии одеваться, благо одежда ее успела высохнуть, он задумался: самому лезть в холодильник и соображать, что можно сварганить из остатков вчерашнего ужина и сегодняшнего завтрака, или же предоста-

вить Синтии поупражняться в стряпне. Решил, что пока рано ей упражняться. Вечером.

Синтия спустилась мрачнее тучи.

— Мятое все... и утюга нет... — пожаловалась она.

— Кажется, я уже говорил: тебе безразлично, что думают о тебе и твоей одежде окружающие.

— Может, оно и так, — строптиво отозвалась Синтия. — Но мне самой это небезразлично!

— Значит, при первой же возможности сменишь одежду на такую, которая не мнется. Рекомендую джинсы.

— Спасибо за совет! — съязвила Синтия.

— Упор лежа принять!

Повиновалась. Без слов и даже без гневного взгляда. Похоже, автоматизм начинал действовать.

«И это здорово», — подумал Геральт рассеянно. А вслух он монотонно твердил:

— Раз! Два! Раз! Два...

6

В ближайшие три недели дни Геральта и Синтии мало чем отличались друг от друга. Утро начиналось с физических упражнений; причем на девятый день полуорка уже браво вскакивала по команде «Подъем!», а на пятнадцатый сама проснулась на рассвете. Отжимания и прыжки больше не выматывали ее, как в самом начале. О разнообразных механизмах и оружию она узнала больше, чем многие живые успевают узнать за весь долгий век. Первую половину дня обыкновенно отдавали умственным занятиям, вторую — шли параллельно трассе на Одессу. Ночевали в подходящих коттед-

жиках, квартирах; однажды пришлось коротать ночь в старом, почти уже недвижимом автобусе. Синтия подобрала себе другую, куда менее щегольскую одежду, которая зато гораздо более подходила для путешествия в автономе. По собственной инициативе она отказалась сначала от маникюра, а потом вообще от длинных ногтей, а на костяшках пальцев ее наметились первые мозоли. К исходу первой недели полурка с плохо скрываемой гордостью накормила Геральта собственноручно приготовленным жарким, весьма недурным на вкус. По логам доступа в Сеть ведьмак отследил визит Синтии на один из кулинарных сайтов и подумал: «Что ж, старается воспитуемая! Похвально!»

Вообще быть нянкой молодой полурки оказалось куда менее хлопотно, чем Геральт ожидал. Да, Синтия плохо представляла себе дикую жизнь Большого Киева и вряд ли бы избежала неприятностей, будь она предоставлена самой себе. Но она старалась — старалась изо всех сил. И отказывала себе во всем, что мешало движению к поставленной цели. Нельзя сказать, что Геральт хорошо знал женщин — он редко с женщинами общался. Но прекрасно представлял: поступки Синтии сродни подвигу. Вряд ли наберется в Большом Киеве много женщин, способных на подобное. Прическа, макияж, крашенные ногти, да и вообще преувеличенная забота о внешности составляют основу женского бытия. И если Синтия перечеркивает эту часть своего существования, значит, цель ее не так уж и пустячна.

Дважды звонил Весемир и спрашивался, как идет обучение. Геральт сдержанно обрисовывал ситуацию; во второй раз даже нашел в себе смелость похвалить ученицу и поинтересоваться: а зачем Весемиру так странно обученная ведьмачка? Ведь без испытания фармацевтикой и клинического кабинета ей все равно не стать полноценной боевой единицей Арзамаса-16. Весемир отмолчался и просто велел продолжать.

Можно подумать, что у Геральта оставались иные варианты...

Монотонное течение дней нарушилось во время очередного вечернего перехода.

Геральт шел позади, лениво поглядывая по сторонам; Синтия самостоятельно выбирала дорогу и держала общее направление. До заката оставалось еще не менее трех с половиной часов, посему под ночлег место пока не искали. Да и район, откровенно говоря, не располагал: скопище мелких и средних фабрик, заводиков и заводов, серые пыльные улицы и серые пыльные заборы разной степени сохранности. Все это вставало на пути, тянулось то справа, то слева, то и справа и слева, а иногда и над головой — встречались подземные переходы под рельсовыми путями, непонятного назначения тоннели; порою приходилось пробираться через подвалы зданий или, наоборот, через верхние этажи или даже крыши. Ночевать в таком районе — удовольствие сомнительное, да и провизией не затаришься — ни магазинчиков, ни складов. Только редкие заводские столовки со злющими механизмами на кухне. Геральт то и дело замечал следы живых — и в этих неприветливых местах кто-то обитал. Вряд ли обитатели приветливее мест, где обитают, — эту нехитрую истину Геральт осознал раньше, чем стал ведьмаком. Поэтому он надеялся побыстрее миновать мрачный райончик и там уж искать место под ночлег.

Очередной серый забор с колючей проволокой по верху преградил им дорогу. Ржавая рельсовая однопутка, вдоль которой они шли последние минут двадцать, убегала под ветхие деревянные ворота в заборе. С ворот пластами отслаивалась зеленая краска.

— Тьфу ты, — ругнулась Синтия и вопросительно поглядела на ведьмака.

Тот бесстрастно разглядывал ворота. Под низ не пролезешь — щель слишком узка. По верху все та же колючка, да в два ряда. Замок если и есть, то внутри. Забор тянется вправо и влево сколько хватает взгляда и теряется в рыжеватой дымке у самого горизонта.

Не дождавшись реакции Геральта, Синтия по собственной инициативе попробовала толкнуть ворота. Разумеется, тщетно: те таки были заперты изнутри.

— Вообще-то ворота открываются наружу, — заметил Геральт. — Взгляни на петли. Не такая уж высокая техника...

Синтия взглянула и досадливо прикусила губу. Видно, корила себя за то, что не сумела догадаться о такой в общем-то очевидной вещи самостоятельно.

Ей очень хотелось стать хорошей ведьмачкой.

Впрочем, наружу ворота тоже не открылись, сколько Геральт с полуоркой ни тянули за створки — за самый низ. Заперты.

Постояв несколько секунд в задумчивости, ведьмак не сильно пнул ботинком сначала одну створку, потом другую.

— Что? — Синтию распирало любопытство. Она уже поняла: Геральт что-то замыслил.

— Крепкие, заразы, — пояснил тот. — Бывают, конечно, и посерьезнее, но и эти ножом не расковыряешь. Топором — и тем помахать пришлось бы, будь у нас топор...

— А из ружья? По замку?

— Замок там скорее всего на засове, а засов пулями не отодвинешь.

— Что же делать?

— Думать, — отрезал Геральт. — Дай воды.

Синтия проворно достала из рюкзака полупустую бутылку минералки. Геральт присел на рыжую от ржавчины рельсу с минералкой в руке и на полминуты оцепенел. Синтия терпеливо ждала.

— А скажи-ка, воспитуемая, — очнулся Геральт и наконец-то отхлебнул воды. — Как давно мы миновали ответвление от этой однопутки?

— Минут пятнадцать назад! — бодро доложила полуорка. — Влево ушла колея, на какой-то заводик. Причем ворота там низкие, ажурные, металлические и без колючки.

— Правильно, — подтвердил Геральт. — А колея ржавая, как здесь, или обкатанная, не помнишь?

— М-м-м... — промычала Синтия. — Кажется, обкатанная! И масляные пятна на шпалах там попадались, а не трава, как здесь.

— Верно мыслишь. — Геральт расщедрился на похвалу. — Рельсы там действительно обкатанные, по ним явно кто-то ездит. Пошли.

Ведьмак встал и, по обыкновению не оборачиваясь, побрел вдоль ржавой ветки назад, прочь от ворот и перегородившего путь забора. Синтия мелкими шажками, стараясь ступать по шпалам, засемила следом.

— А чем это нам поможет? — поинтересовалась она.

Дорожные приключения вдохновляли ее заметно больше, чем скучноватые теоретические премудрости, которым приходилось обучаться каждое утро.

— Там поглядим, — расплывчато отозвался ведьмак.

Полуорка давно уже поняла: если Геральт сразу не объяснил своих действий, бесполезно допытываться. Либо вообще отмолчится, либо объяснит в более подходящий момент. Поэтому она просто шла за учителем.

Вскоре достигли того самого ответвления. Рельсы тут и впрямь были без следов ржавчины, блестящие сверху, потемнее внизу. Ажурные металлические ворота перекрывали вход на территорию какой-то базы. Рельсы ныряли под ворота, тянулись вдоль кирпичного длинного строения со многими дверьми и скрывались вдали за углом. По другую сто-

рону рельсов, между забором и колеей штабелями лежали шпалы, высились испачканные маслом и мазутом бочки, громоздился какой-то невнятный металлолом. Словом, картина открывалась довольно мерзкая — Синтия уже повидала достаточно, чтобы невзлюбить подобные места.

— Замок, — буркнул Геральт. — Все-таки замок. Ну да ладно, такие ворота нам на один зуб.

Он взялся руками за прутья, поставил ботинок на нижнюю перекладинку и полез вверх, словно по лестнице. Синтия последовала его примеру — перелезть через ворота оказалось проще простого.

— И что? — спросила она, отряхивая руки уже на той стороне.

Геральт не то осматривался, не то прислушивался. Слух для ведьмака так же важен, как и зрение, Геральт успел продемонстрировать ей умение стрелять на звук. Да и вообще — как-то во время ночлега в большом деревянном доме он завязал себе глаза черным платком, взял разряженный пистолет, направил на Синтию и предложил ей покинуть линию воображаемого выстрела. Синтия металась по комнате минут пять — на цыпочках, затаив дыхание. Тщетно, ствол пистолета неотрывно следовал за нею, мгновенно реагируя на любое перемещение.

Осмотревшись (или прислушавшись), Геральт жестом велел ей оставаться у ворот, а сам зашагал по дорожке перед зданием. И свернул за угол — туда, где пропадали из виду рельсы.

Полуорке пришлось провести у ворот почти четверть часа. Все это время она недвижимо просидела на корточках, привалившись к забору рядом с воротами и не отнимая рук от ружья. На территории базы было, в общем-то, тихо — скрежетало только что-то вдалеке, словно гигантский пресс плющил отжившие свое автомобили. Синтия чувствовала себя

увереннее, чем в первые дни, но оставаться одной было пока еще неприятно. Рядом с Геральтом куда спокойнее...

Ведьмак появился, как умеют только ведьмаки — стремительно и бесшумно, словно материализовался из воздуха. Только что его не было — и вот на тебе, стоит. Показался из-за угла и тихонечко свистнул. Синтия повернула голову; ведьмак призывно поманил ее рукой.

По-прежнему не снимая руку с ружья, полуорка рысцой пробежалась по дорожке. Геральт ее дожидаться не стал, канул за угол.

За углом открылся внутренний двор базы. Слева высилось четырехэтажное здание красного кирпича, прямо — трехэтажное белого. Справа открывалась просторная площадка. Рельсы пересекали ее и терялись в полутьме открытого ангара. Геральт, совершенно не кроясь, брел по площадке, направляясь к этому самому ангару. Синтия припустила следом.

Подойдя ближе, Синтия разглядела внутренности ангара и поняла, что гораздо больше этому строению подойдет слово «депо» — эдакая здоровенная нора для локомотива. Вон и локомотив виднеется — точнее, локомотивчик. Небольшой такой, ладный, зелененький, старомодный — мало таких осталось, отжили свое. Локомотивчик вполне мог послужить символом прошедшей эпохи, но и полуорка, и ведьмак прожили еще слишком мало, чтобы это понять. Какой-нибудь возрастной эльф мог бы ностальгически вздохнуть, глядя на это чудо вчерашней техники...

— Знакомая штука? — спросил Геральт, останавливаясь на пороге ангара-депо.

— Угу, — заученно отозвалась Синтия. — Малый маневровый локомотив ЧМЭЗ-два. Вымирающая модель.

— Точно, — подтвердил ведьмак. — А подробнее?

Синтия пожала плечами, легко выуживая из памяти заученную информацию:

— Легко приручается, в управлении прост, случаев враждебного по отношению к живым поведения зафиксировано крайне мало. Считается неопасным.

— И это верно, — удовлетворенно кивнул Геральт. — Ладно, двинули.

Он быстрым шагом подошел к локомотивчику и проворно влез по лесенке на приступок у входа в кабину. Синтия старалась не отставать.

Кабина была открыта. Едва Геральт взялся за дверную ручку, локомотивчик всхрапнул и запустил двигатель. Вел он себя вполне спокойно, из чего легко было заключить, что это прирученная машина, не дикая.

— Гляди, — сказал Геральт. — Вот так он переключается из автонома на ручное управление. В учебных файлах этой информации нет, поэтому запоминай, у большинства транспортных механизмов переключение однотипное. Оп-ля. Поехали!

Локомотивчик дисциплинированно свистнул два раза и тронулся, слегка убыстряясь. Площадка, поворот; перед воротами он привычно замедлился.

«Ворота-то закрыты! — подумала Синтия. — И что дальше?»

Но Геральт не разделял ее растерянности. Он просто протянул руку и снял с крючка посреди переборки, как раз напротив пульта управления, обыкновенный ключ на длинном сыромятном ремешке.

— Поди отопри замок и отвори ворота, — велел он полукорке, протягивая ключ.

— А с чего ты взял, будто ключ подойдет к этому замку? — усомнилась Синтия.

— С того. Иди открывай.

Синтия покинула кабину и соскользнула по лесенке. К несказанному удивлению, ключ подошел к замку и легко открыл его. Распахнув ворота, Синтия дождалась, пока локомотивчик выползет за пределы базы, притворила обе створки, но замок запирать не стала. Поднялась к Геральту. Тот не протестовал.

Докатили до основной ветки; Геральт показал Синтии, как работает стрелка. Формула стрелки была проста до безобразия: рычаг направо — едешь прямо. Рычаг влево — сворачиваешь. Словом, уже через пару минут локомотивчик бодро катил по ржавой колее по направлению к большому заводу и наглухо запертым воротам. Синтия присела на корточки, опершись спиной о металлическую дверь кабины.

Перед воротами локомотивчик замедлился, а потом и вовсе остановился, не доехав до преграды метра три. Геральт чего-то терпеливо ждал — но чего? Что явится кто-нибудь и откроет ворота?

Потом Геральт зачем-то потянул за висящий с потока кабины шнур; тотчас раздался пронзительный свист, да такой громкий и неожиданный, что Синтия едва не вывалилась из кабины на узкую площадку перед лесенкой.

— Ой...

Геральт покосился на полуорку. Лицо его, конечно, не отразило никаких чувств.

— Предупреждать надо! — проворчала Синтия. — У меня чуть сердце не выскочило!

Не успел ведьмак произнести дежурную наставническую фразу, как Синтия продолжила:

— А впрочем, знаю, знаю! Ведьмак должен быть готов к любым неожиданностям. К грому с ясного неба, свистку локомотива, набегу мотоциклистов, наводнению в Карпатах и состраданию такого же встречного ведьмака. Прости, никак не могу привыкнуть.

Геральт пожевал заготовленную фразу — смешно подвигал челюстью — и промолчал. Синтия хихикнула: у ведьмака на короткий миг сделалось уж очень смешное лицо, словно он собирался подудеть губами или чмокнуть кого-нибудь. На лице ее спутника слишком редко проступало хоть какое-то выражение, слишком редко отражались чувства — обыкновенно Геральт бывал бесстрастен, как манекен из салона Моммы Эри. И Синтия не сдержалась.

В следующий миг ей показалось, что ведьмак вспыхнет, вспылит и, как водится, заставит ее отжиматься до одурения тут же, в кабинке локомотива. Или рядом, на шпалах. Но ведьмак не вспыхнул. Отвернулся и снова принялся глядеть на створки облезлых запертых ворот.

Синтия подумала, что на месте ведьмака вряд ли бы удержалась. Заорала хотя бы. Раньше — так и швырнула бы чем-нибудь, что под руку подвернется. Впрочем... теперь, возможно, и сумела бы подавить гнев. Если бы вовремя вспомнила, что ведьмакам надлежит оставаться невозмутимыми и бесстрастными. Вот только вспоминала она об этом покуда еще не всегда. Хотя — с каждым днем все чаще и чаще.

Истекли еще несколько минут, прошедших в бесплодном ожидании.

«Сколько еще ждать-то?» — подумала полуорка с неудовольствием, и в этот самый миг Геральт встрепенулся, вздохнул и, обращаясь определенно не к ней, пробурчал:

— Фигвам... Никого. Ну ладно. Я честно подождал. Если что — извиняйте, добрые живые, у меня времени и так мало. Воспитуемая! — последнее уже адресовалось Синтии. — Из кабины брысь! Встань во-он там, в сторонке и гляди, как штурмуются запертые ворота.

Естественно, Синтия подчинилась. Досада ее и неудовольствие мгновенно улетучились, вместо них проснулось

любопытство: что еще за хитрость из бездонного ведьмачьего арсенала решил продемонстрировать ей Геральт?

А Геральт дал локомотивчику задний ход, отъехал метров на сто, а потом под пронзительный свисток разогнал малыша-старичка. Расстояние между локомотивом и воротами стремительно сокращалось, а скорость сбрасывать Геральт и не думал.

Синтия похолодела. Неужели ведьмак вздумал протаранить ворота? Но как он намеревается перебороть естественный страх и чувство самосохранения пусть даже и прирученной машины?

За несколько секунд до столкновения Геральт шагнул из кабины на площадку, потом опустил ногу на лесенку и прыгнул в сторону от колеи. Кувыркнулся, перекатился и встал, словно прыгать с локомотива на ходу — самое обычное для него дело.

А потом бабахнуло. Левую створку сорвало с петель и она, ударившись о борт локомотива, отлетела в сторону. Правая створка брызнула щепами, покосилась, царапая о локомотивчик. Проскрежетала по железной крыше колючая проволока. Рядом с Синтией в траву шлепнулась щепка в локоть длиной — почему-то полуорка отметила, что с нее окончательно осыпалась краска. Локомотивчик пропал из виду, проскочил на территорию завода.

— Шагнуш тодд! — прошептала Синтия.

Ей вдруг стало нестерпимо жаль маленькую послушную «чмэшку». И одновременно в голове, будто части мозаики, состыковались несколько разрозненных мыслей, сложившись в простой и холодный вывод: ведьмаки используют все, что их окружает, для достижения собственных целей и при этом нимало не заботятся об окружении и никого и ничего не жалеют.

— Готово, — удовлетворенно сказал Геральт. — Гляди, путь свободен!

Путь являл собою покосившуюся правую створку в проеме ворот, чудом удержавшуюся на верхней петле, пустоту на месте левой, малость похожий на гигантского ежа клубок колючей проволоки на рельсах и клубящуюся вокруг пыль.

— Шевелись!

Сам ведьмак уже спешил к пролому.

Синтия, вдруг исполнившись холода и безразличия, направилась следом.

«Мне тоже предстоит стать такой, — подумала полуорка отрешенно. — Равнодушной и безжалостной. Если я хочу отомстить за Брид...

А хочу ли я?»

Какие-то три недели назад она не сомневалась в ответе на этот вопрос. А теперь вдруг усомнилась. Странное дело: ведьмак учил ее именно этому, холоду и безразличию, равнодушию и безжалостности. А привел едва ли не к прямо противоположному.

Не стоит врать себе, Синтия прекрасно понимала, что те же три недели назад ей в голову не пришло бы жалеть локомотивчик. Хотя бы потому, что она понятия не имела, как подобные механизмы устроены. А теперь знала, хоть общо и поверхностно — но знала. Выходит, знание ведет к милосердию? Абсурд ведь. Как может знание о жестокости вести к милосердию?

Или все-таки может?

— Ну не тормози, воспитуемая! Или ждешь, пока пыль осядет? Или пока на шум явятся заводские?

— Геральт, — спросила Синтия едва не сорвавшимся голосом, — скажи, тебе не жалко было локомотивчик?

— Мне? — переспросил Геральт. — Нет. Жалость вредит. Постарайся это запомнить.

Но при этом он так пристально посмотрел полуорке в глаза, словно пытался объять ее душу и мысли. В этом взгляде

что-то определенно было. Но что? Одобрение? Надежда на то, что ученица правильно воспринимает науку?

А секундой позже Синтия поняла.

Гордость.

На заводах кто-то точно обитал: мелкие следы редкого присутствия живых то и дело попадались по пути. Хотя, вопреки опасениям Геральта, никто на грохот при штурме ворот так и не явился — по крайней мере в те несколько минут, что понадобились ведьмаку и полуорке, дабы шмыгнуть на территорию и бегом пересечь пустырь между забором и ближайшим цехом. Ведьмак почему-то опасался только открытых участков, видно, среди строений или внутри них надеялся легко укрыться. Или без труда отбиться от недовольных вторжением хозяев.

Судьбой локомотивчика Геральт перестал интересоваться в момент столкновения того с воротами — если вообще когда-либо интересовался судьбой машин, которые использовал. Откровенно говоря, от геройского тарана локомотивчик особо не пострадал, лишь слегка погнул поручни на площадке перед кабиной — основной удар о ворота приняла на себя лапа сцепки с вагонами, торчащая вперед. Плюс несколько царапин на кожухе да ободранная колючкой крыша — вот и весь урон. После прохода сквозь ворота локомотивчик прокатился по рельсам еще метров полста и остановился. Когда Геральт и Синтия пробежали мимо, он слегка дернулся, словно испугался, что его снова заставят что-нибудь таранить, но живые пробежали мимо, и машина успокоилась. В сущности, такие давно прирученные старички очень покладисты и послушны.

По заводу ведьмак и ученица старались идти по возможности быстро и незаметно. Геральт намечал путь, Синтия пыталась не отстать. Получалось... почти. Живых они так и не встре-

тили. Точнее, не встретили бы, если бы Геральту не вздумалось заскочить в сторожку у самого выхода с территории.

Но Геральту вздумалось.

Сторожка была пуста. Большое стеклянное окно глядело на блестящие никелированные турникеты; стол перед окном, на столе — недопитая чашка чая. Часы на стене, а под часами — нечто напоминающее телефон или переговорник, но почему-то с небольшим экранчиком в верхней части. Экранчик светился, показывая искаженное лицо незнакомого живого — человека средних лет. От живого веяло страхом. Губы его шевелились, словно он читал молитву.

А секундой позже Синтия поняла, что живой ее тоже видит.

— Ух ты, — сказал Геральт с намеком на удивление в голосе. — Видеофон! Надо же — в такой дыре!

— Видеофон? — переспросила Синтия с любопытством. — Что такое — видеофон?

— То же, что и телефон. Только с передачей не одних голосов, а еще и изображений собеседников.

— А... — поняла Синтия. — И такое, оказывается, бывает?

— Бывает еще и не такое, — пожал плечами Геральт.

Синтия вновь взглянула на экранчик.

План стал крупнее, словно живой вплотную приблизился к своему аппарату. Теперь он что-то кричал, но ни единого звука видеофон не воспроизводил.

Геральт несколько секунд изучал надписи на передней панели видеофона, потом нажал на серебристую кнопку в уголке и в сторожку ворвался панический голос живого:

— ...гите!!! Помогите нам!!! Мы заперты!!!

— Привет, — с ужасающим спокойствием поздоровался ведьмак. — Прекрати, пожалуйста, орать.

— Мы погибнем!!! — продолжал орать незнакомец. — Я знаю, это не комната, это камера гигантского пресса! Стена

уже сдвинулась на целых полшага!! В камере вся моя семья — один я тут, в пультавой! Помогите!

— Пресс? — хмыкнул Геральт. — Очень интересно. А зачем твоя семья забралась в камеру пресса?

— Помогите!! — продолжал орать человек. — Жизнью заклинаю, помогите нам!! Я не могу выйти из пультавой, замок заклинило, когда начал работать пресс!! Там жена и дети, помогите!! Все отдам, только спасите их!!

— Так уж и все, — буркнул Геральт. — Слышь, человеке, глянь-ка на пульт. Слева и сбоку. Там должна быть табличка — что там написано?

Человечек осекся, орать перестал, но послушно шагнул прочь от видеофона и наклонился.

— Гэ-Пэ сто два! — прочел он. — Завод «ГидроПромАвтоматика»...

— Понятно, — кивнул Геральт. — Сто второй, значит...

— Да делайте же что-нибудь!! — снова сорвался на крик человек.

— А с какой, собственно, стати? — поинтересовался Геральт с прежним леденящим душу спокойствием.

— У вас что, сердца нет? — Человечек принялся умолять. — Там жена и семеро детей! Младшенькой всего полгода! И собака там!! Они ведь погибнут все!!

— Надо же, — сокрушенно вздохнул Геральт. — И собака!

Синтия боялась вмешаться. Она не верила, что ведьмак бросит человека и его семью в беде.

— А заплатить у тебя найдется чем? — вновь невозмутимо спросил Геральт. — А то, знаешь ли, я не работаю бесплатно. Я — ведьмак.

Человек умолк, в упор взглянув на Геральта — на лысую голову, на татуировку, на немигающие глаза.

— Ведьмак, — пробормотал человек.

На его лице отразилась напряженная работа мысли и целая гамма противоречивых чувств. С одной стороны — радость и надежда, ведь кто, как не ведьмаки, умеет укрощать своенравные машины вроде пресса, заглотившего семью этого несчастного? С другой — естественный страх и недоверие обывателя по отношению к ведьмакам, существам странным, неприятным и плохо постижимым.

— У меня есть немного денег... Тысячи две.

— Мало. Меньше чем за двадцать я со сто вторым путаться не буду, здоровье дороже.

— Я отработаю! — горячо пообещал живой.

— Не пойдет. Оплата вперед. Ты хоть знаешь, что за монстр этот сто второй?

Человек в отчаянии оглянулся — Синтия смутно различала за его спиной припавшие к прозрачной стене силуэты.

— Помоги, ведьмак! Потом разберемся!!

Но Геральт остался непреклонен и глух к чужим мольбам:

— Нет, уважаемый. В кредит я не работаю.

— Бери все, что у меня есть! — Человек едва не плакал. — Машина есть, деньги, у жены кое-какие побрякушки — забирай все! Только спаси их!

— Говоришь, младшенькой полгода? — задумчиво протянул Геральт. — А остальным сколько?

— Да какая разница? — взвыл живой. — Старшей уже двенадцать.

— А вон тому пацану сколько? — не унимался Геральт. — Который с краю.

— Два... с небольшим.

— Самое то, — кивнул Геральт. — Хорошо. Я помогу не за деньги. Но если я сумею отключить пресс, ты отдашь мне этого ребенка.

— Как? — остолбенел человек. — Что значит — отдашь?

— То и значит, — буркнул Геральт. — Не бойся, я его не съем. Всего лишь предоставляю ему шанс стать ведьмаком. Шанс невеликий, один из десяти. Но все же.

— Ведьмак, ты с ума сошел? — Голос человека дрожал. — Это же мой сын!!! Как я могу его кому-нибудь отдать?

— Да запросто. Зделаешь еще одного — если жена выживет, конечно. Да и так у тебя аж шестеро детей остается. Решай: или все погибнут, или ценой сына спасешь жену и остальных.

Человек, кажется, потерял дар речи.

— Решай, — холодно посоветовал Геральт. — Стена — а это, чтоб ты знал, не стена, а поршень — движется. Пока мы болтаем — она движется, пядь за пядью. Вон, старшенькую твою уже на метр сдвинуло.

— Ведьмак, — прошептал человек. — Не губи...

— Я-то не гублю. — Геральт пожал плечами. — Ты сам губишь. И себя, и семью свою. Я предлагаю тебе сделку, вполне разумную сделку. Я спасаю восемь жизней — твоя в общем-то не в счет. Одну жизнь из восьми я забираю для своих целей. Остальные — ваши, живите и радуйтесь. Или снова в пресс лезьте — ваше право. По-моему, я не слишком много прошу.

Синтия, нервно сглатывая слюну, слушала отчаянные призывы человека и жутковатые доводы Геральта еще несколько минут.

— Между прочим, — вскользь заметил Геральт, — вот-вот будет поздно кого-либо спасать. Мне еще до вас добраться нужно.

— Мы рядом, за стеной. Рядом со входом.

— Ну, тогда еще десяток минут имеется. Если, конечно, сто второму не надоест двигать поршень в муравьином режиме, по миллиметру в секунду.

На живого жалко было смотреть.

— Я согласен, — прошептал он обреченно.

— Давно бы так, — ворчливо обронил Геральт. — Пошли, Синтия.

Они покинули сторожку и подошли к запертой двери, о которой упоминал человек в пультовой. На двери имелась табличка именно с этим словом — «ГП-102. Пультовая», так что об ошибке говорить не приходилось. Дверь была не железной, а лишь обита железом. Жестью.

Геральт меланхолично отстегнул ружье, с хрустом передернул затвор и повернулся к Синтии:

— Отойди. И уши зажми.

Синтия повиновалась.

Сначала звонко — «Бабах! Бабах!». А потом — глухое «Бумм!».

Это Геральт пнул изувеченный замок подошвой гномьего ботинка. Дверь не выдержала и со скрежетом отворилась.

Пультовая; белый как мел человек в дверном проеме. Прозрачная стена и несколько силуэтов в полутьме. И низкий утробный звук движущегося поршня. Картина была настолько сюрреалистической и жуткой, что Синтия на несколько мгновений оцепенела.

Вот она, оказывается, какая — ведьмачья работа...

— Выходи, дурень, — буркнул Геральт. — И чего вас в камеру понесло...

— Дети сунулись, — прошептал человек. — Жена со старшими их вывести хотели, а я не успел, дверь захлопнулась.

— Не захлопнулась, а заблокировалась, — уточнил Геральт. — Одновременно с пуском поршня.

Синтия усилием воли отогнала оцепенение. В ней шелохнулось любопытство: как ведьмак намеревается остановить пресловутого сто второго? Эдакую махину, вросшую в здание? Страшная штука, если даже Геральт опасается с ним связываться.

Пройдя несколько шагов к пульту, ведьмак сломал какую-то печать, откинул плоскую крышку и раздавил над черной кнопкой стеклышко. Синтия успела прочесть не вполне понятную фразу на крышке: «Аварийная остановка гидравлики».

— Кричи «ура», — посоветовал Геральт, нажимая кнопку. Звук поршня оборвался, стало тихо-тихо — Синтия явно услышала свистящее дыхание незадачливого родителя-заводчанина.

— Так! — Геральт обошел пульт и потянул на себя ручку единственной двери рядом с прозрачной стеной. Замок звонко щелкнул, дверь безропотно отворилась — была она толстенной, чуть не в локоть толщиной, будто у гигантского сейфа. Нырнув в щель, Геральт открыл и вторую дверь, ведущую непосредственно в рабочую камеру пресса. Женщина принялась бесцеремонно выпихивать из смертельного места детей, потом в щель скользнула рыжая вислоухая собака и последней выскочила сама женщина.

Семейные объятия сопровождалась плачем.

С полминуты Геральт снисходительно наблюдал за этим, потом тронул размякшего папашу за плечо.

— Ладно, наобнимаетесь еще. Мы пойдем. Эй, пацан! Иди сюда.

Упомянутый пацан, размазывая по замурзанной физиологии слезы, жался к мамкиному подолу. Мамка одной рукой прижимала к себе сверток с грудничком, второй обвила шею мужа. Дети сгрудились вокруг. Собака угрожающе зарычала, но приближаться к Геральту побоялась.

— Ведьмак, — прошептал заводчанин. — Бери деньги. Не губи малыша. Все бери...

Геральт досадливо поморщился.

— Мы, кажется, договорились, уважаемый. Ведьмаки не меняют решений. Так что давай не станем затевать бесплодных дискуссий.

Шагнув вплотную, Геральт протянул руку и сцапал мальчонку за шиворот. Собака попятилась и зарычала громче. Но нападать по-прежнему боялась.

— Не отда-а-ам!! — заголосила мать.

Побелев еще сильнее, человек попытался оттолкнуть Геральта.

— Даже так? — удивился ведьмак и выстрелил.

К счастью — в потолок.

— Синтия! Ружье! — рявкнул он.

Оружие само прыгнуло в руки. Синтия действовала как в тумане.

— А ну к стене все! — звонко крикнула она.

Женщина оцепенела. Дети плакали — особенно те, что помладше. Собака зашлась визгливым лаем. Геральт коротким выверенным ударом сшиб отца семейства наземь, пнул десятилетнего пацана, бросившегося было батьке на помощь, и схватил мальчика-двухлетку. Плату за единственную нажатую кнопку.

— Уходим! — скомандовал Геральт.

Синтия, пятясь спиной вперед, отступила к двери, потом тем же манером в коридор. Секундой позже из пультавой выскочил Геральт с ружьем в руке и мальчиком под мышкой. Дверь Геральт захлопнул.

— К выходу! — приказал он.

Синтия побежала. Мимо сторожки с видеофоном, к турникетам.

Из четырех стеклянных дверей была открыта только одна. Поэтому перед самым выходом наружу случилась короткая заминка. Но и ее хватило, чтобы понять — никто их не преследует. Да и уж слишком мирным и бестолковым выглядел попавший в беду заводчанин рядом с Геральтом. Даже рядом с Синтией.

Мальчишка хныкал.

А у Синтии в голове под равномерный аккомпанемент пульса бился один-единственный вопрос: зачем? Зачем все это?

И не было ей ответа.

Они удалились от недоброго района и завода с прессом километров на десять. Смежный район, впрочем, выглядел ненамного лучше — кварталы дряхлых одноэтажных домов с осыпающейся со стен штукатуркой и обветшалыми крышами. Поверх высоких заборов росла трава и даже небольшие деревца. Начинало темнеть, но Геральт только здесь принялся осматриваться в поисках ночлега. Ночлег на территории завода с прессом, равно как и на территории соседних фабрик, ведьмак отверг с ходу. За все время он не проронил ни слова, даже на плачущего малыша не прикрикнул ни разу. Но зато под финал первого часа стремительного рейда сквозь район он вынул мобильник, пару раз щелкнул кнопками и произнес всего одну фразу:

— У меня найденыш, двухлетка. Пусть кто-нибудь из свободных меня отыщет.

И тотчас отключился, даже не выслушав ответ. Синтия почему-то показалось, что звонил Геральт не Весемиру, а кому-то другому.

Ночлег нашелся в доме, который выглядел поновее собратьев. Калитка оказалась запертой лишь на засов, а с этим справиться было нетрудно: пока Синтия держала малыша, Геральт перемахнул через забор и без труда открыл ее изнутри. На захламленном дворе даже не хотелось задерживаться. Геральт сразу вскрыл дверной замок и обошел дом, комнату за комнатой, помещение за помещением.

Расположились в комнате с камином. Камин Геральт сразу же разжег, натаскав со двора каких-то прелых досок. Горели доски неохотно и дымно и вдобавок источали не-

приятный посторонний запах — наверное, были чем-то пропитаны. Но выбирать не приходилось. Синтия занялась готовкой. И лишь когда котелок наполнился всем необходимым и был водружен на специальное возвышение с лункой в камине, у самого огня, а пацан от пережитых треволнений уснул рядом, на подстеленном тулупе, полуорка посмела повернуться к Геральту и задать мучивший ее вопрос:

— Зачем?

Геральт мрачно взглянул на нее. Именно мрачно — редкий случай, когда лицо ведьмака отражало хоть какие-то эмоции.

— Что — зачем?

— Зачем ты отобрал малыша у родителей? Зачем не взял денег, если не можешь поступиться своим дурацким кодексом ради чьих-то жизней?

— У таких родителей малыш скорее помрет, чем от испытания фармацевтикой, — сказал Геральт тихо. — Считаю, он уже мертв. Я вернул его к жизни, но жизнь его теперь принадлежит мне.

— Мать есть мать, — еще тише возразила Синтия. — Какой бы она ни была — ребенку с ней будет лучше всего.

— Меня не мать волнует, — пояснил Геральт. — И даже не этот ребенок.

— А что же тогда?

— Город. Только город — и больше ничего.

— А что сделается городу, если ты вытащишь из-под пресса двухлетнего мальчишку и отдашь его матери?

— У города станет ведьмаком меньше.

— Так уж и станет! Ему еще нужно выжить после вашего изуверского испытания! Я ведь знаю, выживает один из десяти!

— Значит, у города станет десятой частью ведьмака меньше. Если мы не станем подбирать себе замену — кто защи-

тит город? Кто завтра вытащит снова попавшую под пресс мать с его братьями и сестрами?

— Неужели не найдется кому?

— Если об этом не заботиться уже сегодня — не найдется. Ведьмаков и так становится все меньше и меньше.

— Потому что чудовищ становится все меньше и меньше.

Геральт печально улыбнулся:

— Это только кажется. Чудовищ не стало меньше. Их стало труднее распознавать. И труднее убивать. Вот и все.

— А если бы у того человека нашлось двадцать тысяч? Ты бы содрал целую кучу денег за разбитое стеклышко и нажатие на кнопку?

— Я беру деньги не за то, что жму на кнопку. Я беру деньги за то, что всегда знаю, на какую кнопку жать.

Синтия неожиданно переметнулась на соседнюю ветвь все той же темы:

— А скажи, Геральт, тебя тоже когда-то вот так же отняли у попавшей в беду матери? В качестве платы за спасение братьев и сестер?

— Нет.

— А как же ты стал ведьмаком?

— Это важно?

— Да.

— А по-моему — нет. Совершенно не важно.

— Важно! — упорствовала Синтия. Что-то такое прозвучало в ее голосе. Что-то такое, что заставило Геральта не отмахнуться, не промолчать, как обычно, а, глядя в сторону, глухо и раздраженно, но все же ответить:

— Не было у меня родителей. По крайней мере я их не помню. Меня Зигурд на улице подобрал. Бродягой я был. Оборванцем.

— В два года? — с невольной иронией уточнила Синтия.

— Мне было около четырех.

— Но... четыре года — это ведь поздновато для ведьмачьего испытания!

— Я знаю. Однако я выжил. Тогда у нас совсем плохо было с найденышами. Брали даже заведомых смертников — меня, например, взяли.

Синтия протестующе покачала головой:

— Все равно... это ужасно. Вы губите девять подобранных детей, чтобы десятый стал ведьмаком!

— И спас сотни, а то и тысячи живых, — жестко закончил фразу Геральт. — Не забывай об этом. И не напоминай лишний раз, что я должен хранить Большой Киев и покой киевлян не только за себя, но и за тех девятерых, которые не выжили. Я об этом помню. Получше некоторых. И я не лью слезы по тем, кого уже не спасти, — я просто помню, что они умерли для того, чтобы я выжил. И чтобы город выжил.

— Но ведь этого малыша еще можно спасти! — воскликнула Синтия.

— Спасти этого — значит убить другого. Хватит соплей, Синтия. Или ты ведьмачка, а значит, должна понимать. Или ты не понимаешь — тогда вставай и уходи. Навсегда. И даже звонок Весемиру не поможет, потому что Весемир встанет на мою сторону, сколько бы твои богатые родственнички Арзамасу ни заплатили. Есть вещи, которые ведьмаки не продают даже за очень большие деньги. Доступно? А теперь будь добра, помешай супчик, а то пригорит.

Остаток вечера Синтия промолчала. Примерно через час после того, как она улеглась спать, после мучительных и довольно сумбурных размышлений полуорка понял: Геральт прав. По-своему. По-ведьмачьи.

Синтия поняла это умом, но не сердцем.

И еще она поняла: каждый ведьмак, вставая на эту странную и тяжелую стезю, сначала должен убить свое сердце.

Сам. Добровольно. Решением разума.

А наутро она заставила себя молча и по возможности безразлично наблюдать, как из подкатившего к дому внедорожника выходят двое — лысый, чем-то неуловимо похожий на Геральта мужчина неопределенных лет и хромой, седой как лунь старик. Лысый, несомненно, был ведьмаком — голову его украшала не менее свирепая татуировка, чем у Геральта. Звали ведьмака Эскель. Старика — Владзеж. С Эскелем Геральт сухо поздоровался, отчего Синтия сначала решила, будто отношения у них не самые теплые, но потом ведьмаки обнялись. Так обнялись, словно расстались десять лет назад, предварительно пройдя плечом к плечу огонь, воду и мрачные тоннели киевских подземелий. И при этом не раз спасали друг другу жизнь. Старика Геральт просто поклонился. Чуть не до самого щербатого асфальта.

Что бы ни пережили Геральт и Эскель в прошлом, общались они на удивление мало и все так же сухо.

— Он чист? — спросил Эскель.

— Абсолютно. Его, а заодно его мамашу, шестерых братьев и сестер да еще мерзкую псину в придачу я вынул из камеры сто второго пресса. Работающего на сжатие. Тут, неподалеку.

— Как они туда угодили?

— А бес их знает! Сдуру, видимо. Папаша ихний в это время сидел в пультавой и голосил в видеофон. Я услышал. Денег у папашы оказалось всего две тысячи. Короче, я сторговался на мальчонку.

— И папаша его отдал?

— Нет. Пришлось отбирать.

— Хоть без трупов?

— Без. Даже псина уцелела. А пацан вроде здоровый и не отошавший, я глянул. Рефлексы нормальные.

— Понятно. Где он?

— Спит в доме.

— Неси.

Геральт обернулся к Синтии:

— Слыхала? Марш!

Синтия заставила себя остаться холодной — хотя бы с виду. Но когда она несла из комнаты к внедорожнику сладко посапывающего и ничего не подозревающего малыша, сердце ее все-таки предательски сжалось.

Ведь она еще не ведьмачка.

Донесла. Передала старому Владзежу. По тому, как ловко и умело старик взял спящего ребенка, Синтия поняла, что Владзеж часто имеет дело с маленькими детьми. Поняла чутьем самки, глубинным и почти мистическим. И — о чудо! — ей стало чуточку легче.

— Ладно. — Эскель скупно хлопнул Геральта по плечу. — Бывай.

— Бывай, Эскель. До свидания, Владзеж.

— Будь здоров, Геральт.

Хлопнули дверцы. Затарахтел двигатель. Звук его быстро растворился в утренней дали. Почему-то Геральт долго стоял и глядел вслед давно уехавшему внедорожнику. И молчал. И Синтия стояла и глядела, тоже молча. А когда молчать стало невозможно, спросила:

— Геральт! А позволено ли интересоваться дальнейшей судьбой ваших... найденышей? Судьбой этого, к примеру, малыша?

— Нет, — ответил Геральт — уже совершенно безразличным тоном.

— Значит, я не узнаю — пережил он испытание или нет? Даже имени его не узнаю?

Геральт скупно пожал плечами:

— Ты — скорее всего не узнаешь. А я, может, и встречу его когда-нибудь в какой-нибудь жуткой дыре. Иногда ведьмаки работают парами. А что до имени... нет у него больше

имени. Завтра появится номер. А об имени ему пока думать рано. Но номера его ты тоже не узнаешь.

— Ты не веришь, что я стану ведьмачкой? — вспыхнула Синтия, но тотчас же вспомнила о холоде и спокойствии, которое надлежит хранить.

— Нет, — сказал Геральт без намека на жалость или сочувствие. — Не верю.

— Зачем же ты меня учишь?

— Затем, — был ей ответ, — что ведьмаки почти никогда не поступают так, как им хочется. Они всегда поступают как надо.

— Кому надо?

— Городу. Хватит болтать, воспитуемая. Занятия ждут. Пять минут тебе на умывание... Зарядку сегодня отменим.

7

Довольно быстро Синтия поняла: жизнь ведьмака настолько мало походит на ее прежние романтические представления, что называть их иначе чем бреднями как-то совестно. Рутинa, каждодневная рутинa, состоящая из долгого висения в Сети, впитывания пропасти информации, далеко не всегда интересной, да тренировки до тьмы в глазах. Тренировки не были напрасными (Синтия чувствовала, как крепнет тело, особенно руки), они просто были неотличимы друг от друга, и потому сначала полуорка думала о приближающемся утре со щемящей тоской и неприязнью, а потом вовсе перестала думать. Научилась выключать голову, повелев работать мышцам. Вернее, даже не так: она научилась отрешаться. Тело привычно проделывало упражнения, а голова

словно бы улетала далеко-далеко, тянулась за мыслью и растворялась в заоблачных далях.

Думала Синтия о многом: о том, как изменилась она сама и ее отношение к миру. Как не похож оказался ведьмак Геральт на сложившийся за прежние годы образ абстрактного ведьмака. Какой непростой представлялась теперь окружающая жизнь — куда сложнее, чем считанные недели назад виделась из окон родовой усадьбы. Только об одном Синтия пока себе думать не разрешала.

Обо всем, что произойдет вскоре на Матвеевском полигоне. А произойдет там... Многое, в этом полуорка не сомневалась. Сомневалась она теперь совсем в другом. А хочет ли она мстить? Совсем недавно о сомнениях не могло быть и речи — только мрачноватая решимость, без оглядки на обстоятельства и опасности. А нынче...

Синтия знала, что не отступит. И совершит все, что поклялась совершить, безразлично — с помощью Геральта или же самостоятельно. Обязательно совершит, ибо слова клятвы не бросают в небеса попусту.

Но теперь Синтия совершенно точно знала, что, когда дойдет и сделает все, что задумала, радость при этом вряд ли испытает. Всегдашние невозмутимость и уравновешенность Геральта оказались заразными, тем более что неизменно приносили завидные результаты. Азарт, адреналин, бурлящий в крови, — все это, разумеется, безумно приятно и волнительно. Да вот только, оставаясь холодной, Синтия почему-то всегда добивалась своего меньшими усилиями и, чего греха таить, быстрее и качественнее, чем когда входила в раж.

Выполнили они с Геральтом и первую настоящую работу — не только тренировками маялись. По просьбе первоймайской общины вытурили из подземного гаража злующий одичавший автопогрузчик и прогнали его за пределы района, где успешно сдали на руки магистру приручения Вольво,

случайно оказавшемуся поблизости с целой колонной машинологов.

До тех мест, что в Большом Киеве издавна зовут Николаевом, оставалось совсем немного, когда размеренное течение пути на юг вновь резко нарушилось, почти как недавно, в истории с отобранным у попавшего в беду заводчанина малышом.

Первые дни Синтии было как-то не по себе. А потом впечатления малость потускнели, вытеснились новой информацией из Сети и из рассказов Геральта — уж в чем, в чем, а в новой информации недостатка определенно не было. «Наверное, так и надо, — сказала себе полуорка. — Многим и нравы техников кажутся дикими и жестокими. Но ведь кто-то должен хранить город?»

И Синтия если не успокоилась, то терзаться тяжелыми думами точно перестала.

И правильно сделала.

На этот раз заказчик снова нашел их сам. Геральт говорил, что такое — редкость, ведьмаку гораздо чаще приходится работу искать. А тут ближе к обеду, когда Синтия и Геральт уже собирались оставить Сеть и позаботиться об обеде (готовить Синтия, кстати, научилась быстро и — по словам Геральта — весьма вкусно), как за низким заборчиком-плетенкой, называемым на местный манер тыном, затарахтел двигателем старенький пикап «Хорол», рыжий от пыли, ржавчины и остатков краски. Вылез из него дедуля-орк годов эдак тысячи, не меньше, сморщенный, как высохший гриб. Дедуля щеголял в рубаше-вышиванке, подпоясанных кушаком шароварах голубого цвета, тяжелых гномьих сапогах и соломенной шляпе, которую, похоже, когда-то не доели лошади.

— Чего тебе, отец? — спросила Синтия, завидев его с крылечка.

— Здорова будь, дочка, — прошамкал дедуля. — Тут сын мой с утра проезжал. Гутарит, ведьмака видел. Лысого такого, с малюнком на башне. Де он?

— Тут я, — оторвался от ноутбука Геральт, избавив Синтию от необходимости принимать решение — стоит дедуле открываться или же не стоит.

Старик недоверчиво прищурился из-под шляпы, но, видимо, наружность Геральта его удовлетворила.

— Ага, здоров будь, сынку. Дело у меня к тебе. Как раз для твоей пушки. Пушка, я гляжу, знатная, сам когда-то такую пользовал. Жаль, рука стала уже не та. Да и негоже старикам, верно я говорю?

— Как знать, — уклончиво ответил Геральт, даже не скосив взгляда на прислоненную к дверному косяку помповуху.

— Дело у меня, ведьмак. Трудности, понимаешь ли. Я знаю, вы без монеты не беретесь, так сразу говорю: деньга есть. Правда, не гривны, рубли московские. Не страшно?

— Не страшно, — пожал плечами Геральт. — Курс какой?

— А какой скажешь, такой и посчитаем. Только не с неба, ясное дело. Чтоб похож был на гномий в обменниках. А там... копейкой больше, копейкой меньше — какая разница? Верно я говорю?

— Проходите, — пригласил Геральт и бросил Синтии: — Тащи из дома табурет какой-нить.

Синтия послушно метнулась в полутьму, царящую в доме.

Когда она выскочила на крылечко с деревянной скамеечкой в руках, дедуля с Геральтом уже сидели на ступенях. Дедуля как раз набивал трубку. Подняв на Синтию слезящиеся глаза, он добродушно махнул рукой:

— А ну его, дочка, ослинчик тот! На приступочке оно привычнее. Сели, сейчас люльку курнем по кругу... Куришь, ведьмак?

— Нет, — коротко ответил Геральт, по обыкновению не вдаваясь в разговоры с чужими в подробности и ничего не объясняя.

— Я тоже не курю, — встряла Синтия.

— О как. — Дедуля раскатисто крикнул и спрятал расшитый на орочий манер бисером кисет куда-то в недра шароваров. — Ну ладно, тогда я сам...

Табак у гостя благоухал так, будто дедуля туда добавлял толченых скорпионов. Предварительно, разумеется, засушенных.

— А дело у меня простое, — сказал дедуля. — Мы с сыновьями да внуками крестьяним тут помалу. Есть несколько участков, урожай растим, продаем потом. Научились: свежати́на — оно не то что со складов пыльных. Да вот... мешают нам.

— Кто? — спросил Геральт, пристально глядя куда-то в даль.

— А сам глянь, — пыхнул трубкой дедуля и добыл из шароваров несколько цветных снимков завидного качества. Синтия осторожно заглянула Геральту через плечо.

На фотографиях был запечатлен внутренний двор ухоженной усадьбы. Вернее, не двор — дворище. Размером с футбольное поле, только поросшее не мелкой травкой, а большею частью засаженное чем-то повыше, по пояс человеку или орку примерно. Синтия, с детства знавшаяся с эльфами-егерями, прекрасно знала, что растения можно самостоятельно сажать и потом ухаживать за ними — от этого растениям делается хорошо и вымахивают они будь здоров! Лишь рядом с домом виднелись аккуратная дорожка, беседка и фрагмент деревянного, досочка к досочке, забора — все остальное пространство занимали посадки.

На второй фотографии был изображен все тот же дворище, но уже полностью разгромленный. В кадре виднелись

рухнувший угол дома, поваленный забор, искрошенная плитка вместо дорожки, повсюду следы гусениц... А поле выутюженное — ни стебелька. Остальные кадры показывали разгром с несколько иных ракурсов.

— Судя по следам — бульдозер, — буркнул Геральт. — Причем карьерный, не меньше. Давно это?

— Позавчера. И не впервой, заметь. Четвертый уже участник нам испоганил, гад...

— А остальные давно?

— За последнюю неделю.

— Следы такие же? — уточнил Геральт.

— Ага. У его гусеницы разные, левая с насечкой, правая без. Я специально глядел — везде так.

Ведьмак поглядел на орка с уважением — знание профессиональных тайн и формул сторонними проявлялось чрезвычайно редко.

— Что ж, — сказал Геральт, поразмыслив самое большее пять секунд. — Я берусь. Стоить это будет... Ну, скажем, сорок тысяч, если российскими.

— Тридцать, — с хладнокровием тертого бессарабского торговца принялся торговаться дед.

Геральт снова поглядел на него с уважением — говоря начистоту, укротить дикий бульдозер и впрямь стоило около тридцати тысяч, если российскими. Ну, максимум — тридцать пять, если учитывать колебания курса. Чтобы вышло ровнехонько пять тысяч гривен.

— Тридцать пять, — предложил Геральт. — И это мое последнее слово.

— Пойдет, — вздохнул дедуля, протягивая коричневую, в густой сетке морщин ладонь. Почему-то ладонь его была очень похожа на куриную лапу.

Ведьмак пожал ее, но с места не сдвинулся, чего-то ожидая.

Дедуля опять вздохнул и в который раз полез в недра своих несуразных штанов. Вынул три пачки российских соток и пачку полтинников.

— Вот, держи. Я знаю, вы всегда вперед берете.

Геральт хладнокровно стянул резинку с одной из пачек, бегло пересчитал. Видимо, сошлось. Остальные пачки он пересчитывать не стал.

— Посхали. Собирайся, Синтия.

На сборы ушло минут пять — рассовать ноутбуки по рюкзакам, проверить оружие да собрать со стола снедь в отдельный пакет.

Геральт сел к дедуле в кабину, Синтии пришлось лезть в кузов пикапа. Трясло в дороге немилосердно, пикап был таким древним, что подвеска изнашивалась в хлам, но умереть все никак не решалась. Полуорку основательно растрясло. Геральту ехалось комфортнее, но ненамного. Худое продавленное сиденье вливалось в задницу допотопными пружинами; трясло точно так же, как и в кузове, да вдобавок в кабине нестерпимо воняло бензином и табаком.

— А что за орчонка с тобой, ведьмак? — поинтересовался дедуля, довольно лихо руля по разбитой дороге. — Полукровка вроде?

— Ученица, — неохотно ответил Геральт.

— Ишь ты! А теперь и девок в ведьмаки берут? Надо же!

— Она вряд ли станет ведьмачкой, — так же неохотно пояснил Геральт.

— Зачем же учишь?

Геральт пожал плечами:

— Мне платят — я учу. Это проще, чем проходчики по старым штрекам гонять.

— Тоже правильно, — согласился дедуля.

Геральт невольно отметил, что из речи старого орка как-то незаметно, исподволь пропали слова и обороты жителя

захолустий — ослинчик, люлька, гутарит... Теперь орк изъяснялся как любой житель самого Центра Большого Киева, причем житель, не чуждый некоторым тайнам техники.

«Что-то тут нечисто, — подумал Геральт. — Темнит дед. Простакон кидается — а с чего ему кидаться простаком?»

Некоторое время Геральт раздумывал, не подрулить ли к ближайшей гномьей казначейской конторе и не перевести ли деньги на счет Арзамаса-16. Но чутье подсказало: не спеши.

Чутью, особенно чутью, неоднократно проверенному, следует доверять. И Геральт доверился чутью.

«Хорол» долго кружил по каким-то подозрительным квартальчикам, где если и обитали — то лишь лихие живые, разбойники всяких рас и мастей. Но, к счастью, цель их располагалась не здесь — вскоре пошли кварталы солидных усадеб, которые вернее было бы именовать крепостями. Высоченные заборы, двух-, а то и трехэтажные домины во дворах, участки соток по полтыщи...

— Приехали, — сказал абориген наконец, и пикап остановился перед воротами очередной усадьбы-крепости. Вернее, перед тем, что от ворот осталось.

А осталось, надо сказать, немного: сами ворота, помятые, будто фольга от шоколадки, лежали на асфальте. Проем с правой стороны был существенно расширен — бульдозер просто долбанул ковшом, вывернув колонну с петлями и часть забора. Теперь все это в виде битого кирпича валялось поверх створок. Двойной след гусениц уводил внутрь усадьбы, к очередным разрушениям и непотребствам.

— Ого! — сказала Синтия из кузова. — Это не локомотивчиком деревяшку тара...

Геральт резко обернулся. Взгляд у него стал бешеным и полуорка тотчас прикусила язык.

«Тьфу ты! — разозлилась она на себя. — Опять болтаю! А надо молчать...»

Геральт так и не проронил ни слова. Походил по двору, посмотрел на разгром, зачем-то подошел к проутюженному полю. Потрогал изувеченный стебель, понюхал его зачем-то. Угрюмо поглядел на старика.

Все-таки Синтия успела привыкнуть в ведьмаку. Во всяком случае, она поняла: Геральт напрягся. Что-то в происходящем ему крайне не нравится. Но пока он молчит, да и вряд ли станет объяснять причины своего недовольства при клиенте.

— Чего вы от меня ждете? — сухо осведомился Геральт у дедули.

— Прикончи бульдозер. Так его отделай, чтоб больше с места двинуться не смог, преврати его в мертвую грудку железа. И все. Считай дело сделанным.

— Подозреваю, вы даже можете указать мне местонахождение бульдозера. Теперешнее.

— Правильно подозреваешь, — ничуть не смутился дедуля. — Укажем пять кварталов, он точно где-то там.

— Ладно, — сказал Геральт. — Показывайте.

— Доставай свой компьютер, — дедуля хитро прищурился, — и вызывай карту.

Ведьмак так и сделал. Подозрения его крепили с каждой секундой. Если старый орк настолько осведомлен в тонкостях ведьмачьего ремесла — чего ж он сам бульдозер не прихлопнет? На пару с сыновьями и внуками? Сэкономив при этом пять тысяч гривен — или тридцать пять российскими?

Объяснение могло быть только одно. Им нужно, чтобы жар загребли чужие руки. Например, руки очень кстати подвернувшегося неподалеку ведьмака.

А чем занимаются в этой и подобных ей усадьбах-крепостях, Геральт уже сообразил. Впрочем... если бульдозер дикий — Геральт умертвит его и покорно уберется восвояси. Темные делишки местных живых — не его забота. Вообще

делишки живых — не его забота. Его забота — убивать чудовищ и хранить город. По-доброму ли поступая при этом, по-злему — безразлично. Городу все равно, что его оградит от очередной напасти — добро или зло. У жизни нет любимых красок. Есть только их постоянная смена. И пока добро чередуется со злом — город будет жить.

— Вот здесь. — Орк обвел корявым ногтем участок, где мог прятаться дикий бульдозер. От Синтии не укрылось, как Геральт потом украдкой протер обшлагом рукава то место на матрице, которого касался ноготь дедули.

— Понятно. — Геральт закрыл ноутбук и сунул его в рюкзачок. — А если бульдозера там нет?

— Он там есть, — хитро прищурился орк. — Ручаюсь. Да и что его выслеживать — гляди, какая трасса!

Асфальт до сих пор еще не затянул двойную цепочку гусеничных следов. Впрочем, такие следы и за две недели не затянутся, не то что за пару дней.

«Вот уж действительно — трасса, — подумала Синтия, разглядывая следы. — Найдем! Даже я найду, а что уж о Геральте говорить?»

— Думаю, к полудню мы его выследим, а к вечеру прикончим, — ровным голосом пообещал Геральт. — Если, конечно, бульдозер нужно будет убивать. Позвольте воспользоваться пикапом?

— Не позволю, — по-ведьмачьи невозмутимо отказал дедуля. — На нем езжу только я. Пешком топайте, тут недалеко. Или по дороге добудьте себе транспорт.

— Ладно, — неожиданно легко согласился ведьмак и кивнул Синтии: пошли, мол.

И они отправились по следу бульдозера. Вышли со двора, свернули по дороге налево и двинулись как раз в сторону тех самых подозрительных трущоб, где самое раздолье для разбойников и прочих лихих живых.

— Ну-ка, — буркнул Геральт, когда они отошли достаточно далеко, — Расскажи мне, на кого мы охотимся?

Синтия еще раз зыркнула на парные отпечатки гусениц.

— Ну... это бульдозер.

— А почему не экскаватор, к примеру? — перебил ведьмак.

— Экскаватор бы в арку не прошел, которая во дворе, — уверенно предположила Синтия. — Лапа бы мешала. Да и деревья напротив дома целые. Точнее, ветви над дорожкой. Тем местом, где была дорожка.

— Жиденько, — вздохнул Геральт. — Но в целом верно. Проще было от противного идти: во дворе полно следов от ковша. Ладно, дальше.

— Колея широкая, больше двух метров. Гусеницы — тоже шире, чем у обычного «бэ-дэ-гэ». Ты сказал, что бульдозер карьерный, но карьерные машины мы еще не изучали. Думаю, это такая желтая громадина, какие я видела под Кривым Рогом. Больше похожа на вездеход с ковшом.

— Как с ним справиться?

Синтия пару секунд поразмыслила.

— Думаю, так же, как и с обычным бульдозером. Можно вывести из строя ходовую — например, сбить гусеницы. Хотя у этого монстра они, сама вижу, массивные, может и граната не взять.

— Возьмет, — заверил Геральт. — Граната много чего возьмет. Еще?

— Двигатель. Можно испортить двигатель.

— Как именно?

— Ну... — Синтия припоминала все, что знает о двигателях. — Он скорее всего дизельный, так что по-простому пальнуть по карбюратору не получится. Может, просто гранату под кожух?

— Хороший метод, — отметил Геральт. — Но кожух, во-первых, наглухо заперт, если вообще не заварен, а во-вто-

рых, до него еще добраться нужно, до кожуха. Ну и самое главное: у нас нет ни единой гранаты. Еще мысли?

— Топливный бак. У строительных машин он обычно на виду. У карьерных, наверное, тоже?

— Когда как. А что делать с топливным баком?

— Продырявить... как можно ближе к земле.

— Не пойдет. Даже если снизу продырявишь — сменить бак очень легко. Бульдозер примется безобразничать уже через неделю.

— Тогда выстрелить. Взорвется — мало не пока...

— Соляра не взрывается от выстрела. Только от сжатия.

— Тогда не знаю, — честно призналась Синтия. — Научи — буду знать.

Ведьмак то ли задумался, то ли просто замолчал. Синтия ждала, что он хмыкнет или еще как-нибудь проявит недовольство прорехами в ее знаниях, но ведьмак не хмыкнул. Сказал:

— Там посмотрим. И, кстати, знай: редко с какой машиной получается справиться одним ударом.

— То есть? — не поняла Синтия.

— Ну, для начала можно втихую подсыпать сахар в топливо. В бак. А там уж по обстоятельствам.

— А что сделается машине от сахара? — несказанно удивилась Синтия.

— Заглохнет. Если вообще заведется, — буркнул Геральт. — Ты слушать-то слушай, но и по сторонам поглядывать не забывай. Мы не в Центре...

Синтия моментально втянула голову в плечи и заозиралась. И впрямь ведь не Центр. И не родовая усадьба. Все-таки рано она вообразила себя ведьмачкой — то язык при посторонних распустит, то по откровенно бандитскому району топает беспечно, будто по набережной Одессы...

Остро как никогда полуорка вдруг осознала свою слабость и почти полное бессилие на стезе ведьмаков. Легко

лишь тем, кто знает все или не знает совсем ничего. Правда, вторые быстро находят смерть. А едва впитаешь крупицу истины, крупицу ведьмачьих знаний — и тут же начинаешь понимать, какая пропасть тебя от настоящего ведьмака отделяет. И чем больше впитываешь, тем яснее осознаешь, сколь глубока и широка эта пропасть. Почти безгранична. Настоящая бездна.

Но даже эти возвышенные размышления не повод, чтобы отвлекаться, напомнила себе Синтия. Глядеть в оба! Быть готовой ко всему — к перестрелке, поножовщине, бегству, пряткам! Прочь мысли, прочь, остаться только рефлексам и скудно накопленным ведьмачьим навыкам!

И сразу стало легче, благо Геральт с экзаменаторскими расспросами больше не приставал.

Бульдозер они выследили действительно в полдень. Горбатое чудовище грязно-желтого цвета приткнулось в скудном теньке у ворот какого-то невзрачного склада. Ковш этого бульдозера свободно задирался на крышу и, похоже, мог перебрасываться назад, что делало машину истинным тяти-толкаем — такому и разворачиваться не нужно: врубился на реверс и пополз туда, откуда явился.

Едва завидев цель, Геральт сделался целеустремленным, быстрым и хищным. На улицу, где бульдозер стоял, они, конечно же, не стали соваться. Себе дорожке — это даже Синтия понимала. Вернулись чуть назад по перпендикулярной улице, перелезли через очередные ветхие ворота, ведущие, как оказалось, на территорию небольшой мастерской. Живых на их пути, к счастью, пока не попадалось, как не попадалось и враждебных машин. Прошли на зады; там пришлось лезть через забор, а потом долго проделывать проход в ограде из колючей проволоки. За оградой обнаружилась вообще непонятная территория — одноэтажные дома, похожие на бараки, а вдоль интересующей улицы, как раз напро-

тив места, где прикорнул бульдозер, — длинное трехэтажное здание. С внутренней стороны здания не было ни одной двери, только с дальнего торца, но рядом помещались распахнутые ворота, и Геральт предпочел там не светиться. Воспользовался открытой форточкой в одном из окон первого этажа. Забрался сам, открыл окно и помог влезть Синтии.

«На тренировках, — подумала Синтия, — ведьмак никогда мне не помогал. Чего это с ним? Боится, что нашумлю, подведу, как последняя неумеха?»

А, собственно, кто она есть, как не неумеха с точки зрения матерого ведьмака?

Стало даже обидно. Пусть Синтия не знала слабых мест карьерной техники, пусть не разбиралась толком в ведьмачьих премудростях. Но уж влезть в открытое окно первого этажа — это-то она в состоянии и без посторонней помощи, тем более после почти полутора месяцев интенсивных тренировок. Да еще с таким въедливым и настырным учителем, как Геральт.

Но Синтия также привыкла и к тому, что ведьмак не ошибается. Все, что он делает, — действительно необходимо. Так не правильнее ли смириться и отринуть обиду? Тем более что плевать Геральт хотел на ее обиды.

Практически беззвучно ведьмак вскрыл запертый дверной замок. Синтия тем временем озиралась — комната, в которую они попали, сплошь была уставлена столами, а на одной из стен виднелась коричневая доска, на каких пишут или рисуют мелом.

Выглянув в коридор, Геральт жестом велел ей пока не выходить. Пригнулся, скользнул к окну напротив взломанной двери. Осторожно, словно хомяк из норы, посмотрел сквозь мутное стекло. А потом позвал ученицу.

Синтия отчего-то отметила: последнее время ведьмак перестал звать ее громоздким словечком «воспитуемая». Что бы это значило?

А сама прокралась к тому же окну посреди длинного пустого коридора.

Бульдозер хорошо просматривался из окна. Геральт пялился на него долго, больше часа. Синтии стало неинтересно и скучно уже минут через десять, но она дала себе слово терпеть и ничем не выказывать скуки.

В который раз пришлось убедиться: Геральт знал, что делал. Вместо того чтобы вслепую ломиться к оцепеневшему чудовищу, он выждал, и не напрасно.

Спустя час с четвертью ворота склада приоткрылись и с территории выскользнули двое живых. Один — определенно человек, а второй — полукровка-орк. Человек держал у уха телефонную трубку, но не мобильник, а радио, судя по размерам и длинной антенне. Геральт предупредительно шикнул и замер. Синтия тоже замерла, глядя во все глаза.

Почти одновременно с этим родился и окреп звук работающего двигателя — это к тем же воротам подкатил небольшой грузовичок модели «Очаков». С такой же мордой, как маршрутки «Долина», их по всему Большому Киеву пруд пруди, даже Синтия, невероятно редко ездившая на чем-нибудь, помимо спортивных или лимузинов, знала их. Двое со склада встали у ворот, спиной к бульдозеру, поджидая, пока грузовичок подъедет ближе. И, что самое странное, бульдозер, чудовище, на это никак не реагировал. Дремал себе дальше. Не отреагировал он и когда грузовичок поманеврировал перед самым ковшом, разворачиваясь к воротам задом.

— Геральт! — прошептала Синтия, сообразив в чем дело. — Да никакой он не дикий!

— Сам вижу, — буркнул Геральт.

Тем временем из фургона грузовичка начали выгружать небольшие картонные коробки с надписями на боках. Геральт прищурился и пошевелил губами — читал, что ли? С

такого расстояния полуорка не могла различить ни единой буквы.

— Н-да, — вздохнул Геральт спустя пару минут. — Все понятно.

— Что понятно? Ты прочитал надпись? И что там написано?

— «Кетамина гидрохлорид» там написано. Знаешь, что это?

— Знаю, — нахмурилась Синтия. — Этим ширяются.

— Правильно! Образованная девочка.

И принялся наблюдать дальше.

Грузовичок разгрузили очень быстро — скорее всего он приехал неполным. Кроме картонных ящиков с кетамином, имелись еще продолговатые белые пакеты в небольшом количестве. Некоторое время шофер грузовичка и двое встречавших курили и трепались в двух шагах от якобы чудовища, напавшего на усадьбу нанявшего их старого орка. Потом грузовичок уехал, а один из оставшихся живых полез по лесенке в кабину бульдозера. Повозился там, погромыхал чем-то и так же неспешно спустился. Жестикулируя и общаясь, местные вернулись за ворота и плотно затворили их.

— Пошли отсюда... — неожиданно сказал Геральт и, по-прежнему пригибаясь, шмыгнул в дверь.

Они отступили тем же путем, каким проникли в здание. И вообще в этот квартал. Только на улочку с бульдозером уже не стали заглядывать. Лишь когда удалились на приличное расстояние, Синтия осмелилась удовлетворить любопытство:

— Я так поняла, бульдозер мы трогать не станем?

— Не станем, — подтвердил Геральт.

— Почему?

— Потому что никакое это не чудовище. Обыкновенный прирученный бульдозер, флегматичный, как кастрированный кот. Кинуть нас пытались, дорогуша. Втянуть в разборки.

— Чьи разборки?

— А местных бандитов, которые наркотой торгуют. Ты видела, что выращивает нанявший нас дед у себя во дворе?

— Видела. И что это?

Геральт искоса посмотрел на нее.

— Н-да. Кетамин она знает, а коноплю нет. Дурь это, дурь! Конопля. Поняла?

— А! — сообразил Синтия. — Я просто никогда не видела, как она растет. Нам всегда уже заряженные стволы приносили.

— Хы-хы, — сказал Геральт. — Ну да, золотая молодежь, хозяева жизни... Понятно.

Синтия насупилась и отвернулась. Впрочем, как только Геральт открыл рот и принялся объяснять ей происходящее, все обиды мигом улетучились.

— Все ясно как белый день. Эти орлы, которые с бульдозером, явно торгуют аптекой. А дед со своим фермерством выращивает коноплю и толкает ее по дешевке. Конкурирует. Ну, орлы и решили проехать по нему бульдозером. А дед, не будь дураком, подрядил меня. Но это лишь полумера, понятно, что бульдозер можно и новый пригнать. Скорее всего деду нужно просто выиграть время. Сохранить еще не уничтоженные посадки. Уразумела?

— Уразумела, — кивнула Синтия, закипая. — Вот гад! И что теперь?

— А ничего. Я ему не индикатор, проверять, как бульдозер охраняется да как у местных бандитов с точностью стрельбы. Верну бабки и идет он на фиг.

Синтия почему-то отметила, что, как только разговор пошел о бандитах-наркошах, речь Геральта сразу стала гораздо грязнее, чем обычно. Не скатилась к откровенной фене, но... «Бабки» вместо «деньги». «На фиг» вместо «ну его». Забавно. Но факт.

— Погоди-ка, — прервал ее размышления Геральт. — Уж не гаражи ли это?

— Не знаю... — Синтия всмотрелась. — А похоже?

— Похоже, дитя, похоже. Правда, не на гаражи твоей богатенькой родни, а на обычные городские гаражи... Пойдем-ка.

У ворот откуда ни возьмись возник хмурый вирг с берданкой.

— Привет, — развязно поздоровался с ним Геральт. — Колеса нужны.

Вирг не ответил. Оглядел сперва Геральта, потом Синтию.

— Ладная девчушка, — сказал он вместо «здрассте», откровенно плясая на Синтию. — Не хочешь ко мне на полчасика?

— Не хочу, — сухо отозвалась полуорка. — А будешь настаивать — яйца отстрелю.

— Зря, — вздохнул вирг, мельком взглянув на помповуху Синтии, и повернулся к Геральту. — «Черкассы» устроят?

— Если не полудохлые и с полными баками — устроят, — сказал Геральт. — Сколько? Если российскими.

— Десять.

— Ты охренел? — несказанно изумился Геральт. — Две.

— Это ты охренел! Восемь.

— Пошли отсюда. — Геральт развернулся и взял Синтию за рукав.

— Эй, постой, постой, — заволновался вирг. — Ты куда? Пять!

— Да я стопом на шару доеду, — бросил ведьмак через плечо.

— Три!

Геральт и не думал оборачиваться.

— Ладно, две! Забирай, шахнуш тодд, скупердяй!

Вот тут Геральт остановился. Обернулся, мрачно взглянул на вирга.

— Выгоняй, — велел он. — И учти... Когда я сердитый — окружающим плохо. Да и девчушка... хорошо стреляет.

Синтия словно в подтверждение снисходительно улыбнулась и лениво повела стволом помповухи.

Вирг немедленно смылся куда-то в глубь своей епархии; вместо него на вышке над воротами появился подросток, тоже вирг. Правда, без оружия. Он недоверчиво глядел на пришельцев — неотрывно, пристально, словно сыч из дупла. Потом ворота открылись, и уже знакомый вирг выгнал наружу упомянутые «Черкасы» — небольшую шуструю легковушку. Новой машину язык назвать не поворачивался, но и уж совсем убитой — тоже. Геральт походил вокруг, придирчиво осматривая покупку, попинал зачем-то скаты, сел за руль, погазовал, послушал двигатель.

— Ладно, пойдет, — буркнул он удовлетворенно. — Садись, Синтия.

Синтия охотно отворила дверцу.

Не выходя из машины, Геральт отсчитал две тысячи дедовыми полтинниками и сунул в окно:

— Держи. Бывай здоров.

— Бывай и ты... скупердай. — Вирг тоже не отличался любезностью.

— Я не жадный, — в тон ему пояснил Геральт. — Я экономный.

— Все тут не жадные. — Вирг сноровисто пересчитал деньги и сунул в карман. — Особенно бонза местный.

— Это который? Который на бульдозере разъезжает?

— Он самый. Знаешь, как его местные зовут?

— Как?

— Безбашенный Кран.

— Очень отражает, — согласился Геральт и до пола утопил акселератор. Машина взревела, завизжала на повороте протекторами и понеслась вперед.

К усадьбе старого орка, любителя конопли, они домчали очень быстро. Лишь однажды Геральт остановился у каких-то придорожных кустов — сказал, что хочет в сортир. Синтия, озаботившаяся сходной проблемой еще на территории мастерской на середине пути, подождала его в машине.

— Ты будешь мне нужна, — сообщил Геральт, когда «Черкасы» замерли. — Во-первых, садись за руль. А во-вторых, если начнется стрельба и первым из этих... ворот выйду не я — гони без раздумий. Если понадобится — стреляй по любому, кто попытается тебя остановить.

— А ты?

— Я справлюсь. И знаешь еще что... — сказал Геральт и заглянул полуорке прямо в глаза — черные, как спелые маслины. — Если уедешь одна, не суйся на Матвеевский полигон. Лучше ступай к Весемиру.

— Да ну, глупости какие, — насупилась Синтия. — Вместе уедем. И давай я лучше с тобой пойду — в два ствола оно как-то надежнее.

Геральт не успел ответить — из ворот усадьбы вывалила целая толпа, живых с дюжину. Сплошь орки во главе с уже знакомым дедулей. Самому младшему было лет двадцать пять, что по орочьим меркам — сопливое отрочество.

— Началось, — буркнул Геральт.

Он выпрямился и направился к оркам.

— Ну как? — радушно поинтересовался старый орк. — Справился?

— Нет, — холодно ответил Геральт. — Я отказываюсь от задания. Вот деньги. — Он протянул орку три пачки соток.

— Хм... — удивился орк. — Почему это отказываешься? И потом, помнится, я давал тебе несколько больше денег.

— Я вычел за ложный вызов. — Геральт ничем не вызывал неуверенности или сомнений. — А отказался потому, что ты мне соврал.

— Вот как? — недобро ухмыльнулся дед. — В чем же я тебе соврал?

— Бульдозер, который катался по твоей конопле, вовсе не дикий. Обычный, прирученный бульдозер, им живые управляли. Конкуренты твои, аптекари Безбашенного Крана. Уж не обессудь — в такие дела ведьмакам соваться не резон. Так что забирай свои бабки — и адье.

Ведмак небрежным жестом швырнул пачки к ногам орка.

В тот же миг, словно по мановению Великого Техника, в руках каждого из орков возник ствол. У кого пистолет, у кого ружье, у кого обрез. У сопляка-отрока — древний барабанный револьвер. Только старик остался стоять, как стоял.

— Что ж ты мне грубишь, а? — укоризненно протянул он. — Деньгами швыряешься... Ай-ай-ай.

— А что, не так? — Геральт склонил голову набок и прищурился. — Ты хотел надуть ведьмака. И думаешь, я после этого буду перед тобой на цырлах приплясывать?

— А ведь мы можем и наказать, — вкрадчиво проскрипел дед. — Ты-то один, если девку не считать. А нас — гляди сколько!

Синтия не видела лица Геральта, но готова была поклясться, что сейчас он криво улыбнулся. Потому что самое время было сыграть на публику. Улыбнулся хищно и с угрозой, как могут только люди, не боящиеся в одиночку стоять перед дюжиной стволов.

— Ты угрожаешь мне? — ровно спросил Геральт. — Ты угрожаешь ведьмаку? Побойся жизни, старик. Пусть твои олухи могут питать какие-нибудь беспочвенные иллюзии. Но ты-то, ты!

— Отец! — не выдержал кто-то из толпы. — Я его пристрелю!

— Валяй, — фыркнул ведьмак. — Пали, дуралей. Подохнете все на радость аптекарям и лично Безбашенному Крану.

— Не стрелять! — металлическим, в высшей степени непререкаемым тоном распорядился старик и предупредительно воздел костлявую руку. — Черт с тобой, ведьмак. Верни остальные деньги и проваливай.

— Все, что причитается, я уже вернул. Ты мне солгал, ты отнял у меня время. Время ведьмака дорого стоит. А ложь я, так и быть, прощу. На первый раз.

— А-а-а!!! — неожиданно заорал сопляк с револьвером и выстрелил. Геральта швырнуло назад, на спину, на асфальт. Практически в тот же миг сопляк рухнул с простреленной головой — юная недоучившаяся ведьмачка догадалась, от кого следует в первую очередь ожидать сюрпризов, поэтому прицелилась загодя. И началось...

Синтия стреляла быстро и холодно. Без злости, без остервенения. Время остановилось. Существовали только черные штрихи мишеней, ствол помповухи и спусковой крючок. Она не чувствовала ни страха, ни боли. Боль и страх придут потом, а пока все, что умела она сама, и все, чему учил ее подстреленный ведьмак, выплескивалось наружу обтекаемыми кусочками свинца и рвало чужую плоть.

Лишь когда остались в живых только старик и четверо уцелевших из тех, кто догадался бросить оружие и поднять руки, время возобновило свой бег.

Синтия с хрустом передернула затвор, выплевывая очередную гильзу.

— Все назад! — спокойно, безгранично спокойно приказала она.

Орки затравленно повиновались, отступили.

— Руки за головы, спиной ко мне!

И снова повиновались.

— А теперь на асфальт, лицом вниз!

Улеглись, никуда не делись, даже старик.

Только теперь Синтия позволила себе краешком взгляда покоситься на Геральта.

Она ожидала крови, ожидала простреленной груди, почерневшей от влаги одежды и розовых пузырей поверх.

Не тут-то было. Геральт сидел, привалившись спиной к «Черкассам», и в руках сжимал ружье. На куртке его, как раз напротив сердца красовалась рваная дырища, но никакой крови не было и в помине.

— Пойди собери оружие и побросай в багажник. Или нет, лучше на заднее сиденье. Потом садись за руль, — сдавленно просипел Геральт. — Живо!

Синтия зачарованно повиновалась. Вместе с обрезамипистолетами она подобрала и все три пачки соток.

— Деньги брось! — резко приказал Геральт.

Впервые Синтия выполнила команду ведьмака раньше, чем осознала ее. Пачки вновь упали на асфальт, а Синтия рысью метнулась к легковушке.

— Заводи!

«Черкассы» зафырчали раньше, чем она успела усесться за руль. Стреляная, видать, машинка, не рванула дуром под пальбой, выстояла!

Двигаясь, будто робот или калека, Геральт кое-как втиснулся на переднее сиденье и выставил в окно ствол помповухи.

— Поехали!

Газанула Синтия от души, ведьмак даже охнул. Полуорка мысленно выругала себя: он же наверняка ранен!

Резких маневров Синтия теперь старалась избегать. Миновали вереницу кварталов с набившими уже оскомину усадьбами-крепостями, проскочили мимо куцега парка и небольшого озера.

— Направо! — скомандовал Геральт и, как всегда, оказался прав. Спустя десять минут они выехали к оживленной скоростной трассе.

— Ты ранен? — обеспокоенно спросила Синтия. — Тебя перевязать?

Никогда она не думала, что будет так беспокоиться о мужчине. Совершенно постороннем мужчине. Хотя... разве теперь ведьмак Геральт посторонний ей?

— Да не ранен я, — пробурчал Геральт, морщась и шипя. — Ушиб разве что схлопотал.

— Но в тебя же попали! Я видела!

— Попали, — подтвердил Геральт. — Но я ведь мутант, не живой. У меня кости прочные.

«Бредит, — забеспокоилась Синтия еще сильнее. — Мамочки, что же делать?»

Кровью около дыры по-прежнему и не пахло. Впрочем, сидя за рулем не очень-то и рассмотришь. Поэтому Синтия тормознула у первого же придорожного мотельчика.

— Шахнуш тодд! — прошипел Геральт. — Больно-то как!

И принялся расстегивать сначала куртку, потом рубашку (тоже с дыркой), под которой обнаружился...

Разумеется, бронежилет. Что же еще?

— Тьфу! — ужасно рассердилась Синтия. — Я тут чуть с ума не схожу, а он шутит! Весельчак, тля! И когда ты его нацепить успел? Мы ж весь день вместе!

— О-хо-хо!! — стонал Геральт. — Честно? Когда назад уже на «Черкассах» ехали — в сортир мне вовсе не хотелось. Сначала я жилет тебе думал отдать. А потом прикинул и понял — лучше самому надеть. Видишь, прав оказался... Ы-ы-ы...

Под жилетом обнаружился обширный фиолетовый, будто чернильная лужица, синячище. А Синтия вдруг поймала себя на мысли, что после недель, проведенных с ведьмаком-

учителем, теперь думает о синяке исключительно как о гематоме. В связи с чем и схватилась тут же за аптечку. За ведьмачью, разумеется. Геральт не возражал, когда Синтия полезла в его рюкзачок.

— Геральт! — спросила она минуты через две, смазывая синяк (пardon — гематому) рекомендованной увечным наставником едко-зеленой дрянью под названием «эликсир-лямбда». — А почему ты велел бросить деньги? Почему велел оставить этим уродам?

— Потому что это их деньги, — объяснил Геральт. — Я их не заработал. А ведьмаки чужого не берут. Даже у уродов. Такие, понимаешь, дела...

8

Видом с моста Синтия поневоле залюбовалась. Вода была зеленоватая, беспокойная; высокий берег, куда они ехали, утопал в зелени. По заливу, вздымая к небесам косые треугольнички парусов, скользили несколько яхт.

Геральт тронул Синтию за плечо и указал влево:

— Матвеевка там. Чуть выше по течению.

Синтия мрачно кивнула, глядя на далекий берег. Стройные свечки тополей обрамляли его, делая похожим на гигантскую расческу.

Последние несколько дней у полуорки родилось и окрепло ощущение, что Геральт решил от нее отделаться. Что ему надоело нянчиться с — чего там говорить — навязанной Весемиром воспитанницей.

Сначала Синтия решила, что на купленных «Черкассах» они отъедут совсем немного, лишь бы убраться из района,

где враждовали наркокланы хитроумного старого орка и Безбашенного Крана. Но в тот день они проехали почти сто километров и заночевали под самым Николаевом. Зато следующую неделю вообще не двигались с места, Геральт даже на привычную физзарядку махнул рукой и дни напролет втискивал в Синтию все новые и новые ведьмачьи знания. Голова у Синтии трещала от перегрузки. А нынешним утром ведьмак взялся за ноутбук, потом протяжно вздохнул и даже суше, чем обычно, изрек:

— Хватит. Поехали, воспитуемая.

Впервые за несколько недель он произнес это слово. Синтия поневоле задумалась: не в последний ли раз?

Мост они миновали. Проехали по улочкам уютного и чистенького района, изобилующего небольшими, не выше четырех этажей, домиками.

— Налево, — скомандовал Геральт на очередном перекрестке.

Через несколько кварталов «Черкассы» вырулили на очередной мост. Вид с него ничем не уступал по красоте виду с первого, названного ведьмаком Варваровским.

Второй мост Геральт назвал Ингульским.

Жилые кварталы тянулись еще минут пятнадцать за мостом, а затем, едва «Черкассы» скользнули по ободу дорожного кольца со столбом-стелой в центре, дома оборвались. Справа от дороги вдалеке виднелись еще какие-то строения, а слева раскинулось голое поле, лишь кое-где разбавленное напоминаниями о городе.

— Тормози, — приказал Геральт, и Синтия послушно велела легковушке прижаться к обочине.

Ни слова не говоря, Геральт вылез наружу. Синтия тоже. С неясной тоской обернулась, поглядела на симпатичный кораблик, венчавший столб-стелу в дорожном кольце.

Остро, невероятно остро полуорка осознала, что ее жизнь подошла к некоему важному повороту, когда любой поступок, любая мысль и любое произнесенное слово могут возыметь роковые последствия.

— Это граница Матвеевского полигона, — сообщил Геральт и протянул руку, указывая. — Основное поле там, слева от трассы, но танки перебираются и на эту сторону. Я привел тебя сюда... как договаривались.

И умолк.

— И... что дальше? — недогнущим голосом спросила Синтия.

Откуда взялись силы оставаться хотя бы внешне невозмутимой и сильной, она и сама не понимала.

— Я слагаю с себя полномочия няньки, Синтия, — серьезно сказал Геральт. — Не знаю, что ты собираешься тут делать, но за все дальнейшие поступки отныне ответственна ты и только ты. Более никто.

— А что намерен делать ты? — на всякий случай поинтересовалась Синтия.

— Сесть и уехать.

— Куда?

Ведьмак внимательно взглянул полуорке в глаза.

— Видать, плохо я тебя учил, — пробормотал он. — Какая разница куда? Не твое это дело.

По правде говоря, Геральт намеревался рвануть прямоком в Арзамас-шестнадцать и как следует поговорить с Весемиром. Уяснить, зачем его втравили в это странное наставничество, начисто лишенное перспектив и смысла. Если, конечно, не учитывать гонорара, каковой Весемиром, несомненно, был получен сполна.

— До свидания, Геральт, — сказала Синтия. Голос ее едва не сорвался и не задрожал. — Спасибо за науку.

— Прощай, — коротко обронил ведьмак и сел за руль «Черкасс».

Сухо клацнула дверца и уркнул двигатель.

Несколько минут Синтия тупо глядела на удаляющуюся легковушку. Потом глубоко вздохнула, забросила на спину рюкзачок, поправила ружье на боку и решительно пересекла дорогу.

На полигоне росла трава — неожиданно много травы, но не сочной, как в родной усадьбе, а сухой, жесткой, опаленной жарким южным солнцем. Вдалеке просматривались какие-то неясные холмики и маленькая будочка с явственно различимой отворенной дверью.

Под травой, на сухой корке земли, там и сям проступали отчетливые следы гусениц. То и дело попадались неглубокие, сантиметров по тридцать, воронки, некоторые совсем свежие.

«Зачем я здесь? — потерянно подумала Синтия. — Разве я в силах что-либо изменить или вернуть? Разве воскреснет от этого Брид?»

С неприятной пустотой в душе Синтия шагала к холмикам и будке. Очевидная неправильность, даже никчемность ситуации отчасти злила, отчасти ввергала в растерянность. Но тем не менее полуорка продолжала упрямо шагать вперед.

Дитя из богатой семьи, с детства окруженная няньками и сторожами, наставниками и такими же детьми из богатых семей. Блеск, роскошь. Еще совсем недавно ей шагу не позволяли самостоятельно ступить, а если удавалось удрать из-под опостылевшей опеки, то только в компании себе подобных. Что она знала? Скуку на уроках дорогих учителей? Горький привкус дурмана, подмешанного к табаку? Первую любовь, безудержную, неправильную, обретенную и тут же утраченную?

Брид, Брид... Зачем они тогда угнали тот злополучный джип, зачем уламывали жадноватого проводника в поезде? В поисках приключений? Вот они, приключения, — смерть под траками, надорванная душа и ошеломление от факта, что даже они, дети блестящих родителей, могут попасть в беду. Осознание необратимости многих поступков. Осознание потери и первые мысли о суициде, к счастью, сменившиеся мыслями о мести.

А теперь она бредет в никуда, одна-одинешенька, жизнь знает где, по дикому полигону, с помповухой на боку и грузом ведьмачьих знаний в памяти. Пусть даже груз этот далеко не полон и очень поверхностен. Глядит ли Брид сейчас не нее с небес? Осуждает ли? Или взывает о мести?

Но кому мстить? Дурацкой слеподырой машине, неожиданно вырвавшейся на волю и застигнувшей их в поле, где негде укрыться? Ведьмак говорил, что машинам мстить бесполезно. Прав он, ведьмак. Он вообще всегда прав. Ведь мстит Синтия самой себе — и более никому. За то, что выжила. За то, что смогла после смерти Брид чего-то желать, за то, что могла ходить, дышать, смеяться. За то, что не нашла в себе сил умереть вместе с любовью. Здесь же, на Матвеевском полигоне.

Ей часто говорили — юность безрассудна. Что позже, когда время затанет память зыбкой пеленой прожитых лет, все произошедшее тут покажется наивным, глуповатым и напрасным.

Чушь. Чувства, любые чувства, не могут быть напрасными и тем более глуповатыми, если они искренни. А Брид она действительно любила.

И вот Синтия пришла. В ожидании, что место гибели Брид обострит ее тоску и жажду мести. В ожидании, что душа вот-вот переполнится пенным вихрем эмоций и воспоминаний.

Но в душе только пустота. И стоит дитя избранных совершенно одна, посреди пустого полигона, и ветер гладит ее коротко остриженные волосы. И некому подсказать, подержать...

Холмики оказались бруствером у небольших окопчиков. В будке было пусто, если не считать засохшей кучи дерьма у одной из стен.

«Где же искать этот проклятый танк? — подумала Синтия с тоской. — Куда они вообще деваются с полигона?»

Ветер безучастно колыхал травы.

А потом, повинуясь неожиданно откуда возникшему порыву, Синтия вынула мобильник и бегом вернулась к дороге.

У дороги она набрала номер.

— Геральт? Это Синтия. Вернись за мной, пожалуйста.

— Хорошо, — отозвался тот бесстрастно.

Целых десять минут Синтия изо всех сил сохраняла душу пустой, а мысли старательно гнала прочь. Едва подъехал ведьмак, порывисто распахнула дверцу и села в машину.

Геральт ничего не спрашивал. Он просто ждал — сидел, положив руки на обтянутый кожей руль, и ждал.

— Ты был прав, ведьмак, — глухо произнесла Синтия. — Мне нечего здесь делать. Отвези меня, пожалуйста, домой, если по пути. Или к Весемиру.

Медленно-медленно, словно нехотя, Геральт повернул к ней лысую татуированную голову. И заглянул в глаза.

Очень редко что-нибудь отражалось в его взгляде. На этот раз определенно отразилось понимание. И еще — Синтии показалось — одобрение.

Хотя, может быть, только показалось...

Фыркнул мотор; Геральт велел «Черкассам» развернуться и погнал на север. Синтия безучастно глядела на мелькающие за окнами деревья.

Лишь спустя час ведьмак нарушил молчание, когда полигон давно пропал позади и снова потянулись вдоль дороги привычные городские кварталы.

— Как его звали? — спросил Геральт.

— Кого? — отвлеклась от самокопания Синтия.

— Того, кого ты любила. Того, кто погиб на Матвеевском полигоне.

Полуорка напряглась, нахмурилась, но все же ответила:

— Не его, ее... Ее звали Брид. Бриджит Флавио Роксана Браун. Она была полуоркой, как и я.

Ведмак не был бы ведьмаком, если бы выказал какие-либо чувства — удивление, смущение, неловкость. Он и не выказал. Лишь негромко промолвил:

— Добро пожаловать в мир взрослых, девочка.

Неизвестно, что так повлияло на Синтию — моральная ли усталость от последних интенсивных занятий, эмоциональный шок после посещения Матвеевского полигона или стакан оранжада, куда Геральт втихомолку подсыпал какого-то из своих снадобий. Во всяком случае, после первой же остановки и легкой закуски она забралась на заднее сиденье, подложила под голову куртку Геральта и отключилась. Проспала полуорка долго.

Кажется, во сне ее куда-то переносили, но просыпаться Синтии было лень. Шок, стресс, встряска — после этого неизбежно наступает релаксация.

Синтия спала, когда Геральт мчал по скоростной транзитной трассе, когда покинул пределы Большого Киева, когда подъехал к территории Арзамаса-16. Когда подрулил к до боли знакомому корпусу, когда обнимал Весемира, когда здоровался с Эскелем, Хицфуртом и Оксенфельдом, Владзежем и Филиппом.

Потом перенесли с Эскелем так и не проснувшуюся Синтию в свободную комнату гостиницы.

«Пусть спит, — думал Геральт. — Сон и время — лучшие из лекарств. Особенно когда лечить приходится душу».

Весемир не возражал.

Патриарх ведьмаков взглянул Геральту в стальные глаза, вздохнул и, предваряя любые слова, сказал:

— Пошли ко мне в кабинет. Там все и объясню.

Эскель тактично убред к воспитуемым.

В кабинете Весемира мало что менялось — да и чему тут меняться? Сотням пыльных томов на полках? Старенькому компьютеру на необъятном, заваленном всякой всячиной столе?

Стол казался таким же вечным и незыблемым, как и сам Весемир.

— Садись, — буркнул глава ведьмаков.

Голос его не показался Геральту виноватым или сожалеющим.

— Как сам?

— Нормально, — нейтрально отозвался Геральт. — Даже умудрился полтора дела повернуть.

— За пацана — отдельное спасибо, — кивнул Весемир. — А второе?

— Я узнал, кто заправляет торговлей наркотиками на юге. Первомайск, Веселиново. Надо бы прижать его, пусть поставляет препараты и нам. У его сброда наверняка большой выбор.

— И кто же?

— Один тип по прозвищу Безбашенный Кран.

— Хорошо, я наведу справки. Ты молодец, Геральт.

Геральт не ответил. Рассказывать о старом орке, поточно выращивающем коноплю, он счел излишним. Арзамасу конопля не нужна, а местные живые сами вправе решать — травиться им дурманящим зельем или нет.

— Значит, так, — начал объясняться Весемир. — Я понимаю, что последние пару месяцев тебе пришлось заниматься жизнью знает чем, но поверь, так было надо.

— Кому? — спросил Геральт. Спросил равнодушно, без раздражения или сожаления. Сожалеть о прошлом — что может быть бесплоднее и глупее?

— Всем нам. Родственники Синтии отвалили за устроенный тобой ликбез достаточно. На ближайшие десять лет Арзамас обеспечен всем сполна, даже если ни один ведьмак не заработает ни копейки.

— Ого! — изумился Геральт. — Так много? Не ожидал... честно.

— Дело даже не в фиксированной сумме, — добавил Весемир. — У нас теперь открытый неограниченный кредит в «Оболонь-Стожары-инвест». На десять лет, как я и сказал. Благодаря тебе.

— Все. — Геральт протянул вперед руки ладонями вперед. — Я снимаю все вопросы, Весемир. Ради этого стоило помучиться... Да и не слишком я мучился, откровенно говоря.

— Ну и славно.

— А с чего родичам Синтии вдруг взбрело в голову сделать ее ведьмачкой? Маразм ведь полнейший...

— Ай, Геральт, там такие интриги в высших кругах... Чокнуться можно. Ее просто сплавил на какое-то время с глаз подальше. Ловко использовав ее же собственные тогдашние устремления.

— Кстати, — вспомнил Геральт. — Тот тип, что меня нанимал, лонгер, он ведь предлагал Синтию убрать! Денег сулил.

— Я знаю, Геральт. Того типа уже взяли к ногтю. Дед Синтии и взял. Кремень, не мужик. С его-то бизнесом и репутацией — и вдруг: дочь — парикмахерша и по совместительству блядь, внучка — метиска, да к тому же еще и лесбиянка... Не позавидуешь. Но ничего, выкрутился. Еще и гадючник у себя в аппарате выкорчевал заодно.

Геральт только глубоко вздохнул.

— Надо бы девчонку домой отвезти, — сказал он и зевнул. — Отвезу, если что. Отосплюсь только.

— Она не поедет, — убежденно сказал Весемир. — Не захочет. Я знаю. Пусть лучше тут посидит несколько месяцев. С пацанами повозится, у нас как раз испытание скоро.

— Ну... тебе виднее. Хорошо, Весемир. Вопросов у меня не осталось. Пойду я спать, наверное.

— В гостиницу?

— Да.

И, перехватив мимолетный взгляд главы ведьмаков, уточнил:

— Разумеется, в соседний номер... Все, отнянчился.

Долг, честь и taimas

Как всегда, первыми его появление заметили долгоживущие и дети.

Эльф, задумчиво почивавший на лавочке напротив ворот мастерской, неожиданно вскинул голову и обратил взгляд в сторону ближайшего перекрестка. Один из троих орков-подростков, что втихую давили в подворотне бутылку ворованного портвейна, уронил полупустой стакан, а остальные двое его даже не обматерили.

К перекрестку приткнулся старенький пикап, прирученный, наверное, еще до Крымского Передела.

Орки торопливо отступили в спасительную полутьму подворотни. Эльф принял менее расслабленную позу, даже оторвавшись от давно не крашенной скамеечной спинки.

Из пикапа вылез живой, одетый в выцветшую джинсу и тяжелые гномьи ботинки. Он был совершенно лыс; даже с такого расстояния эльф различил татуировку на голове. Экскаваторный ковш, зависший точно над ухом. И силуэт живого рядом — не то эльфа, не то человека. А может быть, не слишком коренастого орка.

Эльф мгновенно понял, что у другого уха вытатуирован собственно экскаватор, а лапа с ковшом тянется через весь обритый затылок.

Орки татуировки не рассмотрели. Главным образом из-за иного строения глаз. То есть что-то такое темное, украшающее голову приехавшего на пикапе они различили, но внимание их было занято в основном пристегнутым к куртке ружьем — тяжелой помповухой без приклада.

Живой забросил за спину бурый шмотник — всего на одну лямку — и неторопливо направился к воротам, над которыми красовалась (если это слово можно было применить к выцветшим буквам) лаконичная вывеска:

«СХОД. РАЗВАЛ. ВУЛКАНИЗАЦИЯ. КРУГЛОСУТОЧНО».

Мимо эльфа живой прошествовал, даже не взглянув в сторону скамейки.

За воротами открылся небольшой дворик, упирающийся в вереницу боксов-гаражей; на площадке перед единственным открытым боксом замер грузовик «Ингул» с болезненно откинутой вперед кабиной. Рядом в не меньшей задумчивости, чем грузовик, стоял пожилой кобольд в истертом от долго употребления кожаном фартуке поверх спецовки. Обуви на кобольде не было.

Когда лысый приблизился, кобольд порывисто обернулся, разомкнув сложенные на груди руки.

— Геральт? — сказал кобольд с удивлением. — Какими судьбами? Привет!

— День добрый, Сход Развалыч, — поздоровался тот, которого назвали Геральтом. По тону его чувствовалось, что к кобольду он питает глубокое и совершенно искреннее уважение. Как к отцу или учителю.

— Геральт, — послышался голос, который мог принадлежать только элфу. — Значит, ты и правда ведьмак?

Геральт чуть повернул голову и скосил взгляд: в воротах стоял эльф, решившийся наконец покинуть лавочку.

— Это кто, Сход Развалыч? — осведомился ведьмак после десятисекундного раздумья.

Кобольд снова раскинул руки в стороны, только на этот раз не для объятий:

— Не знаю. Назвался Иландом. Он ждет тебя уже седьмой день, и я его считал полным идиотом, потому что не ожидал твоего появления. А он сослался на какой-то неведомый мне принцип Шекли и принялся тебя ждать. Глазам не верю просто. Что за принцип, а, почтенный?

— А. — Ведьмак неожиданно вздохнул и устало махнул рукой. — Дурацкий принцип. Но иногда работает. Потом как-нибудь расскажу.

И он повернулся к эльфу.

— Зачем ты ждал меня?

— Я хочу тебя нанять.

— Я работаю за деньги, — предупредил ведьмак. — При чем за немалые.

— Я знаю, ведьмак. Я знаю даже то, что вы, ведьмаки, работаете только с полной предоплатой. Но у нас нет выхода.

— Ну что же... Где мы можем обсудить вашу проблему? Здесь недалеко, на Туровской есть замечательный шинок.

— Мне все равно, — ответил эльф.

— Сход Развалыч, — ведьмак снова обратился к кобольду, — я снова у вас остановлюсь, вы не против?

Но кобольд ответить не успел: его перебил потенциальный наниматель Геральта.

— Останавливаться не придется, — заявил он не допускающим возражений тоном. — Мы уедем очень быстро.

— Посмотрим, — хладнокровно отозвался ведьмак. — Посмотрим. А пока я мечтаю только об одном: о сичениках по-виннички и бокале темного пива.

— Будут и сиченики, будет и пиво, — все так же хмуро заверил эльф. — Пойдем.

И они пошли. Свернули с Нижнего Вала в сторону Щекавицы; эльф явно знал, где находится упомянутый Геральтом шинок.

«Что ж, — подумал ведьмак. — Начало этой истории мне нравится. Впрочем, истории я пока как раз и не слышал. Но у каждой истории бывает начало, когда еще ничего не ясно, когда контуры будущих событий только намечаются, но когда уже задается настроение. Так вот: мне начинает нравиться настроение этой истории...»

В шинке Геральт отвлекся: он был достаточно сильно голоден, чтобы помышлять о чем-нибудь, помимо еды. Эльф не мешал насыщаться, просто безмолвно сидел напротив, вяло ковырялся вилкой в салате и цедил «Слезу Элендила» из высокого бокала на потемневшей от времени серебряной ножке. «Слеза» стоила так называемую «прямую цену»: грамм — гривна. Так что Иланд только за свое питье выложил не меньше сотни. Это весьма обнадеживало.

Насытившись, Геральт залпом заглотил бокал «Черниговского темного» и взялся за второй, уже не торопясь, с расстановочкой, слизывая с губ пену и потягивая пиво маленькими глотками. Организм блаженствовал.

— Ну, — вопросительно протянул Геральт, — что там у вас?

Ему понравилось, что эльф не форсировал событий. Собственно, ведьмак даже устал ожидать, когда же ему изложат задачу. Поэтому и спросил сам.

— У нас четыре смерти, — мрачно сообщил эльф. — Я поведаю предысторию для начала, ладно?

— Конечно. — Геральт поудобнее откинулся на спинку стула. — И велите, чтобы не забывали подносить пиво...

Эльф сухо щелкнул длинными пальцами с тщательно ухоженными ногтями; тут же примчался официант.

«Ну еще бы, — подумал Геральт. — К тем, кто заказывает «Слезу Элендила», официанты спешат в первую очередь...»

— Наверное, стоит начать с легенд. Так будет правильнее.

«С легенд? — удивился ведьмак. — Господи, что ж за работу мне хотят подсунуть-то?»

— Ты знаком со специальной техникой радиосвязи? — спросил эльф.

— Ну... — Геральт пожал плечами и глянул в сторону, на секунду, не больше. И снова встретился со льдистым взглядом эльфа. — В общих чертах. Я ведь ведьмак.

— Слыхал байки о заблудившихся радиосигналах?

— Слыхал. Кто ж подобных баек не слыхал?

— Это не байки, Геральт.

Ведьмак вдумчиво осушил бокал; пустой тут же заменил на полный.

— Это действительно не байки. Наш предводитель — его зовут Халланард — занимается заблудившимися радиосигналами уже более полутора тысяч лет.

— Ого, — честно признал Геральт. — Впечатляет. И до чего же он дозанимался?

— Ну, во-первых, выделил частоты, на которых заблудившиеся радиосигналы звучат особенно часто. Во-вторых, попытался систематизировать периодичность и продолжительность диких передач.

— И?

— Они чаще всего звучат весной, в периоды первых гроз. И почти никогда не случаются зимами, во время снегов. Впрочем, это не очень важно. Важно другое. За последние пятнадцать лет число диких передач возросло.

— Сильно?

— Сильно. В семьдесят раз.

— Ого! — вторично впечатлился ведьмак. — Это что же получается?

— Получается, что заблудившиеся радиосигналы проскакивают не два-три раза в год, а раз в сутки. Ну, немного

реже, если честно, — уточнил эльф. — Кроме того, они стали гораздо длиннее по времени и чище от помех.

— Уж не хочешь ли ты сказать, что ваш предводитель сумел эти передачи раскодировать?

Эльф поднял на ведьмака морозный взгляд долгожителя.

— Именно это я и хочу сказать.

Геральт зябко поежился — отчасти от взгляда собеседника, отчасти от его слов.

— Там были координаты, — хмуро пояснил Иланд. — Координаты в какой-то неизвестной цифровой системе. Шесть лет назад Халланард впервые осуществил реальную привязку к реальным картам. Год назад впервые выделил обе координаты и пересчитал их в общеупотребительную проекцию.

— Где? — коротко справился Геральт.

— Под Черновцами. Старый-престарый замок.

— Вы его обследовали?

— Пытались. Погибли два эльфа. В первый же день.

Ведьмак неодобрительно покачал головой:

— Как они погибли?

— Один нарвался на ловушку в коридоре — его проткнуло железной арматуриной. Второй провалился в подземелье. Он был еще жив, когда его начали пожирать крысы, я сам слышал его крики.

Глаза эльфа стали еще блее, чем раньше.

Геральт, хоть и мутант, но все же короткоживущий человек, прекрасно знал, как относятся к смерти долгожители-эльфы. И как дорого они ценят жизни собратьев. Их ведь очень мало рождается, эльфов. Каждый новорожденный долгожитель в пределах Большого Киева — праздник для любого из взрослых эльфов. Но эти праздники случаются все реже.

— Им не было еще и по четыреста лет, — глухо сказал Иланд. — Погибли, в сущности, дети...

«Эх, жизнь... — подумал Геральт со смешанным чувством. — Мне нет еще тридцати пяти. По меркам эльфов я еще эмбрион... И именно поэтому они хотят сунуть в самое горнило меня, человека, чья жизнь не стоит и серебряного гроша. Сохранив тем самым свои драгоценные тысячелетние жизни...»

— Дался вам этот замок, — буркнул ведьмак вслух. — Неужели он вам так важен?

Иланд снова уткнулся в бокал.

— В замке находится один из запеленгованных источников диких радиосигналов. Точнее, исторгнутые из замка радиосигналы спустя какое-то время повторяются в эфире. Самопроизвольно. Без поддержки передающих контуров. Ну и, само собой разумеется, замок не числится в реестре зарегистрированных у Техника Большого Киева официально прирученных источников радиосигналов.

Повисло тяжелое молчание. Как и все долгожители, эльф мог молчать часами. Но человек спешит жить, Иланд это вполне понимал.

— За год погибли еще двое наших. И почти два десятка нанятых сорвиголов — в основном людей. Ни единому живому не удалось пройти дальше холла. Собственно, сегодня в холл мы ходим почти безбоязненно, но вот дальше — увы. А нужно подняться в башню.

— И вы решили нанять ведьмака, — подытожил Геральт. — Что ж, разумно, хотя можно было и раньше принять такое решение.

— Решение принято давно, — буркнул эльф с демонстративным равнодушием. — Мы искали подходящую кандидатуру.

Геральт хлебнул пива и с отчетливым стуком опустил бокал на столешницу.

— Задание не из легких, — признал ведьмак. — Я слышал кое-что о зданиях-убийцах. Вопрос, полагаю, упирается только в цену. Сколько вы можете заплатить?

— А как дорого ты ценишь свою жизнь?

Ведьмак откровенно рассмеялся, запрокинув голову:

— Разве жизнь можно оценить в гривнах?

— Можно, — парировал эльф. — Если прожить достаточно долго.

— Но я еще не прожил столько.

— И не проживешь, — вздохнул эльф. — Такова участь однодневок. Хоть ты и ведьмак, хоть ты и протянешь заметно больше остальных людей, но из духовного младенчества тебе все равно не выбраться. Поэтому я хочу услышать сумму, которую ты запросишь. Она будет взята, безусловно, с потолка. А уж мы сравним ее с нашей оценкой ведьмачьей шкуры. И если сравнение будет в интересную для нас сторону, ты получишь свои деньги и отправишься в замок.

— Забавно. — Геральт поковырялся в зубах колючкой южной акации, срезанной с дерева позапрошлым летом и исправно служащей зубочисткой до сих пор. — Ну, допустим, мы договорились. Ну, допустим, сунулся я в этот замок-убийцу. А что, если и я не пройду дальше холла? Что даст вам моя смерть?

— Ты ведьмак, — сухо заметил Иланд. — Ты в любом случае обязан пройти гораздо дальше холла. В идеале — в башню. И рассказать все, что там увидишь.

— Обязан... — горько усмехнулся ведьмак. — Обязан я буду только после того, как возьму ваши деньги. Не раньше.

— Безусловно, — подтвердил эльф. — Но ты их возьмешь. Я-то знаю. Итак, твоя цена?

Геральт попытался подпустить холода во взгляд, но потом понял: с эльфом в этом ему не тягаться. И просто объявил:

— Двадцать пять тысяч. Вперед.

— Мы согласны, — без тени колебания выдохнул эльф. — Еще пива?

— Еще.

— Но учти, — предупредил эльф. — Мы должны выехать сегодня же. Если перепьешь, тебя просто погрузят в лимузин и увезут.

— А то я не знаю, — фыркнул Геральт и с удовольствием хлебнул темного.

Те, кто может погибнуть в любой момент, умеют и радоваться жизни.

Как никто.

Очнулся Геральт от равномерного покачивания. Трясли не его, покачивалось все ложе.

Он открыл глаза. Небольшое тесное помещение; потолок можно достать рукой не вставая.

Свесился с полки; внизу обнаружилась еще одна. Где-то снаружи равномерно гудел мощный двигатель.

«Ни хрена это не лимузин», — подумал Геральт, потихоньку спускаясь на пол.

Более всего помещение походило на кунг большого грузовика; вдоль одного борта — полки в два этажа, застеленные походными клетчатыми одеялами; вдоль второго — столы и стеллажи с технической и научной аппаратурой. У Геральта создалось впечатление, что аппаратура явно имеет отношение к радиосвязи. В передней стене кунга — овальная дверца, скорее всего в кабину водителя. У задней стены, в закутке за полками, новомодный химический туалет.

Геральт хмыкнул. Последнее открытие было очень кстати, ибо выпитое вчера пиво неистово рвалось на свободу.

Кабинка была тесная, там только и умещались унитаз да узкая хромированная раковина с хромированным краном. Когда Геральт, заодно и умывшись, вернулся в кунг, его встречали.

Два эльфа, Иланд и еще один. От Иланда второй отличался только одеждой да еле заметным шрамом на переносице. О возрасте его, разумеется, внятно отозваться было чрезвычайно трудно. Не оставляло сомнений лишь одно: эльф не из молодых, ему явно больше полутысячи лет.

— Проспался? — сухо спросил Иланд.

— Да. Спасибо.

— Твой рюкзачок и твое ружье вот здесь. — Он потянул на себя ящик одного из столов. В ящике и впрямь обнаружился выцветший шмотник ведьмака и его верная помпуха. А больше у Геральта ничего своего и не было — разве что несколько счетов в нескольких банках Большого Киева.

— Где мы сейчас?

— Около Винницы. Можно выйти и отведать твоих любимых сичеников. Только сегодня я рекомендовал бы тебе воздержаться от пива.

— От пива воздержусь. Я все-таки ведьмак, — пообещал Геральт. — А в плане еды мне сейчас милее мясная солянка. Вот ее бы выхлебал целую миску.

— Хорошо.

Иланд повернулся к своему молчаливому соредичу и распорядился:

— Скажи Эранвальду, чтоб остановился у какой-нибудь закуской.

От внимания Геральта не ускользнуло, что Иланд обращается ко второму эльфу не как старший, а как равный. Так что его распоряжение скорее походило не на приказ, а на просьбу.

Эльф со шрамом ушел в кабину, а Иланд снова обратился к Геральту:

— Если хочешь еще поваляться — эта полка твоя. Удобствами, я вижу, ты уже выучился пользоваться. Свет, если

нужно, включается здесь. Откидные сиденья — вот. Что еще тебе может понадобиться?

— Выход в Сеть, наверное? — задумчиво предположил Геральт. — И источник техники для ноутбука, а то мой переносной что-то подыссяк.

Иланд переключил несколько тумблеров на ближайшей панели и откинул плоскую заглушку. Все необходимые разъемы на тонких, самопроизвольно втягивающихся внутрь панели шнурах ведьмак разглядел тут же.

— Хороший у вас лимузин, — похвалил Геральт. — Жаль, только бара нет.

— Бар есть, — сухо отозвался Иланд. — Но кое-кто, помнится, обещал воздержаться от пива.

— Но от минералки-то я воздерживаться не обещал! Или у вас в баре нет минералки?

— Есть минералка. Даже несколько сортов. Пойдем выберешь.

В этот самый момент «лимузин» сбросил скорость; ведьмак с эльфом были вынуждены схватиться за поручни, благоразумно прикрепленные к прозрачному потолку.

— Кажется, закусочная, — сказал эльф. — Там и попьешь минералки. Пошли.

Овальная дверь действительно вела в кабину — просторную и удобную. Слева в кабине располагалось место водителя, справа — сдвоенный диванчик для пассажиров. В данный момент сиденье диванчика было поднято, а пассажирская дверь открыта. Эльфы уже выбрались наружу.

Геральт тоже покинул кабину, с удовольствием ступив на твердую землю. Обернулся и поглядел, как выглядит снаружи «лимузин».

Выглядел тот что надо — камуфлированный грузовик, больше похожий на автобус, только без окон. Но при про-

зрачном потолке окна действительно не нужны нигде, кроме кабины.

Закусочная тоже оказалась под стать — современная, дальше некуда. Верно, выросла совсем недавно. И готовили в ней неплохо. Во всяком случае, Геральт долго колебался: взять вторую порцию солянки или не брать. Эльфы есть не стали, выпили только по рюмке какого-то своего пойла из купленной из-под прилавка клетчатой фляжки и принялись сосредоточенно дымить длинными коричневыми сигарами с короткими пластиковыми мундштуками.

Когда Геральт все же решил не брать еще солянки и молча встал, эльфы оставались неподвижными чуть ли не минуту. Но в итоге поднялись и потянулись к выходу, совершенно не обращая внимания, что ведьмак направился к прилавку.

Ведьмак не искал ничего особенного, просто лениво осмотрел витрину, встретился взглядом с барменом, в котором явно текла кровь виргов, и ушел вслед за эльфами.

Водитель Эранвальд — молодой, кстати, эльф, еще без Антарктиды во взгляде — уже сидел за рулем. Иланд и второй, чьего имени Геральт до сих пор не знал, переминались с ноги на ногу у распахнутой двери грузовика. Отчего-то грузовик с распахнутой дверью показался ведьмаку похожим на грузную, давно утратившую способность к полету птицу, тоскливо оттопырившую крыло.

Не дожидаясь приглашения, Геральт вскочил на подножку и скользнул в кунг. Почти сразу же «лимузин» тронулся, равномерно набирая скорость.

Иланд заглянул в кунг — ведьмак как раз добывал из шмотника потрепанный долгими путешествиями, но отнюдь не потерявший надежности спецноутбук. Эту верную и преданную научную машинку ему вручили в Арзамасе-16, в ведьмачьей школе, откуда либо выходят хладнокровными и расчетливыми убийцами чудовищ, либо не выходят вовсе.

Задумчиво кивнув головой, Иланд захлопнул дверцу и Геральт остался предоставленным самому себе.

Неторопливо подключая разъемы, одновременно он поглаживал ноутбук, словно уговаривал в который раз помочь. Помочь одиночке и скитальцу, не знающему ни любви, ни жалости. Одному из самых независимых живых созданий во всей укутанной мегаполисами Евразии.

Загрузилась система, как по маслу прошла процедура входа в Сеть. Геральт влез на ведьмачий сервер и застыл перед открывшимся окошком справочно-поисковой системы.

«Что мне нужно-то? — подумал он, сосредоточиваясь. — Попробуем-ка это...»

И он ввел: «Radio».

А потом нажал на «Поиск».

Естественно, поисковик вывалил необъятную тучу ссылок, даже после фильтрации результатов особыми скриптами ведьмачьего сервера. Испустив тяжкий вздох, Геральт принялся методично вводить уточнения, а потом перебирать оставшиеся ссылки в надежде выудить из Сети что-нибудь полезное, что-либо могущее пригодиться в нынешнем найме.

Ведьмак — это не только монстр, забрасывающий гранатами осатаневший бульдозер. Не только воин, палящий из ружья в озверевший механизм или отслеживающий боевого Рипаэспера. Ведьмак — это еще и долгие часы перед экраном ноутбука, это бесконечные блуждания в Сети. Это покрасневшие от недосыпа глаза и мозоль на указательном пальце, та самая мозоль, что елозит по серому прямоугольничку тачпеда и влечет по экрану шустрый мышинный курсор.

Но главное, ведьмак — это знание и умение найти все необходимое для выполнения работы, за которую уже получены деньги. Ведь ведьмаки никогда не подводят. Они или выполняют работу, или гибнут.

* * *

У Халланарда взгляд был совершенно не ледяной — напротив, тусклый какой-то, словно подернутый дымкой. Смотреть старому эльфу в глаза не хотелось ни капельки, поэтому Геральт, откинувшись на спинку резного стула, рассеянно изучал расписные стены.

— Двадцать пять тысяч? Хм... — Эльф пошамкал губами, совсем как человеческие старики, хотя лицо его до сих пор не знало ни единой морщинки. — Неплохие деньги! На них можно долго жить.

— Можно, — согласился Геральт.

— Но ведь можно и умереть, отработывая их.

— Что ж. — Геральт пожал плечами. — Тогда Арзамасу-16 достанется весь мой гонорар, а не обычный процент.

— А какой процент ведьмаки платят Арзамасу-16? — поинтересовался эльф.

Геральт едва заметно обозначил улыбку, собрался с силами и все-таки взглянул эльфу в глаза — как в бездну.

— Вы ведь прекрасно знаете, почтенный Халланард. Наверняка вы успели забыть в несколько раз больше, чем все присутствующие здесь когда-либо знали. Разве не так?

Эльф как будто оцепенел; потом неохотно склонил голову набок:

— Мне действительно известен процент отчислений каждого ведьмака Арзамасу-16.

— Тогда зачем спрашивать?

— Должен же я тебя проверить?

— Проверить? Зачем? Если вы не доверяете мне, не имейте со мной дела. А если доверяете — к чему ненужные вопросы?

— Мне интересны твои мотивы, ведьмак. Ваш брат всегда отличался от обычных людей.

— Конечно. Ведь мы мутанты. Все как один. Иначе мы не смогли бы ведьмачить.

Эльф снова на некоторое время оцепенел. Потом задумчиво, обращаясь куда-то в пустоту огромного зала, произнес:

— Пятьдесят процентов! Половина того, что тебе платят за риск! Ответь, ведьмак, зачем ты отдаешь эти деньги тем, кто сделал из тебя чудовище?

— Ты уверен, что хочешь знать это?

— Уверен.

— Затем, чтобы такие, как ты, могли послать на смерть вместо себя таких, как я. И мне не кажется чрезмерным отчисляемый процент.

— И ты послушно идешь на смерть? Ради денег? Ради половины гонорара?

— Иду.

— Но почему? Почему, скажи на милость?

— Потому что именно за пятьдесят процентов от доходов всех, кто шел на смерть до меня, ведьмака Геральта научили оставаться живым, идя на смерть.

— Ты боишься смерти?

— Все боятся смерти.

— И тем не менее берешься за работу, где шансы на успех зачастую бывают довольно призрачными?

— Берусь. Это моя работа.

— Но ведь ты боишься смерти. Я не понимаю тебя.

— Почтенный Халланард... Возможно, в силу своего возраста, несравнимого с возрастом даже какого-нибудь захудалого орка, я просто не успеваю осознать сформулированное вами противоречие. В Арзамасе-16 меня не учили не бояться смерти. Поэтому я боюсь. Но меня научили выживать. Я ведь уже говорил. Поэтому я иду на смерть, выживаю, но при этом все время боюсь смерти. Где здесь противоречие? Я не вижу.

— Если не ходить на смерть, нечего будет бояться.

— Если не ходить на смерть, нечего будет есть. Мне и тем, кто еще только учится быть ведьмаком.

— Хорошо! — Эльф порывисто хлопнул по столу холевой ладонью. — Вот контракт. Погляди, есть ли у тебя претензии к каждому из пунктов.

Геральт двумя пальцами принял распечатку на тончайшей гербовой бумаге и углубился в чтение.

— Претензий нет, почтенный Халланард, — объявил он спустя какое-то время. — Но есть два замечания. Например, формулировка «в приемлемые сроки» кажется мне расплывчатой. Приемлемые кем сроки? Вами? Я могу не дожить, для меня время течет иначе. И вот еще: «любимым доступным способом предотвратить дальнейшие смерти...» и так далее. Не боитесь ли вы такой формулировки? А если я взорву к чертям собачьим замок вместе с его тайной? Формально я буду прав. Но останетесь ли довольны вы?

— Ты не сделаешь этого, — тихо сказал Халланард. — Ни один ведьмак не причинит вреда городу, который принял его.

Эльф вдруг вскинул голову и с характерным каноническим пришептыванием процитировал:

— Ибо хрупко равновесие городов, и, разрушив дом, возможно погубить весь район, а погубив район, возможно обратить в развалины весь город. Помни о Карфагене...

Взгляд эльфа снова потускнел, голос стал тише, а пришептывание растворилось в обычном для эльфов смягчении согласных.

— Вы только называетесь истребителями чудовищ. На деле — вы сами чудовища, чудовища-санитары. Поэтому я не боюсь второй формулировки. А что до первой — сформулирую сам, как считаешь нужным.

Геральт задумался, а потом предложил:

— А давайте пункт о сроках вообще вымараем. Не думаю, что вы заподозрите меня в желании остаток дней провести в этой дыре...

— Вымарываем, — коротко согласился Халланард, а через какую-то минуту Геральту уже подали новую распечатку.

Бегло проглядев ее, ведьмак удовлетворенно кашлянул:

— Кхе-кхе... Вот теперь все как нельзя лучше. Подписывайте, почтенный Халланард.

Эльф, на миг застыв со стильной чернильной ручкой в тонких пальцах, размашисто подписал контракт. Встал со стула и Геральт, оперся о столешницу локтем левой руки и тоже расписался.

Теперь он официально был нанят на работу.

— Как ты предпочитаешь получить плату, ведьмак? Наличными? Переводом?

— Лучше переводом. Что-то неохота мне таскать столько наличности в шмотнике так далеко от Центра... А назад вы меня, понятно, доставлять не собираетесь.

— Эранвальд! Подготовь машину! Мы едем в банк, в Черновцы, — велел Халланард молоденькому эльфу-шоферу. И повернулся к Геральту: — Это не займет много времени. Как, надеюсь, не займет много времени твоя работа.

— И я надеюсь, почтенный Халланард, — совершенно искренне заверил ведьмак.

И действительно, в банк и назад смотались за каких-то полтора часа. Геральт проконтролировал, как на один из его счетов в «Гномиш Кредитинвест» капнуло ровно двадцать пять тысяч гривен, и успокоился окончательно.

Не привык он, что эльфы так спокойно платят огромные деньги за такую необычную и неопределенную работу.

Сначала Геральт вторично, с изнурительными подробностями, выслушал историю неудачных попыток проникно-

вения в замок. Эльфы проявили в этом недюжинную изобретательность: пытались добраться до башни и через центральный вход, и через несколько малых, и в окна, и даже высадиться непосредственно в башенку из вертолета. Бесполезно. Окна они даже не сумели вскрыть; вертолет, едва приблизившись к замку, впал в непонятное оцепенение и рухнул вместе с орками-добровольцами в близлежащий парк. Малый вход в левом крыле удалось вскрыть без проблем, но двое сорвиголов из ближайшего квартала, которые туда сунулись, попросту не вернулись.

Терпеливо, метр за метром, шаг за шагом, эльфы и их недалекие помощники из местных, привлеченные блеском солидной награды, вылизывали каждый из семи коридоров, что ответвлялись от холла у центрального входа. Тщетно. Добровольцы гибли, причем даже не всегда понятно от чего. Ни один из коридоров не оставался прямым больше двух десятков метров. Исследователь скрывался из виду, а потом доносился истощный крик, иногда — шум, и все. А иногда ни крика, ни шума. Доброволец просто исчезал без следа.

Время от времени по ночам в окнах верхних этажей мерцали огни, тусклые и неверные, ничего общего не имеющие с обычными лампами или лампами дневного света. Скорее это напоминало мертвенное свечение гнилушек в глуши заброшенных парков. Именно в такие ночи радиоприемник Халланарда взрывался звуками дикой передачи. Геральт прослушал записи — передачи и в самом деле казались дикими. Ни намека на связный текст — всхлипывание какое-то, бормотание, шепот. Да и на голос, если честно, передачи не всегда походили, скорее на какофонический опус какого-нибудь менестреля-авангардиста, не брезгующего ни скрипом несмазанных петель, ни мямом возмущенного кота, которому ненароком оттоптали хвост.

Полторы тысячи лет занятий дикими радиосигналами явно не прошли для Халланарда даром. Эльф регистрировал и мощность случайных передач, всякий раз иную — от нескольких ватт до шести с небольшим киловатт. Первый сигнал вряд ли можно было засечь уже за десяток километров, второй без труда ловился даже на восточных окраинах Большого Урала. Пытался эльф и пеленговать сигналы, для чего организовал в округе три точки радионаблюдения. Источником передач можно было с уверенностью считать условную сферу десятиметрового диаметра, в центре которой располагалось основание шпиля башенки. Геральт лично просмотрел несколько пеленгов, благо по пути сюда основательно проштудировал материалы с ведьмачьего сайта. Ошибок в расчетах он не обнаружил.

Единственное, чего не показал Геральту Халланард, — это раскодированные передачи с координатами некоторых мест в пределах Большого Киева. Что это были за места — Геральт на всякий случай даже спрашивать не стал. Но упоминание о них, невзначай оброненное Иландом, ведьмак до поры спрятал в памяти. Тем более что Халланард искусно и ненавязчиво столкнул Иланда со скользкой темы и заговорил совсем о другом. Естественно, Геральт не подал виду, что обратил внимание на неосторожные слова Иланда. Но запомнить — запомнил.

В конце концов, устремлениями таких, как старый эльф, искателей руководит страсть к чему-либо — власти, наживе или знанию. Халланард не походил на фанатичного приверженца чистого знания. А значит, он чего-то хотел от этого мира. И пытался добиться этого путем разгадки тайны диких радиосигналов. Заблудившихся передач.

Передачи, однажды зафиксированные, продолжали блуждать в эфире годами. Халланард аккуратно засекал их периодичность, вычислял затухание, пытался даже пеленговать источники эха, но никакого упорядоченного вывода на ос-

новании полученных данных сделать все равно не сумел. Он скармливал десятки килобайт наблюдений компьютеру, но и тот не смог свести все это хоть в какую-нибудь систему.

В общем, надежды Геральта разрешить проблему кабинетно-аналитическим методом не оправдались. По правде говоря, за всю его недолгую пока карьеру ведьмака ни одна проблема не разрешилась кабинетно-аналитическим методом, но Геральт все надеялся, что когда-нибудь такое произойдет.

Но не сейчас. На этот раз придется все же лезть в загадочный и — чего там говорить? — вполне зловещий покинутый замок. Геральт заранее настроил себя на паутину по углам, на летучих мышей и заржавленные цепи на стенах. На пыль и ветхие гобелены. На непредусмотренные опасности и опасности, заведомо известные, такие как неожиданно выскакивающие из стен металлические прутья или подвал, полный крыс, куда сбрасывают хитроумно сработанные на опрокидывание каменные плиты в полу.

Возможно, Халланард ждал, что ведьмак просто навесит на себя спецснаряжение из рюкзачка, возьмет ружье и очертя голову попрется в замок. Возможно. Но Геральта в Арзамасе-16 не зря учили ВЫЖИВАТЬ при любых обстоятельствах. Выживает лишь тот, кто осторожен, как сталкер в Зоне. Кто лишнего движения не сделает, если не уверен, что оно не приведет к смерти.

Поэтому весь оставшийся день Геральт бродил вокруг замка по замшелым камням, по давно не стриженным лужайкам, прислушивался, принюхивался и думал.

Думал.

— Будь осторожен, ведьмак, — напутствовал его Халланард.

— Спасибо, — ответил Геральт и подумал: «Осторожен... Нет, я сейчас, насвистывая, попрусь в самое пекло...»

Перед выходом он проглотил несколько таблеток-стимуляторов, и сейчас в крови бушевал настоящий химический смерч. Каждый звук, каждое движение, улавливаемое глазами, приобрели ни с чем не сравнимую отчетливость. Мир стал непривычно ярким и неторопливым, в каждое мгновение Геральт теперь мог уместить массу поступков и мыслей.

Он проверил, легко ли выскакивает из боевого чехла ружье, на месте ли нож, не мешает ли чего. Ничего не мешало. Нож был на месте. Ружье исправно прыгало в руку.

Последнее — шнурки. Однажды у Геральта в самый неподходящий момент распустился небрежно завязанный шнурок, и ведьмак проклял все на свете, потому что спотыкаться тогда ему было никак нельзя.

Все. Пора.

Провожаемый взглядами двух десятков эльфов, Геральт размеренно и — как ему казалось — медленно зашагал по гравиевой дорожке к замку.

Он уже заходил сегодня в холл — утром, вместе с Иландом и Эранвальдом. Геральт надеялся, что ведьмачье чутье что-нибудь ему подскажет, — но тщетно. Замок казался мертвым, никаких механических чудовищ, никаких научных сюрпризов или ловушек. Он не ощутил НИЧЕГО, хотя обычно чувствовал враждебную технику сразу. Особенно под стимуляторами.

Семь дорог к смерти. Семь коридоров, каждый из которых уже собрал кровавую жатву.

Эльфы в холл не вошли. Остались сидеть на лужайке перед замком, время от времени вскидывая головы и провожая взглядами скользящие над башенкой белоснежные облачные горы. Изредка эльфы пускали по кругу небольшую фляжечку, из которой каждый отхлебывал по глотку. И — еще реже — кто-нибудь из круга косился на виднеющийся вдалеке флигель, который избрал своей резиденцией Халла-

нард. На взгляд до флигеля было километра четыре; от замка его отделяла плоская, едва заросшая зданиями и деревьями низина.

Ведьмак вывалился из холла спустя четыре с половиной часа; за это время никто из ожидавших не проронил ни слова. С виду ведьмак выглядел целым, только слегка помятым. Пояс с патронташем сбился набок, правый рукав джинсовой куртки был оборван чуть ниже локтя. На щеке багровел и наливался густой чернотой овальный кровоподтек.

Сделав несколько шагов, ведьмак рухнул на колени, а затем повалился на спину, неловко подогнув ноги. Как по команде, эльфы вскочили и бегом кинулись к нему.

— Пить... — прохрипел ведьмак; Иланд без колебаний протянул ему ту самую фляжечку.

Геральт с видимым усилием сел, принял фляжечку и приложился к узкому горлышку, но тотчас захрипел и закашлялся.

— А, мать вашу! Я же просил пить, а не выпить!

Эранвальд мягкими стелющимися прыжками понесся к вишневому «Черкассам», на которых ведьмака привезли к замку. Вернулся Эранвальд с двумя бутылками местной минералки.

Геральт выхлебал обе, жадно, проливая солоноватые капли на подбородок и грудь.

— Фу!!! Ну и задачки у вас, господа долгожители!

— Ты дошел до верха? — жестко спросил Иланд.

Ведьмак вытряс в рот последние капли и с сожалением взглянул на пустую бутылку.

— Дошел, — вздохнул он. — И до верха дошел, и назад. Хоть это и было чертовски трудно.

— Поехали к боссу! — Иланд взял было его за рукав, для чего пришлось нагнуться.

— Погоди, Иланд. У меня есть к тебе пара вопросов.

Ведьмак оживал буквально на глазах. Сначала он сел, глядя на сгрудившихся вокруг эльфов, и так живых немало-го роста, снизу вверх. Потом с некоторым усилием привстал, опираясь на свое могучее ружье. Даже теперь он был на голову ниже самого невысокого из эльфов.

— Sattae, Seidhe! — сказал Иланд своим. — Unn heda pas conalta bitae...

Все, кроме Эранвальда и самого Иланда, послушно развернулись и направились к дороге, что убегала от замка к флигелю.

— Пойдем в машину, — предложил Иланд.

— Пойдем, — не стал возражать ведьмак.

Перед тем как сесть на ухоженную обивку сиденья, он даже попытался очистить испачканную одежду. Впрочем, делал он это вяло и неохотно.

— Садись, — велел ему Иланд. — Сиденье есть кому вычистить.

Геральт сложился чуть ли не пополам и втиснулся на заднее сиденье. Иланд примостился рядом; несмотря на то что он был выше ведьмака, эльф устроился в машине с куда большим изяществом и грацией.

Эранвальд сел за руль.

— Скажи, Иланд... Только говори, пожалуйста, правду, от этого напрямую зависит то, что я для вас делаю. Ты и остальные эльфы — вы помогаете Халланарду добровольно? Или по принуждению?

Иланд не нахмурился — он просто помрачнел взглядом, словно солнечный с утра день, на который напозднили невесть откуда взявшиеся грозовые тучи.

— Почему ты об этом спрашиваешь, ведьмак?

Геральт запрокинул голову, шмыгнул носом и устало прикрыл глаза.

— Я хочу понять — зачем вы помогаете ему выяснить незарегистрированный источник радиосигналов? Каков в этом ваш интерес?

По тому, как эльф вдруг отвел взгляд, Геральт понял, что попал в самую точку.

— Это как-то связано с отношениями между эльфами? — настаивал ведьмак. — Я слышал, у вас есть какой-то формальный приказ старшего более молодому. И что старшего слушаться нельзя. Это так? Халланард призвал вас этим приказом?

— Да, — глухо сказал Иланд. — Халланард — наш отец. И мой, и Эранвальда, и всех присутствующих здесь эльфов.

Ведьмак, готовый задать следующий вопрос, проглотил фразу. Пару секунд он сидел с приоткрытым ртом. Потом сказал:

— Ух ты...

И снова умолк.

— У эльфов отношения между родителями и детьми совсем не такие, как у вас, короткоживущих. — Иланд говорил неохотно, но почему-то говорил. — У вас это просто опека более опытного над зеленым и несмышленым. Халланард, конечно, опытнее любого из нас. Но мне тоже не двести лет, я успел повидать немало. В общем, по нашим обычаям нельзя слушаться кровного отца. Даже если он пошлет тебя под колеса дикого грузовика на скоростной трассе.

— Ты знаешь, чем занимается твой отец на самом деле?

— Догадываюсь.

— И чем же?

Иланд долго молчал. Потом сухо приказал молодому эльфу:

— Эранвальд! Иди пешком. Мы тебя нагоним, я сяду за руль.

Молодой эльф безропотно подчинился — без тени недовольства или досады. Просто вышел из машины, захлопнул дверцу и размеренно зашагал прочь.

— Он тоже обязан тебе подчиняться? — поинтересовался ведьмак у эльфа. — Как младший брат старшему?

— Эранвальд — мой сын, — сообщил Иланд, кажется, он уже взял себя в руки. Снова установил полный контроль над эмоциями.

— Не понял, — удивился Геральт. — Ты же говорил, что здесь все сыновья Халланарда?

Иланд вяло пожал плечами:

— Ну говорил, и что? Так все и есть. Какая разница? Кровь Халланарда через меня передалась Эранвальду. Вы, люди, назвали бы Халланарда дедом Эранвальда. Эльфы называют его отцом. Если на то пошло, то я тоже не прямой сын Халланарда, а сын его сына.

— Тогда Халланард Эранвальду не дед, а прадед, — проворчал Геральт. — Ладно, я понял. Стало быть, приказ прямого кровного родственника для вас закон?

— Не приказ, — поправил Иланд. — Призыв. Если отец призывает сына, сын приходит. Вообще-то слово «призыв» тоже неточное, но в вашем языке нет понятия точнее. По-эльфийски этот призыв называется «taimas».

— И пока Халланард вас не отпустит, вы будете безропотно служить ему?

— Да.

— И лезть в этот треклятый напичканный смертью замок?

— Да.

— И не отступитесь?

— Нет. Собратья нас не поймут, если мы нарушим taimas.

— Спасибо, это все, что я хотел узнать. Впрочем, нет, не все. Ты что-то хотел мне поведать о планах Халланарда. Или это нарушение taimas?

Тень снова легла на лицо эльфа. Ведьмак понял, что Иланд заставляет себя говорить с усилием, словно переступая через некую запретную черту.

— Халланард расшифровал несколько заблудившихся передач. Точнее, сумел их составить в нужной последовательности и раскодировать часть большого сообщения. Насколько я могу судить, в этом сообщении идет речь о каких-то фундаментальных научных формулах устройства нашего мира.

— То есть, в конечном итоге, Халланард стремится ко власти и могуществу, — заключил ведьмак.

Иланд саркастически улыбнулся:

— А разве в этом мире есть что-либо еще, к чему стоит стремиться?

— Ты прав, — покачал головой Геральт. — Ты прав, долгожитель. Даже я это понимаю. Что ж, поехали...

Иланд перебрался за руль, и «Черкаassy» охотно рванули по гладкому, вылизанному ветрами асфальту. Геральт задумчиво наблюдал, как уменьшается в зеркале заднего вида злополучный, напичканный настоящей смертью замок.

Эранвальд не успел уйти далеко. Да и остальных эльфов, бредущих по дороге, они обогнали. Хотя в машине еще оставалось два места, Иланд не стал никого подбирать.

У флигеля возился одинокий эльф, сын Халланарда или прапраправнук — поди разбери? Выглядел он таким же молодым, как и Эранвальд, только взгляд был пожестче. Значит, старше Эранвальда.

Халланард пребывал в большом зале флигеля, у окна, нервно вертя в руках изящную чернильную ручку, явно завезенную в Киев из Большого Парижа. Старый эльф мазнул по ведьмаку молниеносным взглядом и снова отвернулся к окну, куда глядел, похоже, уже довольно долго. На фоне предзакатного неба чеканно выделялась башня со шпилем. Даже окно башни можно было без труда рассмотреть — окно, откуда Геральт недавно взглянул на окрестный мир.

— Итак, ведьмак? — не оборачиваясь спросил Халланард. — Ты поднялся в башню?

— Да, почтенный Халланард. Я поднялся в башню. Но, боюсь, мне нечем вас обрадовать. Я не увидел там ничего такого, что могло бы существенно повлиять на ваше стремление добраться до тайны случайных радиопередач.

Старый эльф порывисто обернулся и в упор взглянул на Геральта.

— Вот как?

И ненадолго задумался.

— В таком случае, ты должен научить меня или любого из моих живых добираться до башенки живым. И, разумеется, возвращаться живым, как сумел это сделать ты.

Геральт остался таким же невозмутимым.

— Боюсь, почтенный Халланард, что это также не представляется возможным.

— Интересно, почему?

— Потому, почтенный Халланард, — смиренно объяснил ведьмак, — что мне не нужна тайна этого замка. Точнее, неинтересна. Поэтому я и сумел выжить там. Ну и еще благодаря кое-каким специфическим навыкам. Но смею вас заверить: на одних навыках я бы не выжил. Ключ как раз в том, что я шел не за тайной.

— А за чем же я тебя посылал? — удивился Халланард. — Если я все правильно понимаю, во-он там на столе лежит контракт. Согласно которому ты обязуешься решить нашу проблему и предотвратить смерть моих сородичей на территории замка.

— Совершенно верно, почтенный. Я именно хочу предотвратить смерть ваших сородичей. И посему советую вам: уезжайте отсюда. Забудьте об этом замке, а заодно и о проблеме заблудившихся радиопередач. То, что составляет их основу, — это слишком опасное знание даже для вас. И уж тем более опасен будет обладатель этого знания, тем более что это эльф, проживший не знаю даже сколько тысяч лет.

— И кому же будет опасен обладатель этого знания? — не скрывая иронии, поинтересовался Халланард.

— Большому Киеву, — ничуть не смущаясь, ответил Геральт. — А возможно, и всей Евразии.

Иланд и Эранвальд с самого начала разговора безмолвно стояли у закрытых дверей зала.

Халланард язвительно улыбнулся:

— Я вижу, ты основательно подготовился, ведьмак. Ты даже выяснил кое-что такое, что я не открыл даже своему старшему сыну — Иланду. Но неужели ты всерьез думаешь, что я отступлю?

— Нет, — все так же невозмутимо ответил Геральт. — Я так не думаю. Но я обязан был предложить вам отступить и уехать.

Халланард сделал шаг вперед и заговорил; в каждом звуке его голоса звенел металл; этому голосу невозможно было не внять... Но все дело было в том, что обращался старый эльф не к кому-нибудь, а к ведьмаку.

— Итак, ведьмак... Что же у нас получается? Я уже говорил, во-он на столе лежит контракт. С твоей подписью. Ты отказался сообщить интересующие меня сведения. Стоит мне сейчас послать Эранвальда или Годфройда, или любого из эльфов в замок... Тот, кого я пошлю, пойдет, можешь не сомневаться. И гарантированно не вернется. После этого я смело могу сообщить обо всем в Арзамас-16. Как ты думаешь, сколько тебе после этого останется жить, а, ведьмак? Как быстро тебя отыщут и прикончат твои верные ведьмачьим законам коллеги? Тебя, отступника, подписавшего контракт, взявшего плату и не выполнившего взятые на себя обязательства?

— Почтенный Халланард, — терпеливо произнес Геральт. — Я вынужден напомнить, что ваши изыскания несут прямую угрозу близлежащим районам. А значит — всему Большому Киеву.

— В тебе заговорил санитар? — Халланард азартно потер ладонь о ладонь; Геральт машинально отметил, что не отследил момента, когда и куда эльф спрятал ручку, которую до этого вертел в руках. — Отлично! Давай, ведьмак, разорвись между долгом и честью! Послушаешь меня — предашь город. Не слушаешь меня — предашь ведьмачий кодекс. Мне крайне интересно, что ты выберешь. Кстати, напоминаю: контракт заверен в нотариальной конторе «Селемеш и сыновья», так что ты можешь, если угодно, рвануться к столу и изорвать лежащие там документы на клочки. Это ничего не изменит.

— Надо ли понимать, почтенный Халланард, что вы не откажетесь от исследований замка, откуда я только что вернулся?

— Разумеется, не откажусь, — фыркнул Халланард.

— В таком случае, — вздохнул ведьмак, — мне придется с честью исполнить свой долг.

Неуловимым движением он вскинул ружье и выстрелил. В Халланарда.

Эльфа швырнуло на спину и протащило по полу добрых два метра — ружье у ведьмака было просто чудовищной убойной мощи. Но старый эльф еще долгую секунду жалобно глядел на Геральта, на хлещущую из груди на пол кровь; у него достало сил поднять голову и удерживать ее на весу все это время, а глаза наполнились непониманием и обидой.

А потом Халланард уронил голову на пол и умер.

Геральт навел ружье на Иланда, с ужасом взирающего на мертвого предка.

— Надеюсь, ты не станешь посылать своих... своих сыновей в замок?

Иланд перевел безумный взгляд с тела Халланарда на черный, как ночь, провал ствола ведьмачьей помповухи.

— Не стану, — прошептал Иланд.

— Вот и отлично. Это означает, что в замке никто больше не погибнет. Я хорошо помню все пункты контракта,

Иланд. Я точно знаю, что выполнил все на меня возложенное и ни на йоту не нарушил ни один из пунктов. Мне жаль, что пришлось прибегнуть к крайнему методу из возможных... Но, видит жизнь, я предлагал твоему предку забыть обо всех нелегальных радиопередачах. Теперь я рекомендую забыть о них тебе. И твоим родичам.

Ведьмак твердой походкой пересек зал и подобрал с дивана свой верный рюкзачок-шмотник.

— Вы свободны от *taimas*, Иланд. Ваш безумный отец больше никого не пошлет на смерть. А это значит, что я могу уходить. И я ухожу, Иланд.

Геральт приблизился к остолбеневшим эльфам, плечом отодвинул с дороги Эранвальда и взялся за ручку двери.

— Ведьмак, — глухо сказал ему в спину Иланд. — Я клянусь не лезть в замок. Я клянусь, что не стану изучать радиопередачи. Но скажи все-таки — что ты видел там, в башенке?

Ведьмак медленно обернулся. Взглянул эльфу в глаза.

— Я живу мало, — промолвил Геральт задумчиво. — И я унесу эту тайну в могилу. Довольно быстро по твоим меркам, долгожитель. И, пожалуйста, больше ничего не спрашивай у меня.

Иланд больше ничего не спросил. Но вопрос эльфа вертелся на уме у Геральта все время, пока Геральт шагал к трассе, и позже, когда голосовал. И лишь когда его подобрал веселый розовощекий гном-дальнобойщик, водитель прирученного трейлера-«Кенсуорта», Геральт осмелился ответить на этот вопрос. Разумеется, мысленно.

«Что было в той башенке? Да ничего. Ровным счетом ничего. Только пыль и дохлые пауки. И это лишний раз доказывает, что я поступил правильно».

«Кенсуорт» мчал навстречу наползающей на Большой Киев ночи, а у розовощекого гнома оказалось полно пива в бортовом холодильнике. Темного пива.

Геральт очень любил темное пиво.

Вопрос цены

— Эй, ведьмак! Вставай! Тут пришли...

Геральт поднял тяжелую со сна голову и попытался разлепить веки.

Не получилось.

— М-м-м... — сказал он. — М-м-му...

Его нетерпеливо потрепали по плечу.

— Вставай, ведьмак!

Пришлось собраться. Постель еще звала, манила теплом и уютом, сладкая муть заволакивала сознание. Но он уже впустил в голову холодную, как порыв февральского ветра, пробудительную струю.

Сон сняло как рукой. Конечно, он поспал бы еще некоторое время, если бы представилась возможность. Но возможность, похоже, не представилась.

Геральт открыл глаза, откинул одеяло в сторону и сел на постели.

Редко когда ему доводилось спать на настоящей постели — чистой, с хрусткими накрахмаленными простынями, с подушкой, накачанной воздухом. Чаще выпадало коротать ночь жизнь знает где — в заброшенных зданиях, прямо на грязном дощатом или, хуже того, — цементном полу, в компании нахальных отожравшихся крыс. На мрачных автомобильных свалках-

кладбищах. В бетонных джунглях завода, в пропитанных запахами контактной сварки цехах, посреди металлического скрежета и снопов ослепительно желтых искр, в самом сердце таинственных процессов, результатом которых было рождение машин или какой-нибудь утвари.

Пути ведьмаков пролегают вдали от насиженных мест. И когда удастся заночевать в роскоши отеля или комнаты отдыха, никто из ведьмаков не спешит подниматься ни свет ни заря, всякий норовит понежиться до полудня.

Геральт взглянул на часы — десять двадцать семь — и наконец обратил внимание на разбудившего его паренька из obsługi, не то носильщика, не то уборщика.

«Надо же, — подумал ведьмак с удивлением. — Снова ко мне пришли. Сами. Не приходится бродить и скитаться в поисках работы. Не успел от прошлого дела отойти — и опять я кому-то нужен».

Неужели наступили светлые времена? В это хотелось верить — сильно хотелось. Но скептик, живущий в каждом из живых, не спешил верить в хорошее.

Геральт протяжно зевнул и небрежно осведомился:

— Ну, чего тебе?

Никогда нельзя показывать, что ты заинтересован в работе. Даже вот этому простодушному пареньку на побегушках — нельзя. Ведьмак должен быть бесстрастен, невозмутим и высок, запредельно высок, выше любых обыденных дрызг, которые порой так волнуют разношерстное киевское население.

— Собирайся. Хозяину понадобился номер... — сказал паренек.

— Номер? — несказанно удивился Геральт. — Но я же заплатил до полудня!

— Только что важный господин приехали... А номеров с удобствами нет. Хозяин велели тебя переселить в угловой.

Геральт упрямо насупился:

— Какого черта! У меня еще полтора часа!

Он собрался уже плюхнуться назад, в дышащую теплом утробу постели и блаженно вползти под одеяло, но тут дверь с грохотом отворилась и в номер втиснулся высоченный вирг — клыки наружу, костюмчик из салона на Крещатике. Следом ввалился еще более крупный мордоворот. В необъятной кожаной куртке, джинсах и тяжелых ботинках. Куртка аж лоснится. Не иначе, охранник.

— Ну, что тут? — громогласно спросил вирг, с отвращением глядя на полуголого ведьмака.

Мордоворот — тоже, разумеется, вирг — бесшумно опустил на пол тяжелый хозяйский чемодан, перехваченный дорогими ремнями. Следом за виргами в номер просочился и хозяин отеля — худой и гибкий, как глиста, метис. В его облике безошибочно угадывалась человеческая кровь, орочья и, похоже, редкая примесь ламиса.

— Не извольте беспокоиться, сударь! — тараторил хозяин. Похоже, он продолжал тираду, начатую еще в коридоре. — Момент! Сейчас ведьмака переселим, номер приберем и живите на здоровье!

Вирг вяло покосился на хозяина и снова стал глядеть на ведьмака.

— Ну, чего сидишь? — угрюмо пробасил охранник. — Приглашение нужно? Собирай свои манатки и проваливай.

В тоне охранника не прослеживалось ни тени угрозы или раздражения — обычное уверенное спокойствие живого, привычно делающего свою каждодневную работу.

— А в сортир мне зайти позволят? — справился Геральт миролюбиво.

— На коридоре зайдешь! — буркнул, как отрезал, вирг-хозяин.

Ведьмак утомленно вздохнул.

«Н-да. А я, дурак, размечтался. Работа, заказ... Светлые времена...»

Времена и не думали меняться.

Он встал; быстро, но без излишней спешки оделся. Рюкзачок свой походный по извечной привычке с вечера распаковывать не стал, даже зубную щетку с пастой вчера в ванной не оставил, с собой забрал и на привычное место сунул, в боковой вертикальный кармашек. Поэтому сборы ограничились лишь одеванием, обуванием да извлечением из-под кровати мощного помпового ружья. Рабочего ведьмачьего инструмента.

— Ключ? — потребовал вирг-хозяин, недовольно кривя губы.

— В дверях, — спокойно ответил Геральт.

Кажется, спокойствие ведьмака немного разозлило вирга. Не покорность, а именно спокойствие живого, уверенного в своей силе и своем праве, но почему-то решившего уступить чужому нахрапу.

Вирг обернулся — ключ с прицепленной грушевидной блямбой действительно пребывал в замке. Геральт с вечера даже не заперся, поэтому парнишка-служащий гостиницы смог беспрепятственно войти в номер.

— Свободен. — Вирг величаво повел рукой, словно выталкивая в коридор кого-то невидимого.

В номер уже впархивали тетеньки-горничные, кто с шваброй и веником, кто с ошалевшим от спешки пылесосом, кто со стопкой свежего белья в руках.

Геральт вышел в длинный прямой коридор, но свернул, вопреки ожиданиям сопровождающего паренька, не налево, к тупиковым дешевым номерам без удобств, а направо, к лестнице.

— Эй, ты куда? — удивился паренек, хватая ведьмака за рукав.

Геральт не ответил. Он единственным движением вывободился; молча, хищно и выверенно ступая через ступеньку, спустился на первый этаж, в холл, и приблизился к портье за низкой стойкой. Портье, прилизанный человек лет тридцати пяти, дежурно улыбнулся ему навстречу.

— Из двести шестого? — осведомился он вкрадчиво. — Вас ведь переселили в двести сорок второй. Ключ вон, у него.

Портье указал на парнишку.

— Я не буду переселяться на полтора часа, — пояснил Геральт. — Я ухожу.

— А! — Портье даже слегка обрадовался. — Тогда всего хорошего. Надеюсь, вам у нас понравилось.

— Нет, — возразил Геральт. — Не понравилось.

— Почему? — изумился портье.

— Потому что мне не дали поспать в оплаченном номере. Потому что меня выставили в коридор, как последнюю шваль. А вчера, кстати, с полтинника даже сдачи не дали, хотя номер стоил тридцать семь гривен.

— Ну, — портье несколько смешался, — так получилось. Приехал господин Фольксваген, а у нас как на грех ни единого свободного люкса...

— И поэтому нужно было выгонять меня?

— Ну а кого еще? В остальных живут гости с положением, с именами...

Портье, кажется, понял, что несет что-то не то, поэтому умолк, выжидательно уставившись на Геральта. Потом сунулся под стойку и выложил перед Геральтом четыре купюры — десятку и три по одной гривне.

— Вот сдача.

— Сдача? — удивился Геральт. — Ну уж нет! Давай назад мой полтинник.

Портье озадаченно захлопал глазами.

— Э-э-э... А, собственно, почему?

— Ну как? — принялся объяснять Геральт. — Вы мне предоставили номер. А потом отобрали его. Вот и я — прежде заплатил, а теперь отберу. Все честно.

— Но ведь вы переночевали! — Портье не желал соглашаться.

— Ну и что? — Ведьмак слегка повел плечами и качнул лысой татуированной головой. — Вчера заплатил. А сегодня решил, что за такой сервис грех платить. Ты радуйся, что я неустойки с вас не требую.

Портье от такой наглости окончательно растерялся.

— Неустойки? Ты спятил, ведьмак? Проваливай давай, пока я охрану не вызвал!!

Геральт во второй раз за это утро утомленно вздохнул, опустил ружье и рюкзачок на мраморный пол и вдруг резко вспрыгнул на стойку. По холеной роже портье он с удовольствием съездил ботинком. С размаху. Второй администратор, сидящий по соседству, потянулся было к кнопке тревоги, но ведьмак первым неуловимым движением извлек откуда-то из-под куртки узкий метательный нож, а следующим движением, столь же неуловимым, послал его в молниеносный полет. Тюкнув, нож вонзился в деревянную перегородку по соседству с кнопкой. Администратор резко отдернул руку и испуганно замер, поводя глазами.

В холле воцарилась обтекаемая тишина.

Геральт пнул кассовый ящик (тот звякнул и с готовностью распахнулся, видимо, не на шутку испугавшись ведьмака), отсчитал пятьдесят гривен десятками и снова перемахнул через стойку. Забросил рюкзачок за плечо, подобрал ружье.

На полу за стойкой стонал и размазывал по лицу кровь несчастный портье. Администратор с округлившимися глазами боялся пошевелиться, только часто-часто моргал.

— Нож-то верни, — миролюбиво попросил Геральт.

Тот суетливо выдернул нож из перегородки и опустил на стойку. Руки у него мелко тряслись.

— Я бы сказал вам спасибо за ночлег, — обратился Геральт к служащим гостиницы. — Но, сами понимаете, не в этот раз. Так что бывайте...

Он подмигнул и ровным шагом направился к выходу.

Уже на улице он оглянулся — не успевшие поселиться потенциальные гости горе-отеля вышли следом за ним и торопливо разбредались кто куда. Кто ко входу в метро, кто к троллейбусной остановке.

«А в сортир я так и не зашел», — мрачно подумал Геральт, подойдя к трассе и поднимая руку.

Желтая «Десна» с шашечками на дверях остановилась почти сразу.

— На базар, — велел Геральт, втиснувшись на переднее сиденье.

— На какой? — весело уточнил орк-таксист, в самом расцвете дядька. Было ему с виду лет двести — двести пятьдесят.

— Я пошутил. — Геральт слегка улыбнулся. — Мне на вокзал.

— На какой? — Орк ничуть не смутился и второй вопрос задал так же весело.

— К поездам...

— На Южный, что ли? — хмыкнул таксист.

— Извини, я в Харькове впервые. А приехал ночью на попутке из Луганска. Так что понятия не имею, откуда у вас поезда ходят.

— А куда ты собрался-то? — справился таксист, разворачиваясь и выруливая в левую полосу.

— На юг. Херсон, Одесса, Николаев. Куда-нибудь туда.

— Тогда точно на Южный, — удовлетворенно подытожил таксист. — С ветерком или как?

— Какой же живой не любит быстрой езды? — усмехнулся Геральт, подставляя лицо ветру, что рвался в открытое окно.

Усмехнулся он потому, что вспомнил слегка переиначенную поговорку днепровских моряков-речников. Те говорили: «Какой же живой не любит долететь до середины Днепра?» — и дружно ржали после этой фразы во все испытые и прокуренные матросские глотки.

Такси резво неслось по проспекту, втираясь между менее проворных автосородичей, гуляя из ряда в ряд, подрезая и подсекая менее расторопных. «Десна» и таксист, казалось, были созданы друг для дружки, слились в единое целое, в странную сущность для уничтожения расстояний. Геральт знал, что до вокзала такой езды по одному из самых известных районов Большого Киева — Харькову — минимум полчаса. Широкий проспект был забит автомобилями, и если бы не умелый водитель и опытная легковушка-такси, ехать бы Геральту не менее часа.

— Эх-ма... — посетовал водитель, стартуя после очередной остановки перед светофором. — Плотное сегодня что-то движение. Как бы в пробку не влететь. А за мостом точно пробка, нутром чую...

Некоторое время они шли в потоке: впереди джип «Хортица», позади трехтонный грузовик «Ингул», по бокам легковушки — белые «Черкассы»-универсал и какой-то европеец, не то «Опель», не то «Рихтхаген». Шли, ясное дело, со скоростью потока.

— Точно, пробка, — бормотал водитель, вытягивая шею и вглядываясь в трассу за лобовым стеклом. — Да там всегда пробка...

— Это надолго? — осведомился Геральт.

Не то чтобы он куда-то спешил. Но сидеть в такси посреди скопища прирученных и диких автомобилей — мало-приятное занятие.

— Кто его знает... Давай-ка мы в обход рванем. Так дальше, но зато быстрее. Давай?

— Давай, — милостиво согласился Геральт.

Ему было все равно, как ехать.

И началось. Орк-таксист принялся настырно втираться в левый ряд, высовываясь в окно и сигнализируя коллегам-водилам рукой, моргая фарами и непрерывно библикая. Ведьмаку казалось, что в этом металлическом стаде перестроения решительно невозможны, но спустя десять минут их желтая «Десна» уже стояла в крайнем левом ряду перед очередным светофором и размеренно помигивала поворотником. Весь следующий квартал слева был занят территорией какого-то завода; что это за завод, Геральт не знал, а никаких опознавательных знаков или плакатов ни на головном шестиэтажном здании, ни на увенчанном спиральными витками проволоки-колючки заборе не наблюдалось.

Дали зеленый; «Десна» стремительно сорвалась с места и успела вписаться в поворот и даже проскочить полосы встречного движения раньше, чем встречные машины. Ведьмака ошутимо вдавило в сиденье.

— Ого, — пробормотал он. — Сильно! Производит впечатление...

— Сюда вряд ли кто сунется, — пояснил орк. — Дорога паршивая, да еще выходит жизнь знает куда, аж к Центральному рынку на зады. Но оттуда есть тоннель к путям Южного вокзала, так что ты пройдешь. Ну а я потом на Шалаевку выверну, и все дела, мне оттуда домой близко.

Геральт молча кивнул. Всяко этот вариант интереснее пробки на проспекте.

Дорога и впрямь была плохая — россыпь выбоин на ветхом асфальте, словно били здесь шрапнелью великанские пушки. Высоченная и серая, как беспросветность, заводская стена тянулась сколько хватало взгляда. Это справа от доро-

ги. А слева то вставали низкие, похожие на бараки домишки с битыми окнами, то простирались захламленные пустоши, то прятались за плохонькими оградами дворы мелких фабрик. И это буквально в двух шагах от запруженного транспортом проспекта!

За «Десной» вставал жиденский пыльный шлейфик — так давно по здешней дороге никто не ездил.

— Видал? — прокомментировал обстановку неунывающий орк. — Двести метров в сторону, и все, как и не Харьков. Дыра дырой, будто в глушь заехали. Зато пробок нет!

Таксист довольно ухмыльнулся и бросил машину вправо, огибая очередную выбоину. Машина не возражала: бить амортизаторы на встречных кочках — кому приятно?

Они ехали минут двадцать, а картина совершенно не менялась. Заводская стена справа и нежилые кварталы слева. Если бы за заводским забором что-то отдаленно не грохотало, тут царила бы ватная тишина, еле-еле испаряемая тихим урчанием ухоженного «деснинского» мотора.

А потом они увидели. Что — Геральт сразу и не понял.

Черная горелая проплешина на дороге; асфальт, превратившийся где в мелкую крошку, где в оплавленный шлак. Чудовищный пролом в фасаде двухэтажного здания, словно на здание свалилось из поднебесья исполинское ядро. Свалилось и растаяло, обнажив проломленные перекрытия и пыльное нутро давно заброшенных комнат. И еще — узкая, метра три всего шириной, просека, уводящая в глубь квартала.

— Е-мое! — вымолвил орк, притормаживая, и залиvisto присвистнул. — Час назад этого не было.

— Останови-ка, — велел Геральт сухо. Излишне, пожалуй, сухо: таксист-то ни в чем не виноват. Но обращать внимание на мимолетные обиды орка у ведьмака не возникало ни малейшего желания. Впрочем, водила и не обиделся. С готовностью придержал «Десну» и тотчас полез наружу.

— Стой! — одернул его Геральт, выскальзывая из такси. Орк застыл, успев только отворить дверцу.

Ведьмак быстро обошел машину, нашарил в кармане деньги; протянул таксисту десятку и велел:

— Вот, держи. На вокзал я не поеду. А ты разворачивайся и уезжай.

— Почему? — изумился орк.

Геральт посмотрел в его черные и блестящие, как смола, глаза, в которых невозможно было различить зрачки.

— Потому что здесь опасно.

— Опасно? — не понял орк. — Да я тут сорок лет езжу, парень! Ты небось еще и у папаши в штанах не шевелился...

— Видел когда-нибудь такое? — оборвал его Геральт, указав рукой на изувеченное здание. Изувеченное совсем недавно, пыль еще не успела осесть, а разломы на бетонных панелях и торцах перебитых арматурин были совсем свежими, светлыми.

— Здесь — нет, — коротко ответил таксист.

— Если бы увидел, ты бы здесь уже не ездил, — сказал Геральт.

— Почему? — вторично изумился орк.

Ведьмак понял, что на слово таксист ему не поверит.

— Жизнь с тобой, орк. Но учти, я тебя предупреждал. С этой секунды за свое благополучие отвечаешь ты сам и никто иной. Уяснил?

— Тю! — Орк поглядел на Геральта как на слабоумного. — А доселе, что ли, ты за мое благополучие отвечал? Чудак ты, человек! Я за тебя отвечал, как шофер, и «Деснуха», лапушка моя.

Геральт пристроил шмотник-рюкзачок за спиной и поудобнее приторочил к боку ружье. Потом проверил на поясе гранаты. Таксист смотрел на него со странной смесью скепсиса и уважения.

— Ты что, на войну собрался? — поинтересовался он.

— Моя жизнь — сплошная война. — Геральт пожал плечами. — Я ведьмак.

— Ведьма-ак? — протянул орк; лицо его вытянулось. — То-то я смотрю, татуировка у тебя странная...

Цветная ведьмачья татуировка, как водится, украшала голову Геральта: у правого уха — угловатая туша карьерного экскаватора, через весь затылок — суставчатая лапа, а у левого — зубатый ковш, нависший над фигуркой живого, не то человека, не то эльфа. Живой казался маленьким и жалким рядом с этим стальным чудовищем. Неведомый татуировщик вдохнул в картинку столько жизни и движения, что казалось, будто ковш сейчас обрушится не то на человека, не то на эльфа, что механические сочленения сейчас лязгнут и оборвут чей-то путь.

— Ну что? Теперь вернешься? — неприязненно спросил Геральт.

— Нет, — решительно выдохнул орк. — В конце концов, мне ведьмаки ничего плохого пока не сделали.

— А вдруг я сделаю?

— Вот сделаешь, тогда и поберегусь, — буркнул таксист.

Геральт молча повернулся и зашагал в зев недавно возникшей просеки.

— Учти, орк, — предупредил Геральт. — Завязнешь — я тебя вытаскивать не буду.

— Больно надо, — огрызнулся таксист и вытащил из внутреннего кармана полотняной куртки небольшой короткоствольный револьвер.

«Ой-йо... — ужаснулся ведьмак. — Пукалка-то ему на что? И как он прожил двести с лишним лет? Неужели все время совал голову в самое пекло и все время это сходило в итоге с рук?»

В подобное верилось очень слабо. Наоборот, долгоживущие Большого Киева и других мегаполисов отличались повышенной осторожностью и мнительностью, доходящими порой до сущей маниакальности. Ведьмак принимал это как должное, ибо знал: скорость воспроизводства долгоживущих рас неизмеримо ниже, чем у людей. Жизнь каждого эльфа, орка, гоблина или вирга воистину бесценна. Это люди мрут сотнями, а возрождаются тысячами. У остальных все иначе.

Впереди было тихо, только на территории завода продолжало гулко и размеренно бухать. Молот там работал, что ли? Орк, слава жизни, замолчал, и Геральту предоставилась возможность подумать. Как всегда на ходу, потому что ведьмакам свойственно уплотнять время.

Итак, кто же может оставлять такие следы и чинить такие разрушения? Кто или что? Несомненно, это машина, и столь же несомненно — это специализированная машина. Причем не транспортная. Во всяком случае, по основной специализации.

— Эй, — обратился к таксисту ведьмак. — А что это за завод у нас за спинами, а? Ты не знаешь?

— Харьковский тракторный. Хэ-тэ-зэ то бишь. Его уже лет сто не трогают, дурное это место. А там дальше — завод Малышева...

Но завод Малышева Геральта сейчас интересовал мало. Иное дело — ХТЗ.

— Лет сто, говоришь? — задумчиво переспросил ведьмак.

— Ну, может, больше. При технике Биксанте туда снаряжали досмотровую группу, я помню, я их возил. Но что-то у них не заладилось, полгруппы положили, образцов не добыли, а к линиям так и не добрались.

— Дикие машины на завод наведываются? — продолжал допытываться ведьмак.

— А то как же! Ночами в основном.

— Ввозят или вывозят?

— Откуда мне знать? — Орк сердито передернул плечами. — Что я, гаишник-следопыт, что ли?

— Ты ведь шофер. Тебе ли не понять, порожняк с завода выезжает или груженые?

Орк помялся; потом неохотно ответил:

— Да не присматривался я... Вроде всяко бывает: когда груженые уходят, а когда и порожняк.

— А в грохоте перерывы бывают? Или так и грохочет все сто лет без продыху?

Таксист снова задумался.

— Нет, — протянул он почти без сомнения. — Тут не шибко грохочет, но совсем уж мертвой тишины я тоже не припомню. Что-то там шевелится все время за забором. Маневрирует.

Тем временем они миновали первый замкнутый дворик; просека тянулась дальше, через пролом в дырчатом бетонном заборчике ростом с человека. Слева пролом был аккуратным, почти ровным, зато справа на заросший жиденькой травкой газон рухнуло несколько лишних секций, а столбики сильно накренились и торчали из земли, словно гнилые зубы. Просека тянулась вперед, через внутриквартальную улочку, в соседний двор. Тут неведомая машина свалила по пути лишь несколько толстых деревьев. Свалила и протащила до угла неповрежденного двухэтажного домика. Во дворе чудище проутюжило загородку с какими-то ящиками, от которых ныне сохранились лишь щепы, и водяную колонку. Из обнажившейся трубы вовсю хлестал веселый двухметровый фонтан.

— Дела-а-а... — протянул орк. — Слушай, ведьмак, ты с чудовищами дело имеешь. Скажи, что это?

— Не знаю, — честно ответил Геральт. — Что-то могучее и опасное.

— Не знаешь? Слушай, а ты точно ведьмак?

— Точно, — угрюмо заверил Геральт.

Квартал был тоже явно необитаемым. С одной стороны, это хорошо, никто не пострадал пока. Но с другой — если Геральт надеялся получить работу, в необитаемом квартале он ее точно не получит, приди сюда хоть дивизия бешеных самоходок. Обнадеживало только одно: воспоминание о запруженном автотранспортом проспекте в двадцати минутах отсюда. Как только жизни и благополучию обывателя-киевлянина возникает хоть малейшая угроза, ведьмакам работа находится поразительно быстро.

Орк-таксист, не выпуская из рук свой дурацкий револьверчик, упрямо крался за Геральтом. И не думал отставать или отступать. Геральт на него не глядел, просто чувствовал за спиной живое присутствие. Гораздо больше ведьмака занимали ближайшие окрестности. Следы на асфальте и земле, увечья зданий, оград и фонарных столбов, удушливые клубы поднятой пыли и едва заметный запах высококачественной смазки.

Геральт ожидал нападения с минуты на минуту. Чудовище не станет бездумно шастать по порожним дворам. Ему, как и всякому чудовищу, нужны жертвы.

Нужны живые.

В силу своей профессии Геральт хорошо разбирался в чудовищах. Даже в доселе невиданных. Потому что все чудовища во многом схожи.

— Шагнуш тодд, — ругнулся орк, споткнувшись о торчащий из земли металлический прут. — Долго нам еще красться, а, ведьмак?

Геральт не ответил. Он пружинисто шел вперед, прижимаясь к стенам зданий и заборам, избегая открытых пространств. Мало ли какая гадость может заметить их с крыши

или дерева? Заметить и сигануть. Ищи потом свищи неосторожного ведьмака и опрометчивого таксиста...

Там, откуда они пришли, что-то оглушительно бабахнуло. Геральт сразу же замер, повернув голову и вслушиваясь. Тишина враз стала плотнее, ощутимо толкнулась в уши, зазвенела.

Орк снова что-то сквозь зубы прошипел; Геральт заставил его умолкнуть единственным резким жестом.

— Так! Назад, к «Деснухе» твоей, — велел ведьмак вскорее. — Он вернулся.

— Кто?

— Не знаю. Тот, кто здесь шастал.

— Куда вернулся?

— На завод. Больше ему неоткуда взяться. И возвращаться некуда. Только на завод.

На обратном пути Геральт почти не соблюдал мер предосторожности.

Когда они пересекали последний фабричный двор, стала видна тонкая струйка сероватого дыма, что расплывающейся свечечкой тянулась в осеннее харьковское небо. Геральт подумал, что его первые подозрения, похоже, оправдываются.

Он угадал. На месте ладной желтой «Десны» теперь полыхал почерневший остов. Горячий воздух рождал над пламенем полупрозрачных фантомов.

Таксист при виде этого остолбенел, потом издал протяжный жалобный стон.

— А-аф! Лапушка! Моя «Деснуха»!

На него жалко было смотреть: как и любой водила, орк успел за долгие годы крепко привязаться к своей верной легковушке. Утратить ее — все равно что утратить частицу себя. Геральт вполне понимал его чувства.

Но отнюдь не разделял их.

— Я предлагал тебе убраться, орк. Теперь не хнычь.

Таксист — точнее, уже экс-таксист — обратился к ведьмаку замутненный взор.

— Система тебя побери, ведьмак! Не зря вас проклинаят живые: не успеешь с вашим братом связаться, тут же приходит несчастье.

— Есть такое дело, — не стал возражать Геральт. — Но кто тебя за мною тянул?

Орк отвернулся и глухо сказал:

— Никто.

— Вот и не хнычь теперь. Лучше подскажи — где тут поблизости заночевать можно, чтоб не на голом полу и не с крысами в обнимку?

Чернее тучи, орк все же нашел силы вести осмысленную беседу:

— А ты что же... раздумал уезжать на юга?

— Раздумал. Когда с завода выходит ТАКОЕ — ведьмаку негоже уходить. Да и глупо бежать от заработка.

— А с чего ты взял, что я буду тебе помогать?

— С того, — сообщил Геральт, — что тебе нужна новая легковушка. Поможешь мне — будет.

Орк вопросительно уставился на Геральта.

— Новая? А не брешешь? Впрочем, живые гутарят, что ведьмаки никогда не врут.

— Это правда.

Орк продолжал колебаться.

— А еще гутарят, что ведьмаки задаром никому не помогают...

— И это правда, — подтвердил Геральт. — Но я ж тебе ее не дарить собрался. Помогать мне будешь.

— Помогать ведьмаку? — Орк слегка опешил. — Я?

— Не бойся, — поспешил успокоить его Геральт. — Ничего особенного от тебя не потребуется. Сейчас мне нужно отсидеться, подумать и поесть. Ты ведь можешь это устро-

ить, я знаю. Ничего сложнее я от тебя и впредь не попрошу. Так что прячь свою пукалку и веди. Не может быть, чтобы в этих развалинах совсем никто не жил. А раз ты тут часто едешь, должен местных знать.

Поколебавшись еще немного, орк наконец решил:

— Ладно. Пошли. Все равно я теперь безработный...

И он повел ведьмака прочь от останков любимой легко-ушки. Дальше, вдоль заводского забора, в направлении за-дов Центрального рынка. То и дело оглядываясь на свою увечную спутницу.

Геральт в отличие от него не оглядывался.

Это выглядело как гараж. Впрочем, это и был гараж — один из нескольких сотен. Заключенные в кирпичную ограду ровные ряды одинаковых двухэтажных коробок. Первый этаж — бокс с технической ремонтной ямой, второй — небольшая комнатка-мастерская, логово механика-самоучки, толком в технике не разбирающегося, но способного излечить не слишком сильно захворавшую машину.

Гаражи располагались немного на отшибе; за извилистым оврагом шеренгами возвышались пятнадцатизэтажные коробки недавнего выроста, а за пятидесятиметровым пустырем начинались те самые нежилые кварталы, куда навелось НЕЧТО с завода. Ну и сам завод, конечно, лежал совсем рядом, по ту сторону паршивой дороги, первую половину которой Геральт и орк-таксист проехали на сожженной ныне «Десне», а вторую отмахали на своих двоих.

— Вот, — невесело сообщил орк. — Здесь он и обитает.

Кажется, бедняга-таксист с каждой минутой становился все мрачнее и мрачнее.

— Один обитает? — уточнил Геральт.

— Один.

Некоторое время ведьмак молчал, разглядывая угрюмого спутника, которого еще совсем недавно пытался прогнать. Потом скептически покачал головой и огляделся.

Они стояли на приступочке перед дверью в комнатенку второго этажа. Ключ, который орк только что вынул из-под коврика, торчал в замке; дверь была полуоткрыта. Вдоль одной стены комнатенки вытянулся рабочий стол с небольшими тисками и разбросанным по столешнице инструментом. Ко второй стене приткнулись старый продавленный диван, тумба с телевизором и столик поменьше, видимо, совмещающий функции письменного и обеденного.

Не в силах больше видеть кислую физиономию орка, Геральт фыркнул, сбросил с плеча рюкзачок и спустился по металлической лесенке вниз, в пространство между гаражами. Выбрал ворота с навесным замком, внимательно осмотрел запоры; потом вынул из узкого кармана складной нож и небольшой слегка изогнутый стержень. Из комплекта ножа ведьмака заинтересовало только шило. С замком Геральт манипулировал недолго, меньше минуты. Разумеется, открыл. Потом некоторое время возился в врезном замке, тоже вполне успешно.

Он не угадал: вскрытый гараж оказался пустым.

— Шагнуш тодд! — выругался ведьмак сквозь зубы. — Я должен был догадаться! Если тут никто не ошивается, кроме единственного кобольда, искать надо в гаражах с автоматическими замками...

Орк с толикой интереса наблюдал за изысканиями ведьмака сверху, с приступочка.

Второй гараж Геральт выбрал безошибочно: внутри обнаружился серебристый джип «Хортица», причем явно уже имевший дело с живыми. Ведьмак просто приоткрыл дверцу, вынул из замка зажигания ключи и, позвякивая ими, поднялся к таксисту.

— Держи. — Он вложил ключи орку в ладонь. — Поди, лучше твоей «Десны»...

Орк удивленно переводил взгляд с ключей на ведьмака.

— Что... уже? Это мне?

— Тебе, — проворчал ведьмак, подхватив рюкзачок и направившись к дивану. — А то чуть не плачешь по своей колымаге...

Орк из мрачного сделался просто грустным.

— Да разве дело в новой машине? Что я — машину себе не найду? Я «Деснуху» свою любил, понимаешь? Да и на кой ляд мне джип, он топлива жрет втрое больше.

— Не бухти, — посоветовал Геральт. — Джип есть джип. Ездил бы ты на джипе, мы б в квартал пешком не сунулись. И не потерял бы ты тогда ничего. Разве нет?

Орк тяжело вздохнул, потряс перед глазами связкой ключей, но все же сунул ключи в карман.

— Спасибо, ведьмак. Если честно, я не ожидал джипа. Спасибо.

— Я и сам не ожидал.

Только сейчас, пройдя в глубь комнаты, Геральт отстегнул ружье, но оставил его под рукой. А сам расположился на диванчике. Ногами к выходу. И к телевизору.

— А зовут-то тебя как? — поинтересовался орк, умело поджигая газовую горелку под чайником.

— Ведьмаком.

— Нет, я об имени.

— Что тебе ведьмачье имя? Кто их помнит, ведьмачьи имена?

Орк помолчал, видимо, ожидая ответа.

Не дождался.

— А меня Семен зовут. Семен Береста, — представился орк, демонстративно не обращая внимания на молчание Геральта. — Всю жизнь тут шоферу. И я, и отец мой шофе-

рил, и братья... И сыновья, оба. Все по таксерной линии... Ты чай какой любишь, покрепче или пожиже?

— В меру, — сказал Геральт. — В цвет коньяка. Только хорошего.

— А я покрепче люблю. Чтоб непрозрачный был. И без сахара.

Чайник постанывал на горелке, жадно впитывая тепло.

— Геральт, — сказал наконец Геральт. — В смысле, меня зовут Геральт.

— Геральт? — переспросил орк и впервые за последние часа три усмехнулся. — Ну да, конечно. Как еще могут звать ведьмака? В честь героя той грустной сказки?

— Не знаю, в честь кого, — отозвался Геральт. — Ведьмаков всегда называют традиционными именами. Геральт, Койон, Ламберт... Раз меня назвали Геральтом, значит, незадолго до моего посвящения другой ведьмак по имени Геральт перестал жить. Вот и вся честь.

— И ты ничего о нем не знаешь? О том Геральте?

— Ничего. Кроме имени.

Ведьмак молчал, орк заваривал чай.

Наконец Геральт произнес — неохотно, словно через силу:

— Идет кто-то.

Семен Береста вслушался, но из-за тихого шипения так и не выключенной горелки ничего не услышал. Однако ведьмак оказался прав — спустя минуту в дверном проеме возник хозяин. Краснолицый, как и все кобольды, в шикарном кожаном переднике поверх одежды. И босиком.

— Семен? — спросил кобольд со смесью удивления, облегчения и радости. — Какими судьбами?

Орк, широко улыбаясь, оставил чайник с чашками, раскинул руки и смело шагнул кобольду в объятия.

Только сейчас Геральт убрал руку от ружья.

— А где твоя «Десна», Семен? — допытывался кобольд.

Орк помрачнел.

— Нету больше «Десны»... Сгорела, Сход Развалыч.

Кобольд, носящий необычное имя Сход Развалыч, отстранил Семена, но руки его продолжали лежать у орка на плечах.

— Что случилось?

Орк пожал плечами, отчего руки кобольда на полсекунды приподнялись.

— Не знаю. Может быть, он расскажет?

Орк полуобернулся к Геральту, указывая на ведьмака ладонью.

— Его зовут Геральт. Геральт, это Сход Развалыч, мой давний приятель и друг.

— Добрый день, — сдержанно поздоровался Геральт.

Кобольд кивнул, убрал наконец руки с плеч Семена и, оценивающе оглядел нового знакомого.

— Геральт... — протянул Сход Развалыч. — Ты что, ведьмак?

— Ведьмак.

Кобольд резко обернулся к Семену.

— Что стряслось? Рассказывай немедленно.

Орк с надеждой взглянул на Геральта, но, натолкнувшись на твердокаменный взгляд ведьмака, махнул рукой и начал сам:

— Не знаю, Сход Развалыч. Какая-то тварь выбралась с завода в пустые кварталы. Мы пошли по следу, вернулись — от «Десны» только остов догорает...

— Тварь?

Кобольд нахмурился и обратился к ведьмаку:

— Что за тварь?

— Не знаю, — честно ответил Геральт. — Я такой раньше не встречал.

— Она опасна?

— Да.

— Очень?

— Да.

— Едем, — решительно заявил Сход Развалыч.

Ведьмак и не подумал встать с дивана.

— Не так быстро, — сказал он. — Мне нужно подумать... ну, и почитать кое-что. Авось опознаем, кто это.

Сход Развалыч опустил взгляд долу, несколько секунд помолчал; потом с безграничным терпением в голосе проговорил:

— Геральт! Я здесь живу. Здесь, в этих, шахнуш тодд, промзоновских кварталах, где даже воробьи серые от цементной пыли! Какая-то тварь выползла с завода, немедленно примчался ведьмак, сам собой, без зова... И слова из тебя мне приходится клещами вытягивать?

Геральт еле заметно усмехнулся. Впрочем, определенный резон в словах кобольда был: опасность действительно угрожала ему, а отнюдь не Геральту или Семену Бересте, пришельцам на этой территории. И ведьмак стал рассказывать:

— Что-то здоровое. Просеку оставило за собой метра в три шириной. Ход определенно не гусеничный, причем оно способно к прыжкам. Если вообще не к полету.

— То есть, — перебил кобольд, — заводской забор цел?

Упоминание о способности машины к полету на Сход Развалыча, похоже, не произвело должного впечатление. Вряд ли подобная способность казалась ему диковинкой. Геральт это отметил.

— Цел забор. Но о прыжках можно судить не только по этому, по характеру следа тоже. Не делает разницы между строениями и деревьями, значит, это чисто техническая тварь, живые не замешаны. Несет какое-то огнестрельное оружие, не то пушку, не то крупнокалиберный пулемет. Наверняка оборудована бульдозером, возможно, даже не одним. По-

нятное дело, бронирована. Это все, о чем я могу судить по следам. Да, еще: двигатель и не бензиновый, и не дизель. Что-то новое. Хотя подтеки масла на следе есть, ничтожно мало, но есть. Масло очень высокого качества.

— Как ты узнал о ней?

— Увы, Сход Развалыч. Случайно. Никто меня не засылал, Арзамас об этом не знает. Поэтому я и решил здесь остаться.

— Ты связывался со своими?

— Еще нет.

Геральт пристально взглянул на кобольда. Тот подозрительно много знал о ведьмаках.

— Сход Развалыч... — протянул Геральт. Мягче, чем говорил обычно. — Простите, я могу задать нескромный вопрос?

— Можешь, — не задумываясь разрешил кобольд.

— Сколько вам лет?

— Восемьсот тридцать два.

— Ого! — оценил Геральт. — Ни за что не скажешь! Поздравляю.

Для кобольда это был весьма почтенный возраст — что-то около семидесяти человеческих лет. Причем выглядел тот далеко не старцем.

— Тогда еще один вопрос: а не вы ли...

— Я, — просто ответил Сход Развалыч.

Семен, с удивлением вскинув брови, увидел, что ведьмак встал с дивана, откуда его, казалось, не могло подняться ничто в этом мире, выпрямился, приложил руку к сердцу и в пояс поклонился старому кобольду.

«Ну и ну! — подумал Семен Береста. — И здесь какая-то тайна!»

Сентябрь выдался непривычно теплым, однако ночи постепенно становились все прохладнее и прохладнее. Вечер

прошел при открытой двери, но едва сгустилась темнота, Сход Развалыч дверь захлопнул. Одинокое пятно света падало из окна на приступочек; ряды автомобильных боксов практически не освещались. Лишь над невидимым отсюда въездом на территорию гаражей тлел на столбе одинокий огонек под ржавой жестяной крышкой.

— Ну, ведьмак? Накопал что-нибудь? — нетерпеливо спросил Семен, когда Геральт оторвался от ноутбука, встал из-за стола и длинно, по-кошачьи, потянулся.

— Нет, — лаконично ответил ведьмак.

— Даже ведьмаки не знают, что это за штука?

— Не знают.

Видно было, что мысли Геральта витают совершенно в иной области. Да и вопросы, которые ведьмак периодически задавал аборигену-кобольду, касались в основном близкого завода и тех, кто этим заводом последнее время интересовался. Далекий от этих сведений орк мало что понимал. Сход Развалыч, похоже, понимал больше, но молчал до поры до времени.

— Надо бы связаться с техником этого района, — задумчиво протянул Геральт. — Где он обитает, а, Сход Развалыч?

— Да вон, за оврагом и обитает. Там в глубине массива киноцентр отрос лет двадцать назад. Техник его и занял спустя какое-то время. Кино крутить, кстати, там не перестали.

— А не поздно ехать-то? — спросил Семен. — Полночь скоро.

— С утра поедем, — пояснил ведьмак. — Сход Развалыч, у вас раскладушки никакой нет? А то мне выспаться сегодня толком не дали.

— Матрасы есть. Здесь, за стенкой, целая кипа. И одеяла там же. Держи ключ...

Кобольду не нужно было объяснять, что ведьмак не ляжет спать в помещении, в котором находится кто-нибудь еще. А если и ляжет — то не заснет.

Когда дверь в соседнюю комнату захлопнулась, орк подсел к старому кобольду поближе. Снова принялся полусонно поскрипывать на горелке рябой эмалированный чайник.

— Станный он, этот ведьмак, — тихо заметил Семен.

— Он не странный, — так же тихо ответил кобольд. — Он ведьмак, дружище. Ведьмаки все такие.

— А ты, я смотрю, с ведьмаками дела какие-то имел?

Сход Развалыч усмехнулся:

— Запомни, Семен. Ведьмаки ни с кем и никогда не ведут дел. Они лишь продают свои услуги. И все. Причем оплату всегда берут вперед. И упаси тебя жизнь когда-либо встать на пути ведьмака или попытаться обмануть его...

— Обмануть? — перебил орк. — Как же ведьмака обманешь, если плату он берет авансом?

— Ну, например, попытаться откатить заплаченное ведьмаку. Или продать ему что-нибудь, плату схоронить в кармане, а покупку потом не отдать. Да мало ли, под этим небом всякое бывало, уж поверь мне. Так вот, ведьмаки могут простить алчность, жажду власти, жестокость, коварство... Но только не в отношении себя. И еще одно запомни, Семен. Слово ведьмака — крепче стали. Потому что ведьмак, давший слово и нарушивший его, будет убит другими ведьмаками. Очень быстро и неотвратно.

Орк налил чаю себе и собеседнику. Поболтал в фарфоровой чашке со щербинкой на ободке серебряной, потемневшей от времени ложечкой. Кобольд еле заметно кивнул — поблагодарил.

— Сход Развалыч! Расскажи, а? Что там у тебя с ведьмаками было? Что за история? Интересно ведь.

Кобольд растянул губы в ироничной усмешке. Красноватые блики от горелки делали его и без того красное лицо совсем пунцовым.

— Семен... Я дал слово никому и никогда не рассказывать подробности этой истории. А как относятся ведьмаки к однажды данному слову, ты уже знаешь.

— Но ты-то ведь не ведьмак!

— Это дела не меняет. Слово, данное ведьмаку, в их понимании равнозначно слову, данному ведьмаком. Поэтому я и молчу. Уже много лет.

— Сколько?

— Много.

— Неужели и это секрет?

— Семьсот двадцать.

На это ответить можно было только молчанием. Почти-тательным молчанием.

Так, без единого звука, они допили чай.

— Ладно, — наконец прервал безмолвие орк. — Пойду я посплю, пожалуй, сегодня до света встал.

— Раскладушка у меня внизу. Вот ключ... — предложил кобольд.

— Да не нужно. — Семен поднялся из-за стола. — В джипе посплю. Пусть привыкает. Да и мне к нему привыкнуть нужно. Спокойной ночи, Сход Развалыч.

— Спокойной ночи.

Ночь и впрямь выдалась спокойная. Для всего района.

Но никто не подозревал, что не так долго осталось безмятежному району наслаждаться спокойными ночами.

Никто. Кроме, разве что, ведьмака и старого кобольда, который знал о ведьмаках не меньше, чем они о себе сами.

Геральт проснулся первым, и это было наилучшим знаком, что из режима «отдых» он переключился в режим «работа». Солнце пряталось — небо сплошь застилали однотонные светло-серые тучи. Даже птицы чирикали без особого энтузиазма, уныло и скорее по привычке, чем по необходимости.

«Осень», — подумал Геральт по пути к автомойке.

Там он с наслаждением умылся под холодной струей, всласть пофыркал и моментально посвежел после сна. Пока он умывался, с ночевки снялось несколько машин, из тех, что обитали в боксах с научными дистанционными замками. Геральт заметил, что таких было совсем немного. Каждый однажды прирученный автомобиль втайне мечтает вновь обрести хозяина.

Орк дремал в джипе, откинув спинки передних сидений. Геральт легонько постучал ему в стекло; джип снес это без излишней нервозности. Пока орк продирал глаза, Геральт поднялся и так же легонько постучал в дверь к кобольду. Тот, оказывается, уже встал, оделся и даже успел вскипятить чайник.

Чай механик-самоучка поглощал в неимоверных количествах и приятелей своих заражал тем же, потому что без чаепития Семен-таксист наотрез отказался выезжать куда бы то ни было. И — что странно и неожиданно для себя — от чуть терпкого вкуса крепкого чая Геральт получил массу непередаваемого наслаждения. Словно еще раз умылся, только ощущения вышли не холодно-пронзительные, а теплые, домашние.

Впрочем, у ведьмаков не бывает места, которое они могли бы назвать домом.

— К технику в киноцентр? — спросил орк, усевшись за руль слегка возбужденного новизной и близостью живых джипа.

— Да.

Ведьмак устроился рядом с ним, впереди. Сход Развалыч сел назад.

— А чего ты ждешь от этого визита? — тихо спросил кобольд, когда Семен вывел «Хортицу» сначала к пустырю, а потом на уже знакомую дорогу, тянущуюся вдоль заводского забора.

— Ничего, — ответил ведьмак с непоколебимой уверенностью. — Ничего абсолютно. Техник меня выгонит и обругает.

Ответ ведьмака был таким неожиданным и уверенным, что оба его спутника ненадолго растерялись.

— А-а-а... — протянул кобольд, подыскивая нужные слова. — Зачем же тогда ехать?

— Потому что без визита ведьмака с последующим обругиванием невозможны дальнейшие события. Поверьте, с этого начинается добрая половина моих заданий. Дело привычное.

— Н-да, — сказал Семен. — Веселая у тебя жизнь, ведьмак...

— Жизнь? — удивился Геральт. — Я ведь не живой.

Над этим заявлением Сход Развалыч и Семен размышляли еще дольше; джип успел снова свернуть к пустырю, уже за оврагом, когда проехали старый-престарый и потому перманентно спящий мосток. Лес многоэтажек приближался. Геральт подумал, что это место живо напоминает самый центр Большой Москвы, Строгино, только вместо оврага там река.

В районе орк-таксист ориентировался не хуже, чем в карманах собственной одежды. Без колебаний сворачивал в арки, петлял во дворах, а поскольку пересел с легковушки на джип, даже весело въезжал на бордюры и пересекал не предназначенные для проезда площадки.

Здание киноцентра располагалось внутри массива, в центре просторного майдана, упакованного в свежий асфальт. Асфальт был явно моложе двадцати лет. Ажурный металлический заборчик опоясывал ухоженные газоны; по периметру пестрели слегка поблекшие вывески летних кафешек, ныне пустующих. За воротами с обязательной будкой и охранником примостились несколько легковушек и длиннющий лимузин. Техник явно мнил себя большой шишкой. Впрочем, Харьков — второй по значению район Большого Киева пос-

ле Центра. Быть техником здесь — вовсе не то же самое, что быть техником где-нибудь в Шепетовке.

Семен притормозил у ворот; охранник в будке — человек лет тридцати — тотчас оживился. От взгляда Геральта не укрылось и то, что у входа в рельефный куб киноцентра, на крыльчке, тоже кто-то зашевелился.

Геральт вышел из машины; взгляд привратника тотчас прикипел к татуировке на ведьмачьей лысине.

— Здравствуйте, — сказал Геральт. — Мне нужен здешний техник.

— Представьтесь, пожалуйста, — бесцветным тоном предложил охранник.

— Я ведьмак, — сообщил Геральт тем же тоном, каким мог сообщить, к примеру, что находятся они в Большом Киеве.

Привратник повернул голову к крыльцу, и стало видно, что в ухе у него бусина-телефон переговорного устройства. Присмотревшись, Геральт различил и микрофон, пристегнутый к лацкану черного пиджака.

Тот, кто зашевелился на крыльце, что-то негромко забормotal; Геральт со спутниками не разобрали ни слова. Привратник продолжал выжидательно глядеть на своего напарника, уголком глаза, впрочем, цепко наблюдая за гостями.

«Вышколенный песик, — подумал Геральт. — Хотя и молодой».

Через минуту ответ был получен привратником. И звучал вот как:

— Техник вас не примет. Пожалуйста, покиньте пределы нашего района.

— Говорил, обругает, — шепнул Семен Сход Развалычу. — А этот смотри как вежливо...

Геральт, казалось, ничуть не удивился. Словно и не слыша облеченной в вежливые слова просьбы убираться, он вновь обратился к охраннику. Обратился спокойно и терпеливо:

— На ближайшем заводе появился неизвестный механизм. По моим оценкам, он представляет серьезную опасность вашему району. Пожалуйста, передайте мои слова технику. Немедленно.

— Вам предложено покинуть район. Будете тянуть — мы ведь и поторопить можем. — Охранник выглядел как само спокойствие и даже намек на угрозу не промелькнуло в его тоне.

Но Геральта трудно было смутить.

— Механизм пока не приступил к активным разрушительным действиям. Когда приступит — будет поздно. На что он способен, можно понаблюдать в пустых кварталах у завода. Подозреваю, это далеко не все, на что он способен. Эта тварь подрастет, окрепнет и примется за жилые кварталы. Если мне не изменяет память, обязанность техника — защищать вверенный ему район.

Тут охранник непроизвольно коснулся бусины в ухе указательным пальцем, вдавливая ее поглубже. Так всегда делают, когда хотят лучше расслышать издаваемые наушником звуки.

— Слушаюсь, — пробормотал привратник через пару секунд и поманил Геральта пальцем.

Геральт приблизился на расстояние двух шагов.

— Держи. — Привратник отдал ведьмаку наушник.

Геральт без колебаний сунул его в правое ухо.

— Послушай, ведьмак, — зазвучал низкий мужской голос, могущий принадлежать виргу, орку или человеку, но никак не гному или эльфу, — я получил мандат техника не вчера. Я прекрасно знаю свои обязанности. Поэтому убирайся отсюда подальше со своими бреднями, понял?

— Ваш район в опасности, — все так же терпеливо гнул свою линию Геральт. — Пока это не очевидно, но я как ведьмак предупреждаю вас: на заводе зародилось чудовище.

Зародилось и окрепло до осмысленных самостоятельных действий. По моим прикидкам, через недельку оно заявит о себе. Если уничтожить его сейчас, пока оно не впол...

— Убирайся! — прервал Геральта техник. — Повторять больше не буду.

Привратник требовательно протянул руку. Секунду помешкав, ведьмак вернул ему наушник и сказал:

— Меня можно найти в гаражах за оврагом.

После чего развернулся и, не оглядываясь, зашагал к джипу. Орку и кобольду ничего не оставалось, как последовать за ним.

— Ну, что он тебе сказал? — нетерпеливо спросил Семен, когда все дверцы «Хортицы» захлопнулись.

— Велел убираться, конечно же, — отозвался Геральт.

— И что будем делать?

— Убираться, — пояснил Геральт. — Не торчать же здесь?

Джип послушно тронулся, не дожидаясь даже команды водителя-орка.

«О как, — ревниво подумал Семен Береста. — Кого он хозяином-то считает, меня или ведьмака?»

— Куда править? А? — спросил орк, тщательно замаскировав досаду.

— Назад, в гаражи. Теперь придется выжидать.

— И ничего не предпринимать?

— Почти.

Что означало это «почти», Сход Развалыч с Семеном поняли на полпути к гаражам, когда джип резво переваливался на выбоинах у заводской стены.

— Притормози-ка, — велел Геральт.

Береста притормозил; Геральт неожиданно вышел наружу. Внимательно поглядел на стену, поозирался направо-налево, потом затейливо двинул головой. Отчетливо хрустнули шейные позвонки.

— Я вернусь к полудню, — сообщил он. — Может, немного позже. Если нетрудно, приготовьте какой-нибудь еды, мне нужно будет восстановить силы.

А потом ведьмак в два прыжка приблизился к стене, совершенно гладкой и неприступной на вид, оттолкнулся, взвился в воздух и, как паук, прилепился к ней на высоте добрых двух метров. Потом медленно пополз вверх, снова напомнив большого пыльного паука. Вплотную подобравшись к колючей проволоке наверху, одной рукой Геральт схватился за кромку стены, второй принялся что-то делать с проволокой. Изумленные орк и кобольд, затаив дыхание, наблюдали за его действиями из джипа. Ни один, ни второй так и не поняли, каким образом ведьмак сумел приподнять проволоку и подлезть под нее. Но спустя минуту он сделал это и спрыгнул со стены на противоположную сторону. На территорию завода.

— Дела-а, — протянул Сход Развалыч. — Ладно, поехали на базар за жратвой.

— Ты думаешь ему помогать? — спросил Семен Береста.

— Думаю, — подтвердил кобольд. — Что-то мне подсказывает: помочь нужно.

— Как скажешь, — кивнул орк и вывернул руль.

В отсутствие ведьмака «Хортица» слушалась его весьма охотно.

— На базар, так на базар, раз уж на вокзал вчера приехать не довелось...

Как Геральт и ожидал, внешняя стена, ограждающая территорию завода, была не единственной. Он приземлился на трехметровую вспаханную полосу, и предстояло еще преодолеть научно-техническую систему: паутину колючей проволоки, снабженную датчиками и сигнализаторами. Задень такую — и в ближайшей караулке завершит тревожный сиг-

нал, замигает лампочка... Кто может среагировать на подобный сигнал — Геральту даже думать не хотелось. Да и не входило в его планы громогласно оповещать всех обитателей завода о своем присутствии. Ни живых, ни чудовищ.

Геральт ведь прекрасно знал: чудовища крайне редко рождаются без помощи живых.

Тварь, которая выбралась за территорию завода и порезвилась в окрестных кварталах, не могла возникнуть сама собой. Кто-то разбудил технологическую линию, кто-то сумел наладить доставку сырья и материалов, из которых родилась машина-разрушитель. Кто-то инициировал программу обкатки и испытаний. И этот кто-то в данный момент ожидает, пока тварь не завершит доводку новеньких узлов до боевого состояния.

Знал Геральт и то, что на больших заводах зачастую обитает некий контингент живых, которые никогда не выходят наружу, в город. Эдакий замкнутый клан, которому наплевать на жизнь за пределами заводских стен, сонмище анархистов и беспредельщиков. Законы здесь свои. А точнее — свое, особое беззаконие. Большой Киев с этим поделаться ничего не мог и повлиять на внутризаводской уклад тоже не мог.

Помимо кланов-затворников, большие заводы всегда привлекали живых-техников всех мастей, от умудренных столетиями эльфов до шалопаев-людей, едва успевших постичь формулу-другую. Долгожители изучали тайны заводов долго и кропотливо; поденки-люди старались хапнуть сразу и побольше. Лучшие результаты оказывались у первых. Но, бывало, и случайному короткоживущему порой удавалось выведать какие-нибудь интересности, и тогда у счастливица оставалась одна задача: побыстрее унести ноги с территории, пока до странности полно информированные боевики клана одного счастливица не привязали к трубам в первом

попавшемся цехе и не изрезали ножами до состояния шаурмы. Удача чаще улыбалась боевикам. Сия капризная дама вообще чаще улыбается тем, кто лучше информирован.

За информацией Геральт и решил поохотиться — но без фанатизма, с оглядкой.

Приблизившись к натянутой колючке, он некоторое время изучал это мудрое ограждение. Потом пошастал туда-сюда, от столбика к столбику. И пришел к выводу, что в состоянии преодолеть его, ничего не перерезая и не перекусывая.

Ведьмак был не единственным, кто проникал здесь на территорию. У одного из столбиков виднелись явные следы подкопа. Неглубокого, сантиметров тридцать всего, но подлезть под проволоку уже можно. Очень странно, поскольку никаких следов на вспаханной полосе между стеной и колючкой не виделось и в помине.

Геральт задумался.

Либо полосу рыхлит безмозглая и потому беспечная машина, либо это ловушка.

«Лезть? Не лезть? — подумал Геральт отрешенно. — Что подскажешь, внутренний советчик?»

Внутренний советчик молчал. Без эмоций — ни одобрительно, ни скептически. Просто молчал.

«Нет, — решил Геральт спустя минуту. — Здесь — не полезу. Халявно как-то, р-раз — и сразу дыра в периметре. Да и задания я пока не получил, и с предоплатой никак... Чего зря рисковать шеей?»

Повернувшись, Геральт зашагал прочь от заманчивого подкопчика, вдоль забора. Он старался держаться к забору поближе, все ж менее заметен будет издалека. Да и следы на полосе явственнее видны по центру.

Миновав десятка два столбиков, он выбрал подходящий, с более или менее плоской и не слишком увитой колючим

железом макушкой. Нашарил в шмотнике металлическую рукавицу и особым образом стукнул ботинком о ботинок. Из подошвы правого (опорная — правая) выщелкнулся короткий металлический стержень.

Далее он действовал быстро, как матерый подвальный кот, ворующий с балкона случайную снедь. Шаг, рука в перчатке на верхушку столбика, стержень правого ботинка — с размаху в дерево, на уровне колена. Подъем словно бы на ступеньку, перенос тяжести на руку (стержень тотчас втягивается назад, в ботинок), мгновенное мышечное напряжение и все. Ведьмак перевалился через столбик, как дельфин через волну, с миллиметровым зазором.

По ту сторону периметра лежал асфальт, усеянный мелкой крошкой, не то каменной, не то цементной. Встречались и металлические компоненты, чаще всего мелкая витая стружка. Приземляться было не очень радостно, но ведьмаки не из тех, кто хнычет от подобных мелочей. Да и та же перчатка выручила.

Геральт вскочил и, не мешкая, побежал к ближайшему строению — длинному рифленому ангару, похожему на половинку гигантской трубы, распиленной вдоль неведомым великаном. Площадка перед ангаром была заставлена заржавленными контейнерами с почти уже неразличимыми надписями.

Секунд через двадцать ведьмак уже хоронился меж этих рыжих металлических чушек, пахнувших кислой заводской пылью и все той же ржавчиной. Еще откуда-то тянуло остро-сухим душком контактной сварки. Наверное, из ближнего цеха — исполинского трехэтажного параллелепипеда, рядом с которым ангар-полтрубы выглядел просто невинным сарайчиком.

Выждал ведьмак не менее получаса, но к заветному столбику так никто и не явился. Похоже, проникновение на тер-

риторию прошло незамеченным. Или же просто никого не заинтересовало.

Перчатку Геральт на всякий случай снимать не стал. Так и направился к ангару: ружье на боку, шмотник на спине, рука с перчаткой выставлена чуть вперед.

Пригибаясь. Перебежками.

Заводские кланы чужаков не любят. Особенно ведьмаков — наголо выбритых истребителей механических чудовищ. Тех самых чудовищ, что обыкновенно украшают татуированные ведьмачьи лысины.

Внутри ангара вела овальная дверь; Геральт заметил, что петли кто-то заботливо и регулярно смазывает. Правильно, иначе под осенними дождями они быстро проржавели бы насквозь, как те самые контейнеры. Оглядевшись напоследок, Геральт приоткрыл дверь и скользнул внутрь, в полутьму, едва разбавленную светом нескольких тусклых ламп.

Ангар оказался практически пуст, только у одной стены, постепенно закруглявшейся и плавно переходящей в потолок, были навалены бухты колючей проволоки — не иначе, для ремонта ограждения.

Ведьмаку здесь явно было нечего делать. Если кто и навевается сюда — так либо со скуки, либо за проволокой.

Не стал задерживаться в этом никчемном месте и Геральт. Выскользнул наружу и двинулся от ангара к веренице боксов, крытых потускневшими оцинкованными листами. Громада цеха оставалась в некотором отдалении, а общее направление движения Геральт подгадал так, чтобы одновременно приближаться к месту, где неведомая тварь сигала через заводской забор.

Боксы его тоже мало заинтересовали. У одного дремал старый-престарый грузовичок, из тех, что помнят еще шестьдесят шестой бензин. У второго копошились погрузчик и двойка желтых электрокаров; остальные боксы были просто

заперты. Машины не обращали на Геральта ни малейшего внимания, но и тревоги совершенно не проявляли. Прирученные, стало быть.

Вообще обстановка производила впечатление обжитой, дикая машина выглядела бы здесь чужеродно. Но никто из живых по-прежнему не показывался на глаза.

Геральт крался мимо непонятных трехэтажных корпусов с единственным входом, мимо котельных, мимо крытых площадок с горами железа и штабелями труб. Однажды миновал даже пустую курилку, отгороженную чахленькой порослью дикого винограда. Листья на тонких лозах пожухли и почти облетели, отчего курилка выглядела сиротливой, покинутой чуть ли не навсегда.

Помалу да не поспеху добрался ведьмак и до следа. Того самого следа, ведущего наружу.

Прежде чем перескочить через забор, тварь долго, не один день шастала перед колючкой. Росла, училась. Но здесь, на территории завода, в своем логове, она ничего не разрушала. Зачем разрушать собственный дом?

Полоса асфальта перед колючкой запечатлела несколько глубоких вмятин-отпечатков. Словно чудовищный карьерный экскаватор примаскивал здесь свои могучие лапы-опоры. Но экскаватор наверняка продавил бы асфальт, искалечил бы покрытие безвозвратно, а здесь асфальт просто примялся и уплотнился.

«Значит, — подумал Геральт, осматривая следы, — толчок был сильный, но мягкий. А тварь вряд ли тяжелее двадцати тонн».

Это уже хоть какая-то информация.

Впрочем, тварь росла, поэтому буквально за пару дней могла вес и удвоить.

Присмотрелся Геральт и к форме вмятин. Овальные; по сравнению с правильным эллипсом — поуже и более вытя-

нуты в длину. К линии прыжка вывернуты градусов на пятнадцать каждая; вывернуты передним краем наружу. Вмятин было больше, чем две, но по свежим фрагментам колючки, царапинам на заборе и недавно взрыхленной полосе стало понятно, что тварь перепрыгнула забор не с первой попытки. Видимо, с четвертой. А вот и следы приземления на обратном пути — приземление только одно. Трёхметровая поперечная дуга от посадочной лапы. Сплошная.

Геральт на миг остановился у этой изогнутой отметины в асфальте.

Под три метра в ширину. Как раз под ширину просеки там, за забором, в квартале.

Кроме того, Геральт подметил, что асфальт в местах старта и приземления словно бы подтек, оплавился. Да и потемнел немного. И обычная серая пыль куда-то исчезла.

Отойдя в сторону, Геральт присмотрелся еще раз. Повертел головой.

«Что это мне напоминает? — подумал он, проведя рукой по щеке. — Что? Ракетный выхлоп?»

Медленно провел пальцем по асфальту — тот напоминал гладкую, спекшуюся в единое целое крошку после старта ракеты. После того как дикая стальная сигара вдруг испустила столб огня, встала на него и умчалась в низкое серое небо, что нависает над двухсоткилометровой брешью между Большим Уралом и Большой Алма-Атой. Ведьмаки потом осматривали место старта...

Естественно, тут все было попроще, не те масштабы. Но очень похоже.

«Значит, комбинированная динамика прыжка. Толчок опорами плюс реактивный выхлоп, — предположил Геральт. — Шагнуш тодд, это что-то новенькое!!!»

Даже он, ведьмак, немного мог рассказать о подобной машине. Даже он, видевший, помимо ракеты, и летнюю

миграцию большегрузных грузовиков из Европы, и эпидемию бешенства на чугуевском танковом полигоне, когда окрестные районы были сровнены с землей и погибло несколько тысяч живых, в том числе самый древний род эльфов Евразии, и пресловутые воздушные бомбардировки обоих берегов Днестра, и зародившиеся в шахтах Донбасса машины-убийцы, ужас гномов-угледобытчиков, и даже легендарного призрака московского метро довелось Геральту повидать и умертвить. Не самостоятельно, конечно, с помощью ведьмаков Большой Москвы.

Машины ведь не живые. Они постоянно принимают новые облики.

— Так-так, — пробормотал Геральт. — Запомним.

Чуть в стороне от колючки и забора начиналось длинное складское помещение, вдоль которого тянулись металлические полосы-рельсы. Рельсы уводили куда-то в глубь заводской территории. Секунду поразмыслив, Геральт направился к ним. К складам и рельсам.

Небольшой холмик и полосатая поперечина, знак тупика, венчали эту одноклейную ветку. По ней наверняка бегал небольшой шустрый локомотивчик, влача или толкая перед собой несколько товарных вагонов. Знакомая и виденная не раз картина.

«Мне всего тридцать три, — подумал на ходу ведьмак, — а я все реже и реже встречаю вещи, которых раньше никогда не видел...»

Геральт на миг задумался, как чувствует себя эльф возрастом в несколько тысяч лет, и внутренне содрогнулся.

Он двинулся по метровой высоты приступку, что тянулось вдоль складов. Дно стоящего на рельсах вагона по высоте как раз соответствовало этому приступку, очень удобно для погрузки-выгрузки. Подобное Геральт замечал не раз, в самых разных местах, от перронов на пассажирских вокзалах

до вот таких вот безлюдных складов на территориях всевозможных заводов.

Иногда Геральта мучила острая и неотступная мысль — кто-то ведь все это придумал? Но кто? Какой ученый-демиург, повелитель техники и машин?

Вскоре Геральт набрел на открытую секцию склада. Тяжелая металлическая дверь уехала вбок по полозьям, открывая доступ в душное нутро склада. Окон в таких помещениях, как правило, не бывает.

Не успел Геральт как следует прислушаться к ощущениям — ему вскользя померещилось, что на складе что-то есть, что-то механическое, машина или работающий прибор, — послышался далекий свисток локомотива. Вдали на рельсах зачернело плохо различимое издалека пятнышко. Оно приближалось.

Наскоро оценив степень опасности, ведьмак шагнул через порожек склада — металлизированный паз, по которому, собственно, и скользила ныне открытая дверь. Он чувствовал: сейчас можно смело поворачиваться спиной к таящейся в глубине помещения темноте. Ничто оттуда не выйдет.

Потому что настоящая опасность приближалась по рельсам. Перед ее лицом меркнут и тушуются все прочие, гипотетические.

Геральт, как и все ведьмаки, настоящую опасность чувствовал остро и безошибочно. Природы этого странного чувства он, естественно, не понимал, но сие совершенно не мешало ему беззастенчиво пользоваться полезным даром. Скорее всего обостренная сенсорика была результатом ведьмачьих мутаций, процессов на первый взгляд бесконечно чудовищных. В течение примерно десяти лет из человека последовательно делали нечеловека, и даже не-живого. Все ведьмаки — мутанты. Они не имеют ничего общего с живыми — людьми, эльфами, орками, виргами, гномами, беску-

дами. Они не отдельная раса. Они просто иные. Мутанты. Чудовища и убийцы чудовищ. Ведь с подобным в состоянии справиться только подобное. И если бы не незыблемый ведьмачий кодекс, страшно подумать, что могли бы натворить несколько десятков ведьмаков, взбреди им худое в голову.

Локомотив приближался; теперь уже можно было рассмотреть: он толкает перед собой платформу с чем-то пока неопознанным. Возможно — со смонтированным на железнодорожной платформе краном или еще какой механической хреновиной, которая сама по себе неподвижна, но требует периодических перемещений с места на место.

Не прошло и пяти минут, как сцепка из платформы и локомотива прокатила мимо открытого склада и проследовала дальше, к тупику. Все, что успел рассмотреть Геральт, — это то, что платформа и впрямь походила на мобильный кран, например, восстановительного поезда, каковые имеются вблизи всех крупных вокзалов.

В тупике, перед самой полосатой поперечиной сцепка замедлилась и остановилась. Ведьмака отделяло от локомотива метров двести или немного больше.

Локомотив свистнул и затих; почти сразу же Геральт уловил где-то в стороне урчание автомобильного мотора. Мотора лощеной легковушки.

Источник звука приближался. Но не к сидящему в укрытии Геральту. К локомотиву.

Тем временем из локомотива выбрался живой, с такого расстояния не разберешь кто, но по повадкам вроде орк или метис с орочей кровью. Почти сразу оттуда, откуда недавно пришел ведьмак, подкатила и легковушка — прилизанный черный «Князь» родом не иначе из самого центра Москвы. На таких ездят либо шишки районного масштаба, либо абстрактные бандиты с претензией на легальность.

— Ух ты, — тихо-тихо пробормотал Геральт. — Как интересно.

Нужно было подбираться поближе. Но как? Афишировать свое присутствие он не спешил, а незаметно подобраться нет возможности.

Ну, почти нет...

Место открытое. Прыгнуть, что ли, на рельсы и вдоль приступка? Так это достаточно эфемерное укрытие. И локомотиву видно, и из кабины, да и «Князь» стоит таким образом, что проглядеть крадущегося по рельсам ведьмака мог только слепой. По складам? Так ведь длинное помещение разделено внутри глухими бетонными переборками через каждые полста метров.

«А по крыше? — подумал Геральт. — Чем не мысль?»

Над приступком нависал сплошной козырек, поддерживаемый потемневшими от времени деревянными столбами. Шифер тоже выглядел старым, но если правильно ступать — можно прогуляться даже по столь ненадежной кровле и нигде ничего не повредить.

Кошкой Геральт скользнул к ближайшему столбу; кроясь за ним, потихоньку взобрался на козырек и распластался на усеянном разнообразным мусором шифере. Полежал с минуту, приподнялся и выглянул — ни намека на тревогу. Из «Князя» выбрались двое и о чем-то оживленно беседовали с машинистом локомотива. Еще один живой стоял чуть в стороне, кажется, таращился на платформу-кран.

Без несвоевременной суеты ведьмак перебрался на противоположный скат складской крыши, исследовал открывшуюся территорию, нашел ее свободной от нежелательных наблюдателей и принялся без излишней спешки пробираться в нужном направлении.

Без спешки, но весьма проворно: со скоростью размеренно идущего человека. В положении ведьмака эту скорость можно было счесть вполне приличной.

В конечном итоге ведьмак подобрался совсем близко, настолько, что стал явственно различать голоса говоривших. Внизу спорили.

— ...сами поглядите! — вещал тот, кто пригнал сюда локомотив. — Как он через забор переберется? Разве только систему порвет и стену проломит!

— А мне плевать! — зло возражал ему один из пассажиров «Князя». — Там такой тоннель прорыли — мама дорогая! Бульдозер, и тот меньше бы шухеру навел! Причем все это за двадцать минут, не больше! Что вы тут выпустили, шахнуш тодд?

— Да кран, ерш твою медь, обычный кран! Вон, смотри, новехонький совсем, еще смазка не впиталась! Как ожила линия, один кран довелся, еще три в работе! Хочешь — сам в цех пройди и полюбопытствуй!

— И пройду!

— И пройди! Что увидишь — все твое!

«Кран, — подумал Геральт недоуменно. — Какой, к домовому, кран? При чем здесь кран? Кран точно стену не преодолевает, разве что карьерный, шагающий... Да и то вряд ли. Сломает, точно. А эта тварь стены даже не коснулась, только в кварталах бесчинствовала. Тут не кран искать нужно, а что-то совсем новое, несерийное. Скорее всего штучного выроста. Или выпуска, так вроде бы говорят заводчане?

— А сюда-то ты его зачем притолкал? — нейтрально спросил второй из «Князя».

Машинист локомотива долго не отвечал: верно, и сам не мог понять — зачем? В этом не было ничего удивительного, по крайней мере для Геральта. Ведьмаки прекрасно сознавали, что не только живые управляют машинами. Машины тоже управляют живыми. Руки живых крутят баранку и дергают за рычаги, эманация машин воздействует на желания и поступки живых. В мире все взаимосвязано...

Просто не все готовы это признать.

Наконец машинист собрался с мыслями:

— Эта... Далеко ж сюда тащиться. Вот я и приехал.

— А кран зачем зацепил?

— Я его и не отцеплял. Со вчера.

Голос машиниста стал почему-то мрачным, дальше некуда. Геральт вслушивался со все возрастающим интересом.

— Не отцеплял? Замечательно. А на ночь ты где э-э-э... парковался?

— В смысле? Где ночует локомотив? В ангаре, по-за цехом. Где обычно.

— Ангар запирается?

— Не-а. Зачем? Бывает, ночью куда приходится сгонять, завод-то большой.

— Ну и как? Гонял в эту ночь? — Вопросы снова стал задавать первый. Он слегка успокоился, пока говорил напарник.

— Я — нет, — мрачно ответил машинист.

— А он?

Речь шла, видимо, о локомотиве.

— А он выезжал, — буркнул машинист и смешно захрюкал; теперь у Геральта не осталось сомнений: это либо орк, либо полуорк. — Потому как я его оставлял платформой к тупику, а наутро гляжу — платформой к воротам стоит.

— Значит, — подытожил собеседник, — он вполне мог этот кран сюда ночью притаранить?

— Мог, — скрепя сердце согласился орк. — Да только зачем? Все одно за стену ему не выбраться... Я думаю, они к материальным воротам мотались. По ночам машины вечно там трутся, сколько раз замечал. Погрузка, там, разгрузка... Как раз для крана.

— Ладно, Бонси. Поехали цех поглядим... — вмешался второй из «Князя». — Все равно технику Римасу докладывать. А я о том, чего не видел, не докладываю.

Ему никто не ответил.

Геральт осторожно подполз к самому коньку и выглянул. Стала видна верхушка крана на платформе — длинная решетчатая стрела на рогатой подставке, массивные блоки и скошенный куб кабины. Кран и впрямь выглядел новеньким, блестел на загляденье. И смазка действительно еще не впиталась. А на зеленой дверце кабины отчетливо проступал горизонтальный ромб с тремя буквами — ХТЗ. Буква «Т» была больше остальных и простирала над соседками перекладинки, словно оберегала, заслоняла крыльями от неведомых опасностей.

«Техник, — мысленно повторил Геральт. — А ты, оказывается, в это дело замешан... Если речь, конечно, о том самом технике».

Но что-то подсказывало Геральту: речь именно о том. О технике, который сегодня прогнал стихийную делегацию в лице ведьмака, кобольда-механика и водилы-орка от здания киноцентра.

Скорее всего техник затеял оживить одну из новых технологических линий завода. И оживил на свою голову. А кран тут наверняка ни при чем. Завод породил монстра, техник возмутился, а заводчане для отвода глаз подсовывают злополучную субъединицу железнодорожного восстановительного поезда. Первую попавшуюся под руку машину. Мол, вот, извольте убедиться, завод порождает именно это, а не то, что втихую рушит дома в соседних кварталах — на счастье, кстати, нежилых. Это объясняет все: и то, что техник отмахнулся от ведьмака, и скорых послов на завод, и реакцию заводского клана, приславшего на встречу всего-навсего машиниста. Странно только, что встреча состоялась здесь, буквально на задворках. И странно, что он, ведьмак, тоже оказался в этом месте.

Но если уж повезло, нужно пользоваться.

Внизу одобрительно цокали языком.

— Красавец какой! Ты только погляди, Бонси!

— Как есть красавец! — тут же подтвердили снизу, только голос был не Бонси, а орчий. Стало быть, машинист.

И Геральт рискнул.

Он иногда действовал так, отрешаясь и как бы наблюдая за собой со стороны. Нагло, отважно и по большому счету безрассудно. Хотя если начинало везти — стоило этим пользоваться, стоило.

Бесшумно спрыгнув с крыши на зады склада, Геральт тотчас шмыгнул к углу, пригнулся и выглянул.

Тупик и колесная пара; в щель между низом платформы и рельсами видны протекторы «Князя». Ничьих ног в поле зрения нет.

Вдоль торца, на четвереньках. Вдоль приступочка...

Вот и ноги, четыре пары. Молчаливый зритель из автомобиля присоединился к своим коллегам и орку-аборигену. И стоят, как на заказ, спинами...

Бросок к платформе, контрольный взгляд... Все еще не смотрят. До «Князя» метров семь.

Ну, теперь только бы автомобиль не испугался и не шараялся ненароком.

Но у «Князя» оказались воистину княжеские нервы — ведьмака он вниманием не удостоил. Ну и ладно.

Хоронясь теперь за обтекаемым корпусом москвича, Геральт добрался до багажника. Утопил круглую кнопку, стараясь не издавать лишних звуков.

Надо же, не заперто! Лишь бы места хватило, а то не приведи жизнь багажник забит каким-нибудь барахлом.

Привстал — в багажнике наличествовало запасное колесо и картонный ящик из-под водки. Свободного места оставалось как раз для средних размеров ведьмака в походном снаряжении.

Багажник Геральт прикрыл так же тихо.

«Авантюра, — с отвращением подумал Геральт. — Чистойшей воды авантюра. Ну да ладно, авось выкручусь как-нибудь...»

Он перетянул шмотник на правый бок, чтобы не давил в спину, и замер, свернувшись калачиком. При этом он случайно толкнул ящик — там ощутимо звякнуло.

Видать, и вправду водка.

«Князь» тронулся спустя минут пять. Геральт так и рассчитывал: поговорят еще немного и двинутся. Жаль только, хоть голоса в багажник и доносились, но слов разобрать не смог даже Геральт с его ведьмачьим слухом. Хотя должен был по идее. Видать, у такой знатной машины звукоизоляция еще та. Но зато и Геральта в багажнике никто не услышит, если шевельнется ненароком или тряхнет на ухабе. Хотя, опять же, «Князя» — не тряхнет. Железно.

Едва тронулись, засек время, благо светящиеся стрелки часов увидел бы и подслеповатый бескуд, даром что в багажнике «Князя» было темнее, чем ночью в проявочной.

Одиннадцать минут сорок семь секунд. До полной остановки.

Ощутимо клацнули дверцы, раз, другой, третий.

Геральт выдержал короткую паузу, подцепил пальцем тягу запорного механизма и попробовал приоткрыть крышку багажника. Чуть-чуть, чтобы открылась лишь узенькая щель.

В поле зрения попала широкая, мощенная старомодным булыжником аллея с портретами каких-то местных воротил по краям. Метров через полста аллея венчалась круглой клумбой; дальше вставало какое-то здание, этажей не меньше чем в пять — верха Геральт сквозь щель не видел. Имелись в поле зрения и живые: два субъекта, могущих оказаться и людьми, и орками, и кем-нибудь еще, ковырялись в земле

посреди клумбы; еще трое шли по аллее. Прочь шли. В данный момент в сторону «Князя» никто не смотрел.

Геральт решительно приоткрыл крышку пошире и вывалился наружу, на миг задержавшись в полувертикальном положении. Разумеется, чтобы закрыть багажник. И, разумеется, проделал все это бесшумно.

Хорошо, когда тело все проделывает самостоятельно, почти без осознанных усилий, на рефлексах.

А в следующий миг Геральт поднялся на ноги и как ни в чем не бывало вышел из-за малонервного «Князя». Или не малонервного, а специально обученного — мало ли кого возили в этом багажнике к ближайшему карьеру или мосту? Чтобы пустить пулю в лоб, столкнуть за край и обрушить поверх несколько тонн земли с крутого склона. Или сунуть ногами в таз, полный отвердителя-мгновенки, и с этой неподъемной гирей — в воду...

Автомобили натаскивают и на это. Не реагировать на смерть живых и на их страх перед смертью, страх, который легко ощутит любая машина.

«Князь» стоял перед зданием, которое кланы обыкновенно называют заводоуправлением, а попросту — когда управой, когда белым домом, когда еще каким-нибудь едким словечком. Главарь клана неизменно селится здесь; здесь же, как правило, располагается самый лояльный к обитателям завода пропускной пункт. Примечательно, что снаружи его проницаемость не ниже, а, наоборот, выше, чем у остальных проходных.

Промах.

Геральт ожидал, что Бонси со товарищи, как предлагал орк-машинист, двинутся в цех. А приехали в управу, надо полагать, побеседовать с главарем заводчан. Ведьмаку же куда интереснее было взглянуть на цеховую технологическую ли-

нию и на доводящиеся три «изделия», о которых упоминал все тот же орк-машинист.

Конечно, разговор подручных техника с заводчанами тоже представлял интерес, но в управу посторонний человек не проникнет. Сюда и заводчане-то далеко не все за долгую жизнь попадают.

Поэтому Геральт вскользь мазнул взглядом по фасаду управления, по уже знакомой эмблеме с тремя буквами ХТЗ в ромбе и большой вычурной табличке у входа (крупная надпись «Харьковский тракторный завод» и несколько мелких), по смутно виднеющимся сквозь дверные стекла фигурам живых в вестибюле, повернулся и пошел прочь.

Его могли и окликнуть, если следили за территорией. А могли и не окликать, ведь обыкновенно так уж стеречь вход в управу изнутри не нужно. Снаружи — дело другое. В общем, баш на баш, как повезет.

Повезло. Снова повезло — даже странно. Обычно на каждый успех приходится пахать как проклятому, и за каждую улыбку фортуны платить травмами и увечьями, а значит — болью.

Но сегодня ведьмаку подозрительно везло. А если какое-то время подозрительно везет — жди беды.

«Так, — думал Геральт, — главное — не злоупотребить... Главное — не злоупотребить...»

Живые на клумбе, оба просто люди, при его приближении разогнули сутулые спины, поглазели несколько секунд, а потом дружно поклонились. Два продолговатых ящика, стоящих тут же, на клумбе, наполнились саженцами каких-то цветов или кустиков. Ботаникой, в общем. Полклумбы уже было засажено, а у ног трудяг-садовников стоял третий ящик, полупустой.

— В каком цехе доводка? — спросил Геральт так, будто имел право спрашивать.

— В сорок третьем, уважаемый, — тотчас ответили оба, хором.

— Вон в том, — добавил один и указал рукой, в каком именно.

Геральт поглядел — это был единственный цех в поле зрения, который выглядел действующим: дымки из труб, вспышки сварки в окнах, въезжающие в многочисленные ворота вагонетки... Можно было и не спрашивать.

Величаво кивнув, ведьмак зашагал в указанном направлении.

Молча.

Ведь те, кто имеет право спрашивать, обыкновенно теряют способность благодарить. Разве что кивнуть — чуточку снисходительно, но все равно с нескрываемым чувством собственного превосходства.

Обычное дело. Сплошь и рядом.

Не успел Геральт дошагать до цеха, как понял: все плохо. Везение, видать, поструилось и иссякло.

Его заметили издали. Подпустили поближе, а потом у ворот, в которые только что въезжали вагонетки, появились живые; и в них легко угадывались отнюдь не работяги вроде давешних садовников, а тертые и тренированные боевики. Причем и явные заводчане из местного клана (Геральт таких за версту распознал бы), и из свиты техника. Вторые — при костюмах, при галстуках и с легкими припухлостями в области подмышек.

Геральт зыркнул назад: один из садовников держал руку у уха. Не иначе, с кем-то говорил по мобильнику.

Вот тебе и везение, ведьмак.

Он рванулся влево, потому что знал: по меньшей мере в одиннадцати минутах неторопливой езды на «Князе» — граница. Система, полоса и стена с колючкой по верху. А как далеко завод простирался в иных направлениях, Геральт

представлял плохо. Бежать, конечно, придется дольше, чем одиннадцать минут, да и то лишь если позволят.

Охрана бросилась наперерез, беспорядочной стайкой. Все, и заводчане с ружьями, и свита техника. Уже вооруженная пистолетами, которых еще миг назад ни у кого в руках не было. Некоторые второй рукой умудрялись будить мобильники (или рации) и куда-то звонить.

Впрочем, почему куда-то? За помощью, конечно.

Геральт успел пробежать метров двести, когда позади еле слышно заурчал автомобильный двигатель. Но зато впереди, совсем близко, вставал цех — мертвый и безжизненный. Ни отсвета в пыльных окнах, поделенных на квадратики мелких оконеч, ни дымка над плоской крышей, ни единых открытых ворот.

И, что в данный момент радостно, — ни души.

От бегущих Геральт оторвался шагов на полста. Все-таки у тех дистанция была самую малость длиннее. Ненамного, но сейчас-то счет шел на вдохи-выдохи. От «Князя», который и по заводскому бездорожью честно выжал свою сотню за десяток секунд, ведьмак оторвался меньше. В основном ввиду того, что «Князю» пришлось подруливать на старте, почти разворачиваться.

За пару шагов до стены Геральт прыгнул, уцепился за криво торчащую из кладки арматуру (ясное дело, замеченную еще на бегу), подтянулся, ударил правой ногой о кирпич, описал коротенький полукруг справа налево и с хрустом ушел в окно.

Голову и незащищенную перчаткой руку посеколо осколками, но худшим оказалось не это. Приземляться пришлось на спящий неведомо сколько лет фрезерный станок, а это — если кто не знает — поразительно изобилующая металлическими выступами и неровностями хреновина.

Ушибив колено, ведьмаку все же удалось в каком-то немыслимом кульбите не обрушиться на станок всем весом, а оттолкнуться и со слабым намеком на мягкость срикошеть в сторону.

Прямо на стол с фрезами, заготовками, причудливой формы металлическими деталями, беспорядочно сметая все это на пол и производя жуткий грохот. Вдобавок погоня снаружи принялась швырять в окно камнями и железками — вышибали осколки стекол, чтоб пролезать было безопаснее.

Станок спросонья заверещал приводом. Включился, стало быть. Бешено завращалась фреза. И как раз в этот миг самый резвый и неосмотрительный из преследователей сиганул в окно. Почему-то тоже не глядя. Ногой он угодил под фрезу, верещание станка перешло в утробное хлюпание, и бедолагу мгновенно разодрало от паха и выше. Только Геральт этого не видел. Он уже удирал прочь по проходу между рядами станков, проходу, уходящему, казалось, в самую бесконечность. Глаза заливала кровь из порезов на лысине, но ведьмак чуял по запаху: позади крови пролилось гораздо больше. Станок снова верещал, но глуше, чем раньше. Просыпались и другие станки, повсюду вспыхивал свет, и Геральту вдруг вспомнилась злополучная скадовская дискотека с ее мигающими фонарями и стробоскопами, за миг до атаки дикого грузовика, которого отслеживали от самой Одессы, а он все уходил и уходил, раз за разом, не наводя ужас на все побережье только потому, что умудрялся обгонять молву о себе.

Заминкой у окна Геральт не обольщался: там задержались лишь некоторые преследователи. Остальные окружают, перекрывают ближние и дальние выходы, окна, каждую щель. Если не успеть пронзить здание насквозь, неизбежно обложат, как тот самый грузовик в Скадовске. Где-то за станками уже гремели отворяемые ворота и чуть слышно рабо-

тал ухоженный двигатель рвущегося внутрь «Князя». Геральт ощущал даже не звук, а вибрацию. Вот уже и фары полыхнули. Правильно, в цехе изначально было темно, жертву надеялись ослепить. Но теперь уже не темно, хотя пыль на светильниках яркости, безусловно, поубавила.

Словно застуканный посреди обеденного стола таракан, готовый юркнуть в любую щель, ведьмак без раздумий пнул дверь с надписью «Котельная».

Лестничная клетка. Куда бежать? Вверх? Вниз? Вверх крыша, а летать даже ведьмаки не умеют. А вот внизу, в подвалах... Тот, кто иногда спит в компании крыс, и сам немножко крыса.

Значит, вниз.

Снова дверь. Узкий коридор, поворот, другой, тесный зал с ржавыми котлами, под ногами хрустит шлак, лопата какая-то дурацкая валяется... К стене прижимается квадратная кирпичная будочка, похожая на неправдоподобно высокий сортир, обшарпанный потолок нависает, под самым потолком толстые, одетые в рубашку из толи трубы. В будочке — косо уводящий еще ниже люк, в котором видна вода, противная, тухлая, стоячая, подернутая сплошной склизкой пленкой. Зеленоватой, как жабыя кожа. И — дробный нетерпеливый топот на лестнице.

Что ж делать-то?

Ведьмак развернулся; под ботинок снова подвернулась лопата, только на этот раз без черенка, лишь металлическая часть, забытая кем-то у уводящего на затопленный ярус люка.

Далее ведьмак действовал снова как в тумане, будто глядя на себя со стороны. Время услужливо растянулось и даже топот на лестнице стал реже и глуше.

Лопату Геральт швырнул в люк, стараясь, чтобы упала плашмя. Та медленно спланировала, кулькнула и затонула, устроив такой желанный разрыв в нетронутой пленке на воде.

А сам ведьмак через силу взобрался на будочку, ломая ногти на незащищенной руке. Взобрался, подпрыгнул, в который раз подтянулся, втиснулся в узкую щель между трубами и потолком, поерзал и затих. Унять бы дыхание раньше, чем кто-нибудь подоспеет...

Снизу свое предполагаемое убежище Геральт, понятно, не успел особо рассмотреть. Но по идее с пола его не разглядишь. Могут, конечно, на крышу будочки заглянуть, но и оттуда не должны бы. Разве что следы в пыли остались... А они остались.

Геральт выглянул: даже он, ведьмак, после яркого света снаружи, после тусклого света в цехе, — даже он с трудом различил собственные следы.

Но назад пути все равно уже нет.

А вот и погоня. Галдят, суетятся... Это, верно, заводчане. Костюмно-галстучная гвардия техника Римаса попусту шуметь не станет.

— Вы — туда, вы — туда! Даник, в котлы загляни, — властно распоряжался кто-то. — Там что?

— Уголь!

Шаги. Ржавый скрип, должно быть, заслонку котла отворили.

Шаги, шаги, повсюду шаги.

— Здесь! — рывкнул кто-то. — В воду ушел, гад!

Шаги резво стянулись к будочке. Некоторое время исследователи созерцали место, где затонула лопата, так вовремя подвернувшаяся под ногу. Если бы не она — пришлось бы расстаться с верным рюкзачком и всем его содержимым...

— Что там? — спросил властный.

— А хрен его знает, — отозвался кто-то из местных, хрипатый, прокуренный.

— Полезай!

— Туда?

В вопросе — ужас. .

— Погоди, — вмешался кто-то. — Нет там выхода, либо вынырнет, либо утонет.

— Точно нет?

— Точно. Мы кабель намереди за цехом вытаскивали, так снаружи колодцы сухие. .

— Колодцы, может, и сухие... Думаешь, тут каждая ямка с этой лужей сообщается?

— Воду явно из отопительной системы стравили. И она не ушла, вся тут и стоит.

— И не высохла?

— Сам погляди.

Голоса прервались, и в недолгой тишине отчетливо тюкнула упавшая капля воды.

— Ладно, подождем. А вы пока обшарьте все тут... На всякий случай...

«Только не на будочку!» — мысленно взмолился Геральт.

Но на будочку погоне заглядывать не потребовалось.

— Вон он! — послышался звонкий голос, не то девичий, не то мальчишечий.

Геральт мигом повернул голову в нужную сторону. Неужели его все-таки видно?

На ближнем котле, куда погоня заглянуть просто не успела, стояла чумазая девушка в полукомбинезоне с лямками и указывала прямо на ведьмака.

Снизу его действительно не было видно. Снизу, но не с высокого котла.

Раздумывать Геральт не стал. Шорхнув рюкзачком по близкому потолку, выдрался из щели, прыгнул в свои же следы на крыше будочки, заорал с отчаяния и с полушага сиганул через сухую пропасть, которая отделяла его от ржавого котла...

И преодолел эту пропасть. Погоня изумленно наблюдала снизу, никто даже не выстрелил.

Дуру-девчонку Геральт смел с дороги обыкновенной оплеухой. Перескочил на второй котел и лишь тогда охранники опомнились. Кто-то выстрелил — сначала от входа в котельную, а потом и остальные принялись палить как оглашенные. Да только Геральт успел уже допрыгать до основания толстой кирпичной трубы и спрятаться за ней. Полетела обильная красная крошка.

Из тупика между трубой и схождением двух стен ему открылся невидимый более ниоткуда лаз. В трубу.

Зачем печникам и кочегарам бывает нужно побывать в трубе?

Правильно, чтобы трубу прочистить. А значит, внутри должна быть лестница — скобы какие-нибудь в стене, ступени.

Преследователи уже гремели ботинками по котлам.

Задержать бы их...

Задержим.

Единым движением свободной от перчатки руки Геральт освободил пристегнутую к боку помповуху. Высунулся и выстрелил в самого проворного, прямо в грудь. Того отшвырнуло на менее проворных. Словно доминошки попадали, когда одну кто-то ненароком толкнул...

На какое-то время они попрячутся, нет сомнений.

В трубе и впрямь нашлась лестница из металлических скоб! Внутри трубы!

Даже с помповухой наперевес, которую некогда было пристегивать, к далекому светлому пятнышку над головой ведьмак едва ли не взлетел.

Труба возвышалась над кровлей цеха метров на пять. Как раз когда Геральт перебросил одну ногу через край, слабенький свет, что пробивался внизу через лаз, кто-то заслонил.

Заглянул то бишь. Пальнув для острстки еще разок, чтоб не особо висели на пятках, ведьмак сиганул на крышу. В трубе бесновалось не желающее затихать эхо выстрела.

В полете ведьмак заметил, что совсем рядом с цехом поползают уже знакомый локомотивчик и новенький кран на прицепе.

«Не пойму, — успел подумать Геральт, — везет мне сегодня или не везет?»

И кубарем покатился по крыше. Разумеется, в нужном направлении. Тело ныло, но встал ведьмак с очередного куврыка и, не замедляясь, помчался к краю крыши.

До крана было даже ближе, чем от будочки до котла. Кто-то из наружного охранения бестолково пальнул в небо, а Геральт, из последних уже сил, обезьяной перемахнул с крана на крышу локомотива, ворвался в кабину, наставил на ошарашенного орка ружье и ласково приказал:

— Жми, милый!

Тот поднажал, ибо спорить с аргументами нежданного гостя машинисту было попросту нечем. А может, и было чем, да не под рукой оружие, а тут ствол тебя буравит, да такой здоровенный ствол, что хрущ залетит, как в дупло...

Незадолго до тупика — не то того самого, у склада, где вся сегодняшняя чехарда и началась, не то с виду неотличимого — Геральт велел машинисту прыгать. И даже помог. Ощутимым пинком под тощий зад. На этот раз к тупику локомотив вырулил первым, с разгону сшиб легкую полосатую поперечину, испуганно завывая, взрыхлил холмик земли, прогрохотал по асфальту...

И прорвал-таки первую преграду, проволоку-колючку, намертво застряв лишь на взрыхленной полосе у самой стены.

Перепрыгнуть стену со лба чуть накренившегося локомотива смог бы и не ведьмак.

Так или иначе, с территории завода удалось убраться.

Все-таки это был именно тот склад и тот тупичок. Чуть в стороне чернел при дороге обугленный остов «Деснухи», виднелась безобразная просека; группа зевак, живых пятнадцать, как раз осматривала ее минуту назад. Но теперь все глядели в сторону ведьмака.

Наверное, он неважно выглядел, с окровавленной головой, перепачканный разной дрянью, с ружьем в руках. И еще нужно было успеть скрыться в глубине квартала, пока не подоспеют стрелки из-за стены.

Он успел. Как успевал всегда и везде.

Потому что был ведьмаком.

Техник Римас появился ближе к вечеру, когда уже стемнело.

Семен и Сход Развалыч дневное появление ведьмака встретили со сдержанным ошеломлением, которое, впрочем, быстро прошло. Раны и порезы помогли промыть и попшикать на них из целебного ведьмачьего баллончика, который Геральт извлек из своего рюкзака. Одежду почистили при помощи местной щетки и порошка «Сухая стирка», за которым Семен мигом сгонял в ближайший магазин.

У Сход Развалыча давно сложилось впечатление, что в ведьмачьем рюкзаке-шмотнике размером не больше детского портфеля помещается гораздо больше всякой всячины, чем можно предположить с первого взгляда.

Так оно, несомненно, и было.

Приведя себя в относительно божеский вид, ведьмак жадно проглотил приготовленный Сход Развалычем обед и завалился отдыхать.

А вечером, в медленно льющихся к небу сумерках, у ворот в гаражи стало светло от галогенных фар.

К пятакчу перед боксом и надстройкой, где обитал старый кобольд, один за одним подруливали автомобили. И какие! «Князи», «Даймлеры», «Фринзы» и даже один несуразно длинный «Линкольн». Небось этого автомонстра специально выписывали из-за океана, из Большого Нью-Йорка. Киевских автомобилей не было ни единого.

Заклацали отворяемые дверцы, из машин слаженно полезла свита. Все как на подбор — мордастые, крутоплечие, настоящие гренадеры. Потом и технику дверцу услужливо отворили. Будто он сам не мог...

Геральт предупредительно вышел из комнаты, где валялся на стопке матрасов, но спускаться с приступочка не стал. Облокотился на перильца и с интересом воззрился на технарскую делегацию.

Техник в упор глядел на него снизу вверх, при этом ничуть не тушуясь.

— Что это у тебя с головой, ведьмак? — жестко спросил техник. — А?

Геральт был сама невозмутимость:

— Порезался, когда брился.

Техник сжал челюсти, поиграл желваками. Невозмутимость Геральта его, понятно, злила.

— Послушай, ведьмак. Или я не предупреждал тебя? Держись подальше от меня! От моих дел! И от завода! Предупреждал?

Геральт возражать и не думал — согласно кивнул, но ничего не сказал.

— И что ты устроил сегодня на хэ-тэ-зэ? — заорал техник. — Четыре труп! Локомотив изувечил! Станки в десятом цехе до сих пор с ума сходят, половину техники на себя деретянули! Шагнуш тодд, ведьмак, тебя нужно просто пристрелить!

— Попробуй, — предложил Геральт, и на этот раз в голосе его прозвучала неприкрытая угроза. — Как долго ты после этого надеешься прожить?

Техник снова сердито сжал челюсти, потом выдохнул:

— Убирайся отсюда! Чтоб духу твоего ближе ста километров к хэ-тэ-зэ не осталось! Сейчас же собирай манатки и убирайся!

Неожиданно Геральт вновь стал спокойным, сдержанным и даже слегка скучающим. Разве что не зевал.

— Согласно президентскому соглашению за номером ноль-шесть бис от известной тебе даты, ведьмаки вольны находиться там, где посчитают нужным. Даже на частных территориях. Так что я останусь, как бы тебе ни было противно, техник.

С минуту перед боксами царило молчание, потом техник порывисто запахнул в плащ и отошел к лимузину. Уже перед призывно отворенной дверцей он задержался и предупредил:

— Сегодня тебе удалось сберечь свою поганую шкуру, отродье. Но и на таких, как ты, находится пуля. Так что лучше убирайся сам. Живым.

— Я не живой. Я ведьмак, — уточнил Геральт.

И все. На том беседа завершилась; техник со своими гориллами уехал, Геральт проводил их задумчивым взглядом, а потом незамедлительно принялся складывать свой безразмерный рюкзачок. Ноутбук упаковал, ружье почистил... И все молча.

Семен Береста и Сход Развалыч тоже молча наблюдали за его манипуляциями. Орк то и дело бросал тревожно-удивленные взгляды на кобольда, словно спрашивая: «Как же так? Неужели испугался? Неужели и впрямь уйдет?» Но Сход Развалыч жестами велел Семену не вступать. И тот не вступал.

— Сход Развалыч! Семен! — обратился к ним Геральт, полностью экипировавшись и встав у самых дверей.

На мгновение стало совсем тихо, лишь еле слышно скрежетал недавно поставленный на горелку чайник.

— Я ухожу. Сами видели... Здоровье дороже. В общем, прощайте. Если кто спросит — ведьмак поехал на юг. Спасибо за кров и пищу...

Он повернулся, открыл дверь и канул в темноту.

Семен потерянно уставился на Сход Развалыча.

— Он правильно поступает, Семен, — отводя глаза в сторону, сказал кобольд. — Останься ведьмак здесь, техник Римас не преминет подослать своих отморожков с автоматами. А то и с гексогеном, наш техник способен, ты ведь знаешь. А оно нам надо? Да и на заводе сейчас такой гадючник, прости жизнь...

Тут орка внезапно озарило:

— А мне кажется, Сход Развалыч, что ведьмак ушел просто для отвода глаз. Он вернется.

— Плохо ты знаешь ведьмаков, Семен... Он ушел навсегда. Ему ведь никто не заплатил. А ведьмаки не рискуют жизнью даром.

— Почему же он не ушел еще при технике? Гордость, что ли, не позволила?

— А хоть бы и так!

Но орк продолжал широко улыбаться:

— Нет, Развалыч, не убеждай меня. Он мрачный, но он не сволочь, какой пытается себя выставить. Вернется. Я, может, и плохо знаю ведьмаков. Зато ты знаешь хорошо, только молчишь. Так что я подожду. Поживу тут у тебя, ладно? Если что — подброшу куда надо и все такое. Ладно?

Краснолицый кобольд не ответил. Только по-старчески сторбился и протянул Семену ключ от соседней комнатенки с матрасами.

Чайник как раз закипал.

* * *

В эту ночь и еще две ночи подряд было тихо. Ну разве если не считать обычных заводских шумов, которые к гаражам доносились испокон. А вот на четвертую...

Семен и Сход Развалыч уже спали, в разных комнатах. Кобольд на излюбленном диванчике, орк на стопке матрасов. Как раз в ту самую пору, когда уgomонились даже самые оголтелые гуляки, но еще не поднялись наиболее работающие жаворонки. Часа в четыре.

Громыкнуло так, что жалобно задребезжали оконные стекла, а со стола упала и вдребезги разбилась любимая чашка Сход Развалыча. Которая со щербинкой.

Орк и Кобольд выскочили из комнат почти одновременно, накинув на плечи что под руку попало: а именно бушлат и одеяло.

Они видели, как в окнах многоэтажек за оврагом вспыхивает свет. Не во всех окнах, конечно, но во многих. Очень скоро дома стали ясно видны издалека. В овраге зловеще рдело странное блеклое сияние, похожее скорее не на открытый огонь, а на огромный тлеющий уголек. И вдруг в самом центре этого приглушенно-алого пятна сгустилась ослепительно яркая точка, и когда смотреть на нее стало попросту невозможно, на волю вырвался яркий-преяркий луч, на миг связавший пятно с ближайшей многоэтажкой. Луч моментально исчез, а у подножия многоэтажки вспухло черно-красное облако и спустя пару секунд с запозданием громыкнуло вторично. Снова задрожали стекла.

А еще спустя пару секунд Семен и Сход Развалыч с ужасом поняли, что многоэтажка, похожая на украшенную огоньками огромную свечу, медленно-медленно проседает, одновременно отклоняясь от вертикали. Движение ее все убыстрялось, облако словно пожирало дом снизу.

И дом рухнул, взметнув гигантский сноп искр, почему-то не красных, а мертвенно-синих, как звезды на ночном небе. Снова с запозданием пришел звук падения, но после звука взрыва он едва ли мог впечатлить.

— Шагнуш тодд! — почти одновременно выдохнули орк и кобольд.

Внезапно рдение в овраге пропало. Погасло враз, словно кто-то неведомый повернул условный выключатель. А потом из оврага что-то взлетело. Что-то темное и продолговатое, обозначенное лишь зеленым огоньком по носу и двумя красными — по срезу хвоста. И звук оно произвело странный, словно неведомый кто-то смачно провел картоном по белой стене.

Ш-ш-ш-ш-ши-и-и-их-х-х-х-х!

Оно пронеслось чуть ли не над головами; в этот момент Сход Развалыч сообразил, что спросонья слышал такой же звук, но поскольку звук был негромким и не казался угрожающим, кобольд так и не проснулся. У Семена выпытывать было бесполезно — проснуться орк мог разве что от грохота, который его, собственно, вскоре и разбудил. Ну или от стука в стекло машины мог проснуться, но когда спишь в машине — это особая статья.

Сомнительно, чтобы в окрестностях в эту ночь кто-нибудь еще спал.

С трудом дождавшись рассвета, Семен и Сход Развалыч влезли в «Хортицу» и помчались за овраг.

Два крайних дома жилмассива обратились в жалкие обломки. Вокруг было не протолкнуться от зевак; несколько красных пожарных машин жались поодаль. Все, что они могли потушить, уже было потушено. Завывая сиренами, то и дело прибывали и уносились белые и желтые автобусики «скорой помощи». На развалинах копошились живые из муниципальной страж-команды, из волостной дружины и

несколько неопознанных, видимо, добровольцев. Угрюмый невыспавшийся вирг в мундире дружинника пытался выставить оцепление; из толпы кто-то зло орал: «А где губернатор? Губернатор где?» Толпа то, казалось, готова была смять жидкое оцепление, то вдруг соизволяла нехотя отхлынуть. Пухлый муниципал-половинчик, периодически кашляя в кулак, требовал по мобильнику хотя бы один экскаватор, хотя бы один бульдозер и сколько возможно самосвалов. В толпе много где слышались женский плач и завывания, особенно когда из-под развалин удавалось извлечь кого-нибудь из пострадавших.

Пахло бедой.

Сход Развалыч и Семен, угрюмо переглянувшись, попытались подойти поближе, но ввинтиться в плотную толпу зевак и сочувствующих было не так-то просто. То и дело приезжал кто-нибудь из непростых: наблюдатель от Центра (худой, будто жердь, эльф, как и все эльфы категорически неопределенного возраста), техник Донецка, неведомо как оказавшийся тут (вальяжный гном в умопомрачительном костюме-тройке; вместе с окладистой угольно-черной бородищей костюм смотрелся феноменально), официальный представитель президента (метис-полуэльф, безликий, как и все прихвостни из президентского окружения). Все эти важные персоны находились на месте нападения очень недолго, от обращений к живым воздерживались, с угрюмым техником из киноцентра перебрасывались буквально парой слов и вскорости уезжали. Потом прикатили заводчане во главе со здоровенным черным орком, одетым в цветные шелка. Эти просто тихо принялись выжидать в сторонке, даже не выходя из автомобилей. Их побаивались — местные живые явно старались оказаться подальше от заводчан.

Часов в десять утра показался губернаторский лимузин с флажками на капоте и, понятно, соответствующей свитой.

Губернатора, как ни странно — человека, быстро ввели в курс дела расторопные субъекты сплошь в темных очках и с бэджами на пиджаках, после чего губернатор уже было собрался обратиться к толпе.

Но тут появился ведьмак. Геральт.

Странно, но лысина его выглядела как новенькая — никаких следов от порезов, никаких свежезатянутых шрамов. Гладкая загорелая кожа и татуировка во всей красе. Зато одежда хранила однозначные следы недавних передряг, хотя была тщательно вычищена и отстирана, да и портной явно над нею постарался. Заштопал все что полагалось.

Ведьмак перехватил губернатора на полпути к переносному помосту для речей; помост только что установили все те же субъекты с бэджами и в темных очках.

— Господин губернатор? — обратился ведьмак, вынырнув непонятно откуда.

Семен Береста немедленно заехал Сход Развалычу локтем в бок и восторженно подмигнул с видом: «Ну? Что я говорил?»

— Да? — отозвался губернатор, приостанавливаясь. Парочка его охранников тут же приготовилась взять ведьмака за шиворот.

— Если вас интересует реальная информация о произошедшем, выслушайте меня.

— А кто вы такой?

— Свидетель.

Губернатор явно колебался. С одной стороны, собеседник выглядел странновато. С другой — в подобных случаях никакая информация не бывает лишней.

Любопытство и осмотрительность все же победили. Да и к тому же лощеный советник по левую руку еле заметно кивнул в ответ на вопросительный взгляд губернатора.

— Говорите, только коротко, — предложили ведьмаку.

— Я думаю, не стоит это делать здесь, где достаточно посторонних ушей.

— Даже так?

— Именно так.

— Хорошо. — Губернатор держался неплохо. — Прошу в мою машину. Приношу извинения, но вас прежде обыщут. Сами понимаете...

— Я не в претензии. — Ведьмак пожал плечами и отдал ребятам с бэджами ружье, два ножа и выдавший виды рюкзачок. — Больше у меня ничего нет.

Перед губернатором предупредительно распахнули дверцу лимузина. Ведьмака тщательно и профессионально обшарили.

Разговор не затянулся. Уже спустя несколько минут дверца снова открылась и ведьмака чуть ли не вытолкали наружу. Ружье и рюкзачок вернули только после того, как он отошел на приличное расстояние. Губернатор тем временем отправился толкать речь перед местными живыми и зеваками из окрестностей.

Геральт, храня на лице непроницаемое выражение, шагнул прямо к джипу, рядом с которым ожидали Семен и Сход Развалыч.

— Привет, — невозмутимо поздоровался ведьмак, прилизившись.

Он явно заметил знакомый джип заходя, просто не подавал виду. Вполне в его духе.

— Ну, что ты ему сказал? — даже не поздоровавшись, выпалил орк.

Сход Развалыч слабо поморщился. Его, признаться, куда больше интересовал ответ губернатора. «Эх, молодость, молодость», — очень хотелось пробормотать пожилому кобольду, но он, конечно же, сдержался.

— Все сказал, — равнодушно сообщил Геральт. — Что на заводе запустили технологическую линию, что родился монстр и что причастны к этому местный техник и заводской клан.

Равнодушие его не выглядело напускным.

— И? — не терпелось Семену.

— Естественно, мне посоветовали убираться и меньше фантазировать.

— А ты? — все не унимался Семен.

— А я, как обычно, посоветовал вспомнить о ведьмаке, когда губернатору крепко припечет жопу. Так что все в порядке. Никаких отклонений от стандарта. Будем ждать.

Ведьмак умолк, а Сход Развалыч медленно-медленно обернулся к разрушенным зданиям, из-под останков которых до сих пор вынимали трупы. Над грудami покореженного бетона вилось темно-серое марево. Гарь и пыль. Спутники горя.

— Ты прав, — тихо сказал Геральт. — Истинным чудовищам незачем прятаться на заводах. Их охраняют ребята с бэджами, а возят истинных чудовищ в потрясных лимузинах. Можешь мне поверить: никто из родственников губернатора не жил в домах, которых больше нет.

После первой результативной вылазки твари Геральт почему-то перестал опасаться козней со стороны районного техника. Ведьмак вернулся вместе с Семеном и Сход Развалычем в гаражи и дни и ночи напролет просиживал перед экраном ноутбука. То по Сети шастал, то чатился с кем-то так, что клавиатура стонала, то разглядывал какие-то замысловатые топографические планы, то часами читал занудную документацию. Когда ведьмак умудрялся отоспаться — непонятно. Казалось, он вообще не спал, все неполные трое суток.

Вторую вылазку тварь сделала на проспект. Ранним утром. Невзирая на раннее утро, машин на дороге тварь покалечила изрядно. Живых погибло меньше, чем в прошлый раз, — семнадцать против ста двадцати восьми.

К месту грандиозной пробки с эпицентром из груды покоруженного металла снова собралась толпа зевак, стражкоманда муниципалитета, волостная дружина чуть ли не в полном составе... Губернатор снова приехал.

Геральт умышленно встал так, чтобы губернатор при осмотре места происшествия вынужден был пройти мимо него. Ни единого слова не было произнесено во время молчаливой дуэли на взглядах, но спутникам ведьмака, орку и кобольду, показалось, что попади меж Геральтом и губернатором ледяная глыба — она неминуемо расплавилась бы.

Толчея на проспекте снова закончилась будто бы ничем: ни на шаг к поимке твари районные власти не приблизились. Ничего нового не узнали. Что касается ведьмака, то если он и делал какие-нибудь выводы, то все равно ни с кем ими не делился.

Но уже к вечеру стало ясно, что намечаются сдвиги. Прошел слух, что в Харьков выехали Техник Большого Киева и магистр приручения с Выставки эльф Халькдафф, личность известная во всей Евразии и даже за ее пределами. Техника Семен и Сход Развалыч в этот раз так и не увидели, но зато свершился поразительный и на первый взгляд невозможный факт: после встречи с губернатором Харькова Халькдафф немедленно приехал в облюбленные кобольдом Сход Развалычем гаражи. Вместе с губернатором. И, разумеется, свитой губернатора.

Они приехали к Геральту.

Когда припыленный кортеж запрудил все пространство перед пристанищем Сход Развалыча, старый кобольд не поверил собственным глазам. Да и Семен Береста совершенно

растерялся: ему вдруг стало мучительно стыдно за свою мягкую и испачканную солидолом одежду.

Зато Геральт, казалось, только и делал, что встречал персон из заоблачных высей, из технической элиты самого Центра Большого Киева. Невзирая на то что обретаться ведьмаку чаще всего приходилось отнюдь не во дворцах — в основном по всевозможным берлогам, куда высший свет сроду не захаживал.

Халькдафф, совершенно седой, что среди эльфов редкость, покинул свой черный «Кинбурн» самостоятельно. Губернатору же дворцы снова отворяли его бесчисленные не то референты, не то охранники.

Ведьмак встречал их, как капитан на мостике: стоя на приступочке-козырьке над гаражными воротами, снисходительно прищурившись.

— Здравствуй, Геральт.

— Здравствуйте, Халькдафф.

Они поздоровались словно ровня, и даже вежливый отклик Геральта выглядел скорее как дань возрасту, нежели дань положению. Впору было округлять глаза и даже разевать рот. Магистр с Выставки и ночующий среди крыс ведьмак...

— Что здесь творится, Геральт?

— Бардак, Халькдафф.

— Рассказывай.

— Поднимайтесь.

Полчаса они беседовали в комнате Сход Развалыча; за это время Халькдафф выглянул лишь один раз, когда потребовал свой ноутбук. Когда они вышли, Сход Развалыч услышал окончание произнесенной ведьмаком фразы:

— ...любой серьезный источник техники, потому что заводских мощностей ему уже не хватает. Подстанция, электростанция, что-нибудь еще...

— Я понял, — отозвался Халькдафф, спустился к губернатору и замер в нескольких шагах от него, пристально глядя прямо в глаза первому чиновнику Харькова.

— Ну что? — поинтересовался губернатор; Сход Развалычу показалось — робко.

— Договаривайтесь. И я не советую вам торговаться, любезнейший.

Кто-кто, а эльфы, особенно старые, умеют составлять фразы из концентрированного холода. Будь Сход Развалыча на месте губернатора — точно провалился бы сквозь землю или упал бы замертво с разрывом сердца.

«Шахнуш тодд! Высокие посты — тоже не мед да патока... Никаких нервов ведь не хватит...»

— Сколько? — хмуро осведомился губернатор у ведьмака.

— Двести пятьдесят тысяч, — ответил Геральт не моргнув глазом. — Включая расходы, страховку и медобслуживание последней недели.

Губернатор, казалось, готов был задохнуться. От возмущения, ясное дело.

— С... Сколько? — переспросил он нервно.

— Двести пятьдесят, — повторил Геральт. — Кстати, торговаться вам не рекомендовано.

— Подписывай, Виктор, — велел Халькдафф. — Или не быть тебе больше победителем.

Услужливый референт (или охранник) тут же поднес и раскрыл вишневую сафьяновую папку. И ручку подал. Разумеется, «Вентал» с платиновым пером.

Договор между Харьковом и ведьмаком Геральтом был подписан спустя минуту. Губернатор сделался мрачнее грозовой тучи.

— Надеюсь, вы знаете, что ведьмаки работают только с полной предоплатой? — тактично осведомился Геральт.

Губернатор умудрился сделаться еще мрачнее, чем раньше.

— Халькдафф, где я возьму столько налички? — хмуро и почти безнадежно спросил он.

— Мне-то какая разница? — пожал плечами эльф. — Начинать нужно немедленно, времени в обрез. В следующий раз ваш гомункул может половину Харькова обратить в руины.

— Он не мой, — огрызнулся губернатор. — Он техника Римаса.

Один из советников что-то коротко шепнул губернатору на ухо. Тот выслушал, с сомнением покосился через плечо, а потом с некоторым сомнением справился у Геральта:

— А банковский чек пойдет?

Ведьмак задумчиво поглядел в небо, словно и не у него спрашивали.

— Соглашайся, Геральт, — попросил Халькдафф. — Я уверен, тебя поймут в Арзамасе.

Магистр именно просил, а не советовал, и это почему-то показалось Сход Развалычу очень важным.

— Выписывайте чек, — буркнул ведьмак.

Губернатор выписал. Даже гримасы не соорил при этом, хотя было видно, насколько ему тяжело.

— Вот так-то лучше, Виктор, — одобрительно кивнул Халькдафф. — И запомни: если ведьмак говорит, что дела плохи, значит, они действительно настолько плохи, что без ведьмака не обойтись. Запомни крепко, без этого не стать тебе настоящим... хм... правителем территории.

— Запомню, — сухо пообещал губернатор и повернулся к Геральту: — Итак, свои деньги ты получил...

— Пока только чек, — уточнил Геральт.

— Хорошо. Ты получил чек, по которому сможешь снять деньги в любое время. Изволь теперь попахать на благо Харькова. Что тебе нужно в первую очередь?

— Живые, — сказал ведьмак. — Не обязательно смышленные, но обязательно исполнительные.

— Сколько?

— Душ пятьдесят. И еще — свободный доступ на хэ-тэ-зэ, причем улаживать этот вопрос с кланом придется не мне. Присылайте живых к центральной проходной. Я отправляюсь туда немедленно.

— Подвезти? — хмуро предложил губернатор.

— Спасибо, меня подвезут, — отказался Геральт и взглянул на Семена Бересту: — Ведь подвезешь, Семен?

Орк торопливо кивнул.

— Тогда заводи.

Семен метнулся к «Хортице», услужливо распахнувшей дверцы.

«Шахнуш тодд! — подумал Семен. — Она точно считает хозяином ведьмака, а не меня!»

Через полчаса джип затормозил у проходной завода. Губернаторский лимузин уже стоял, прижавшись к тротуару; халькдаффовского «Кинбурна», напротив, видно не было. Сход Развалыч, откровенно говоря, предпочел бы обратную ситуацию. Но...

У единственной незапертой вахтерской будочки за длинным рядом вращающихся турникетов ждала ватага встречающих. Живые заводского клана, преимущественно орки. В том числе и черные. Демонстративно вооруженные, но вид имеющие довольно смирный.

— Кто из вас ведьмак? — спросил один из заводчан, делая несколько шагов вперед.

— Я, — сухо сказал Геральт.

— Нам велено помочь тебе. Провести по заводу и все такое. Приказывай.

— Где губернатор?

— Здесь, в управлении, в директорском кабинете.

— Туда можно позвонить?

— Можно. Матвей, проведи.

Геральт прошел через ближайший турникет, на миг задержался и махнул рукой в сторону Семена и Сход Развалыча:

— Эти со мной, — сказал он заводчанам, и те не возражали.

С губернатором Геральт говорил недолго, справился только, когда придут обещанные живые из вспомогательной команды. Живые прибыли минут через десять, все из волостной дружины, народ разномастный и пестрый. Люди, орки, вирги, один гоблин, несколько хольфингов, несколько половинчиков, молодой эльф, разнообразные метисы... Нормальный для Большого Киева контингент. Геральт велел всем проходить на территорию завода и строиться на асфальтовой площадке перед управлением. Дружинникам строиться было явно не впервой, заводчане же попереглядывались и безмолвно подчинились.

Минут пять Геральт объяснял, что, собственно, предстоит искать на омертвевшем заводе. Омертвевшем, потому что техник Харькова распорядился отключить хэ-тэ-зэ от всех источников техники. На огромном заводе не горела ни единая лампочка, не теплилась наука ни в едином станке. Продолжали работать лишь проводные телефоны, автомобили, локомотивы местной железки, трактора и еще электрокары с автономными источниками техники.

Договорив, Геральт скомандовал: «Пошли!» — и облава началась.

Они ничего не нашли. Ничего подозрительного, хотя обшарили огромную территорию завода до последнего закутка. Каждый цех, каждый ангар, каждый бокс. Геральт то и дело сверялся со своим ведьмачьим медальоном-датчиком,

болтающимся под курткой и рубашкой на перевитых цветных проводках.

Тщетно. Обнаружили пропасть машин, но все до единой мирные — автомобили, погрузчики, конвейеры, вагоны, станки, котлы, цеховые краны...

Ведьмак выглядел озадаченным и уставшим. Команда его тоже валилась с ног — прочесывать завод пришлось больше суток, причем темнота помехой не стала, несмотря на отсутствие техники в заводских осветительных сетях. Большинство живых неплохо видели в темноте, особенно орки. Конечно, с освещением и оркам поприятнее, поэтому, как стало смеркаться, Геральт вытребовал у губернатора несколько десятков мощных фонарей.

Не помогли фонари. Ничего не помогло. Тварь либо бесследно растворилась на территории завода, либо укрылась где-то в другом месте. Со скребущими в груди кошками Геральт велел команде отсыпаться.

В гаражи они вернулись под вечер следующего дня, уже в сумерках. А утром приехал Халькдафф.

На этот раз разговор состоялся в присутствии Сход Развалыча и Семена. То ли ничего секретного ведьмак и магистр не собирались обсуждать, то ли надеялись, что их все равно не поймут, то ли сочли пожилого кобольда и бывшего орка достойными участия в деле.

Сход Развалыч торопливо оделся, наскоро покрыл диванчик клетчатым одеялом, поставил чайник. Извинился, предложил Халькдаффу присесть и подождать. Эльф умогнулся на стуле между горелкой и столом, благосклонно махнув рукой: не переживай, мол, не суетись, все в порядке.

Геральт явился сам, Семена привел Сход Развалыч. Когда орк с кобольдом вошли — чайник как раз закипал, а ведьмак с магистром уже обсуждали вчерашний поиск.

— ...ничего не мог пропустить. На заводе его нет, это несомненно. Точнее, нет на территории и в общедоступных помещениях. Но кто поручится, что на хэ-тэ-зэ нет хронов? Я думаю, даже заводской клан знает далеко не обо всех. Впрочем, меня насторожило совсем не это.

— А что?

Сход Развалыч налил неизменного чаю, Семен высыпал из пакета в металлическую миску привезенное накануне печенье «Дорожный завтрак».

Геральт взял в руки стакан в металлическом подстаканнике — чашек на всех не хватило. Задумчиво подержал его в ладонях, грея руки. И почти нараспев пояснил:

— На заводе единственная рабочая технологическая линия. Единственная. И рождает она обыкновенные рельсовые краны, а вовсе не чудовищ.

Халькдафф отхлебнул чаю. Не поморщившись, хотя Сход Развалыч опасался, что высокопоставленный эльф останется недоволен незамысловатым питьем простого механика.

— Тварь могла родиться и не на хэ-тэ-зэ.

— А где? — возразил Геральт. — Не забывайте, она делает лишь первые шаги. Нападение на дома — ее дебютная акция. Она и забор-то преодолевать научилась лишь недавно. Нет, Халькдафф, тварь родилась именно на заводе. Мы просто не все знаем о заводе. Там наверняка есть подземные ярусы. Со своими цехами, со своими машинами. Со своими ангарами и боксами, где тварь наверняка и прячется. Нужно только получить туда доступ.

— Как?

— Надавить на заводской клан. Точнее, на их предводителя.

— Он ничего не знает о закрытых цехах, Геральт. Ты думаешь, мы этим не интересовались?

— Не знает или не говорит?

— Не знает, — мягко уточнил Халькдафф. — И я ему верю. Не потому что магистр Халькдафф такой доверчивый, отнюдь. Просто в данной ситуации Даркину выгоднее сдать припрятанные козыри, чем по-прежнему хранить их в рукаве.

— Даркин — это глава заводского клана? Попугаистый такой?

— Он самый.

— Вы давно с ним знакомы?

— Давно. И весьма тесно. В эту сторону можешь не копать, Геральт. Проблема кроется не здесь.

— Ладно. — Ведьмак кивнул и аппетитно захрустел печеньем.

А Халькдафф, улучив момент, повернулся к Сход Развалычу.

— Коллега! — обратился он (снова на равных, как к Геральту). — Я знавал одного кобольда, близкого к ведьмакам. Правда, заочно и с чужих слов. Скажите, пожалуйста, не вы ли...

— Я, — прервал Сход Развалыч; как показалось Семену Бересте — привычно и сознательно не позволяя задать вопрос полностью. — Это был я.

— Понятно, — кивнул Халькдафф. — Извините, я больше не стану расспрашивать. Просто нужно было убедиться. Сход Развалыч благодарно склонил голову.

«Шахнуш тодд! — заинтригованно ругнулся про себя Семен. — Во что же Развалыч умудрился вляпаться семьсот с гаком лет назад? Даже Халькдафф о нем слышал!!!»

Тем временем магистр снова переключил внимание на Геральта:

— Что ты намерен предпринять?

Тот пожал плечами:

— Пошастаю еще по заводу... Погляжу. Что-то ведь мы упустили. Мне ужасно жаль, но боюсь, что вплоть до очередной вылазки твари мы не много поймем.

— Установи наблюдение за периметром, — посоветовал Халькдафф. — Этим ничего не предотвратишь, но пищи для размышлений единственный свидетель вылазки даст очень много.

— Разумеется, — пообещал ведьмак. — Установлю.

Здесь ничего не изменилось — почти ничего. Только стены украсились свежими отметинами от пуль да снова выросла на поверхности воды мерзкого вида пленка.

Та самая котельная, откуда Геральт удирал от преследователей через трубу.

Ведьмак стоял у люка, ведущего на затопленный ярус. За спиной маялись четверо провожатых, орки из заводского клана.

— Говорю, нет там ничего. Просто бетонная яма под котельной. С водой яма.

— А другие входы-выходы есть?

— Нет, — замотал головой орк. — Только этот. Я еще помню, когда воды там было еле по колено. Это потом систему прорвало и вода хлестала почем зря месяца два. Тогда и здесь воды по колено было, аж котлы залило.

— Давно это случилось?

— Лет семьдесят назад. Может, восемьдесят... Не помню точно. Кажется, за пару лет до того, как Драйцеля болванкой придавило и директором стал Даркин.

Геральт угрюмо кивнул. Потом скосил глаза: сверху, на котлах, ему почудилось какое-то движение. Головы Геральт не поворачивал, поэтому неведомый наблюдатель сразу не насторожился.

— Откачать бы эту воду... — вздохнул Геральт.

— Куда? — фыркнул орк. — Ведьмак, а формул простейших не знаешь! Вода ж снова вниз потечет, а щелей в кладке и фундаменте навалом.

Геральт досадливо покачал головой; потом извлек из кармашка на поясе маленький мобильник без антенны и приложил к уху. При этом он как бы невзначай вышел из будочки с люком и приблизился к котлам. Наблюдатель, конечно же, распластался там, сверху, как лягуха на листе кувшинки. Спрятался.

— Але? — сказал Геральт в трубку и вдруг в два движения взобрался на котел. Мгновенно, как кот. Оркам вообще показалось, что ведьмак подпрыгнул и растаял в воздухе. Но он вдруг материализовался на котле, одной рукой по-прежнему прижимая к уху телефон, а второй придерживая за шиворот тщедушного чумазого живого. — Але, господин губернатор? Мне нужен акваланг. Немедленно. Баллон? Полчасового хватит. Цех? Номер не помню, тот, где фрезер недавно заводчанина зарезал. Да, в котельную. Спасибо, если можно — побыстрее.

Трубку ведьмак невозмутимо спрятал в кармашек, а добычу свою перехватил поудобнее и слегка встряхнул.

— Ба! — сказал он, вглядываясь. — Знакомое лицо!

Чумазая девушка, та самая, которая несколько дней назад выдала погоне, где прячется Геральт, испуганно тарашилась на ведьмака, даже не пытаясь освободиться. В глазах ее цвел только немой страх. И никаких намеков на надежду.

— Ну привет.

Девушку мелко трясло. Она, не отрываясь, глядела то на притороченное к боку Геральта помповое ружье, то на здоровый нож у него на поясе, как раз рядом с телефонным кармашком.

Коротким выверенным движением ведьмак столкнул пленницу на пол котельной и прыгнул сам. Девушка взвиз-

гнула, приземляясь на четвереньки, но ведьмак тут же поднял ее на ноги. Несколько мгновений внимательно изучал взглядом — лицо, одежду, угольную пыль, въевшуюся в кожу. Потом обернулся к заводчанам.

— Это у нас кто?

Разговорчивый орк охотно пояснил:

— Да дикарка местная. Тут обитает, в котельной. Мы ее как-то поймать пытались — да куда там... Она тут каждую щель знает, не то что мы.

— А зачем ее ловили? — поинтересовался Геральт.

— Как зачем? — удивился орк. — Трахнуть! Она ж девка!

Геральт снова поглядел на девчонку.

— Рановато ее трахать, пожалуй. Хотя можно, конечно. Только грязная она какая-то...

— А ее такие же грязнули и ловили. Что им грязь — они в грязи живут!

Орки довольно заржали хором. По их мнению, происходящее было очень веселым.

— Что ж ты, стерва, меня тогда выдала? — спросил Геральт и слегка встряхнул девчонку. — А?

Девчонка молчала. Только беззвучно, словно рыба, разевала рот да градом катились из глаз слезы, промывая на щеках две светлые дорожки.

— Ладно, забыли, — вздохнул Геральт. — Лучше скажи, раз ты тут каждую щель знаешь. Чудовище где прячется — видела?

Девчонка мелко затрясла головой. Отрицательно.

— А что здесь под водой? Знаешь?

Снова затрясла.

— Не знаешь... — разочарованно протянул Геральт. — Проку с тебя...

По лестнице как раз кто-то спускался — оказалось, уже доставили акваланг и синий пластиковый баллон со сжатой

дыхательной смесью. Наверное, акваланг нашелся у Даркина, у главы заводского клана. Потому что времени, чтоб привезти его, как раз хватало на автомобильный бросок от управления до цеха, не дальше.

Акваланг считался довольно сложной машинерией; во всяком случае, обращаться с аквалангами в Большом Киеве умели даже не всякие техники. Но ведьмак явно видел эту научную машинку не впервые. И удивления от такого быстрого исполнения заказа никак не выказал.

Он выпустил ворот девчонки, которая торопливо вскарабкалась на котел, метнулась куда-то к стене и пропала. На нее никто не обратил внимания.

А Геральт тем временем раздевался. Сбросил рюкзачок, отстегнул ружье. Снял куртку, штаны, ботинки — остались только просторные семейные трусы в крупный розовый цветочек. Вещи он сложил аккуратной стопочкой у ног Семена и Сход Развалыча, тихонько шепнув им: «Пригляните!» Потом надел на спину баллон, проверил загубник, поманипулировал крантиком. Какие-то малопонятные приборы, которые должно было пристегивать к рукам выше запястий, Геральт просто отсоединил и отпихнул ногой в сторону. Приладил к поясу специальный подводный нож. Маску надел на голову, но еще не на лицо, оставил на лбу. Взял протянутый Сход Развалычем фонарь. В другую руку — ласты.

Подошел к самой воде, поплевал зачем-то в маску, протер стекла изнутри и надел как положено. Потом ласты на ногах застегнул. Неуклюже ступая, подошел к воде. Брезгливо разогнал ластой пленку на поверхности.

А потом сделал окружающим ручкой и шагнул в воду.

Погрузился он с легким всплеском и сразу с головой. Светлое пятно от горящего фонаря еще некоторое время прорывалось сквозь мутную толщу, но потом свет ушел вниз

и в сторону, а в люке осталась только потревоженная темная вода.

Все смотрели на нее — и орки-заводчане, и Семен со Сход Развалычем, и даже чумахая девчонка с площадки на дальнем котле.

— Шагнуш тодд! — впечатлился разговорчивый орк. — Да меня туда под пистолетом не загнали бы!

— Что с него взять, он ведьмак, — буркнул другой. — Отродье...

Никто ему не возразил.

Лишь спустя минут десять вода в люке заволновалась и голова ведьмака показалась над поверхностью. Маска и загубник обращали лицо Геральта во что-то мистическое и страшноватое.

Он поставил погашенный фонарь на пол котельной, уперся ладонями в край люка, выпрямил руки, полуобернулся и сел, оставив ноги в воде.

Первым делом он вынул изо рта загубник и несколько раз смачно сплюнул в сторону. Потом снял маску, ласты и наконец встал.

— Ну и тьма там, шахнуш тодд! — сообщил ведьмак. — Вода мутная, фонарь совершенно до задницы. Пришлось выключить.

— И что ж ты там рассмотрел? — недоуменно спросил разговорчивый орк.

— Все, — сказал Геральт, стаскивая баллон и роняя его на пол. — Ты был прав, там просто замкнутый ярус. Хлама на дне навалом, но это не более чем хлам.

— погоди, — не унимался орк. — Как ты там без света-то? Геральт поморщился.

— Вот заладил... Я не только глазами вижу, понял? Я же мутант, отродье, как изволил выразиться твой дружок.

Хмурый орк, не так давно обозвавший Геральта отродьем, потемнел лицом — смутился. В той, разумеется, мере, в какой был на это способен.

— Да, да, и слышу я тоже получше вашего. Даже под водой. — Геральт извлек из пакета, в котором принесли акваланг, зеленое махровое полотенце и принялся брезгливо вытираться. Брезгливо, потому что вода была действительно грязная и сейчас ведьмак стал живо напоминать чумазую аборигеншу котельной. Потом, ничуть не стесняясь, Геральт снял и отжал трусы с теперь грязно-розовыми цветочками.

Ничего нового окружающие не увидели, хотя кое-кто ожидал, что у мутанта-ведьмака может оказаться что-нибудь не так, как привыкли живые.

Ведьмак оделся. Неторопливо, но при этом все равно быстро. Небрежно пнул акваланг:

— Соберите это... Вернете потом губернатору, он потребует.

И направился к лестнице, ведущей наверх. В цех.

В этот день снова ничего не нашли. Никаких следов чудища.

Уже вечером, когда Геральт заводил престарелый будильник Сход Развалыча, а сам кобольд по традиции заварил и предложил всем чаю, Семен Береста словно бы невзначай обратился к ведьмаку:

— Слышь, Геральт... А что, та девка действительно чуть не сдала тебя погоне, когда ты вернулся весь побитый?

— Почему — чуть? — удивился Геральт. — Сдала с потрохами. А «чуть» — это уже я сам себе организовал.

— И ты ее не придушил? Мне тут соплеменники с завода много понарассказали о ведьмаках. Если хоть десятая часть сих рассказов — правда, ты девку должен был убить, изнасиловать и съесть. Именно в такой последовательности.

Геральт неожиданно запрокинул голову и гулко захохотал. Потом так же внезапно умолк.

— Н-да. Сначала съесть, а потом насиловать мне было бы очень неудобно.

Ведьмак вздохнул и добавил:

— Хорошего же мнения о нас твои родичи-орки.

— И все-таки, — продолжал допытываться Семен. — Мне интересно, почему о ведьмаках ходит такая жуткая молва и почему ты вовсе не кажешься мне таким отродьем, как эта молва гласит. Объясни, почему ты ее не тронул, девчонку эту злополучную?

— Если бы я умирал с голоду и не видел другого пути выжить — я бы ее убил и съел. А вернее, даже убивать не стал бы. Отнял бы руку. На первое время хватило бы. Насиловать... Извини, я, конечно, не пай-мальчик из подольского приюта, но трупы меня как-то не возбуждают. Она и вживе-то меня не возбуждает — селедка селедкой, да вдобавок грязная, как будто живет в кочегарке. Впрочем, чего это я — она ведь и впрямь живет в кочегарке, поэтому она грязная, как ей и положено.

Ведьмак сделал паузу.

— Ты это хотел услышать? — жестко спросил он Семена. Тот вздохнул:

— Не знаю... Скажи, Геральт, а если бы ты умирал с голоду, а рядом оказалась бы не эта краля, а я? Мне бы ты тоже отнял руку?

— Можешь не сомневаться, — процедил Геральт и отвернулся.

Семену почему-то показалось, что в голосе ведьмака вдруг прорезалось слишком много цинизма. Чересчур много, до неправдоподобия. И Семену моментально расхотелось продолжать расспросы. Он насупился и уткнулся носом в чашку

с чаем, так и не заметив долгий и напряженный взгляд Сход Развалыча.

Кобольда, который подозрительно много знал о ведьмаках. Знал и молчал.

Будильник зазвонил в полтретьего ночи. За стенкой, у ведьмака. Семен вскинулся на раскладушке; проснулся и Сход Развалыч. Не прошло и десяти секунд, как в комнатушку заглянул Геральт, уже полностью одетый. Будильник он, верно, ставил просто для самоуспокоения: те же родичи-орки уверяли, что ведьмак всегда знает, который час, без всяких часов и никогда не проспит положенное время. Часы и будильник у ведьмаков в голове, причем ни то, ни другое невозможно ни сломать, ни выключить.

— Я на завод, — буркнул ведьмак. — Подкинешь до материальных ворот? Это поближе, чем к управлению...

— Конечно, подкину, — заторопился Семен, одеваясь. — А чего среди ночи-то?

— А того, что еще часик, если я все правильно рассчитал, и тварь полезет через стену. Я хочу это видеть. Причем именно с территории завода, а не снаружи.

— А не спугнешь?

— Не спугну. Главное, не опоздать.

— Все, я готов. Пошли.

— Пошли...

На этот раз Семен не задумался, на кого радостнее реагирует разбуженный джип. Похоже, машина здорово истосковалась по дорогам. Сколько ей пришлось торчать в боксе безвылазно? Это дикие имеют обыкновение шастать направо, а потерявшие хозяина впадают в тоску и меланхолию, которые заставляют одиноко коротать дни в тесных и темных каменных коробках.

Никто не выдерживает одиночества — ни живые, ни машины. Лишь чудовища.

И еще — ведьмаки.

Фары взрезали безлунную темень нежилого района. Джип, переваливаясь на неровностях дороги, катил вдоль заводского забора. Ведьмак нахохлился и застыл на переднем сиденье. Ружье он держал между колен стволом вверх, к пористой обивке салона «Хортицы».

Перед материальными воротами скупое тлел на столбе фонарь под жестяной нашлапкой, похожей на мятое канотье. Ворота, понятно, были заперты наглухо. Окно пристройки темное, дверь на проходную закрыта. Но замков дополнительных не навешено, это видно, причем сразу.

— Езжай назад, — приказал Геральт. Именно приказал. — Я долго. Наверное.

Семен кивнул, потом набрался храбрости и выпалил вослед почти уж вылезшему из машины ведьмаку:

— А можно... с тобой?

Геральт порывисто обернулся, держась рукой за полуоткрытую дверь. Кажется, он был удивлен, хотя удивление на его лице не отразилось.

— Зачем? — спросил он бесстрастно и сам же себя прервал: — Впрочем, понятно зачем.

Он замолчал, поэтому Семен осмелился повторить вопрос:

— Так что? Можно?

Ведьмак остался бесстрастен.

— Конечно же, нет.

Орк огорченно опустил взгляд и весь как-то сразу пожух, съежился, будто высохший гриб.

— Почему? — тихо и чуть-чуть жалобно спросил он.

Геральт скептически покачал головой:

— А я обязан объяснять? Прости, я спешу.

«Прости» ведьмак сказал исключительно ради проформы. Ни малейшего раскаяния или сожаления в нем не ощущалось. На чувства и желания Семена ему было откровенно наплевать и даже спиной ведьмак сумел это продемонстрировать.

Семен развернул джип, хмуро и неотрывно глядя, как Геральт приближается ко входу. Сначала орку казалось, что ведьмак постучится в дверь или в зарешеченное окно рядом. Но тот присел перед порогом на одно колено, некоторое время поковырялся в замочной скважине и толкнул дверь. Та покорно приоткрылась, и ведьмак протиснулся в темное нутро пристройки.

Досадливо втянув голову в плечи, Семен подстегнул джип педалью акселератора и сердито погнал его по разбитой дороге к гаражам.

«А Сход Развалыч мудрее меня, — подумал орк. — Даже и не просился. Или он просто лучше знает ведьмаков? Но, с другой стороны, Геральт же никогда не садился вместе со мной за руль и не учил меня водить машины...»

В маленьком зале перед парой ставших уже привычными турникетов было темно, хоть глаз коли, но Геральту это не очень мешало. Стылой серостью отдавал каменный пол под ногами, тускло-синими вертикальными штрихами обозначились вертушки турникетов, коричневой завесой казалось стекло караульной будки. Немного непривычно было, что не полнятся бордово-красным провода на стенах, но Геральт помнил: завод недавно отключен от источников техники.

Слева, из черного коридорного провала доносился приглушенный храп. Другой на месте ведьмака мог бы головой покачать или злорадно хмыкнуть.

Геральт не сделал ничего. Вместо этого он мягко перемахнул через ограду и турникеты, тем же манером вскрыл

дверь на территорию и выскользнул в вязко-темную заводскую ночь.

Обыкновенно даже ночами на заводах и фабриках не бывает тихо. Гудит где-нибудь освещение или охранка, доносится отдаленный гул компрессора, локомотив свистнет или затарахтит двигатель вздумавшего отправиться по своим делам автомобиля, застонет в цехе станок-полуночник...

Сегодня было тихо, как в могиле.

Для Геральта это был не просто образ. Минимум дважды он уже думал, что похоронен заживо. В абсолютном мраке, в тесноте обвалившегося тоннеля и вторично — в яме рядом с одесским карьером, под доброй тонной земли. В первый раз сам вывернулся и прогрызся сквозь твердокаменную породу к вентиляционной шахте, во второй раз Весемир откопал. Через двое суток. Геральт почти уже не дышал к тому времени.

Полагаясь скорее на интуицию, чем на реальные чувства (зрение вообще можно было в расчет не брать), Геральт довольно быстро добрался до памятных складов рядом с отметинами на асфальте. Здесь он совсем недавно забирался в багажник к подручным техника Римаса. Сегодня ведьмак ничего нового придумывать не стал — снова вскарабкался на козырек-навес, отполз на крышу и затаился.

Ветер гнал первые осенние холода. Ночные. Тихо завывало в близкой трещине: шифер был старый, кое-где поросший неприятным на ощупь сухим не то мхом, не то лишайником — Геральт плохо разбирался в растениях. Еле слышно пела, колыхаясь, близкая проволока заграждения. Стремительными тепло-коричневыми точками носились запоздавшие летучие мыши — голодно им стало в наступивших холодах.

Колючку, поврежденную локомотивом во время бегства Геральта с завода, уже успели восстановить, а вот курган с полосатым тупичком — не успели. Рельсы просто обрыва-

лись во взрыхленную и развороченную кучу земли со следами, которые стороннему живому мало о чем скажут.

Геральт вслушивался и всматривался во тьму. Всматривался — не глазами.

Он искал наблюдателя, одного из тех, кого по его рекомендации и приказу губернатора должны были разослать и расставить чуть ли не по всему периметру завода. Где губернатор отыщет такую прорву народу, ведьмака нимало не волновало. Хочет, чтобы больше никто не погиб, — найдет. А губернатор хочет, потому что еще парочка катастроф — и не видать ему больше губернаторского кресла. Вкупе с губернаторским особняком, губернаторской прислугой и губернаторским жалованьем, ясное дело. А кто же добровольно согласится все это потерять?

Человек, сумевший вскарабкаться на столь высокий пост, из штанов выпрыгнет, а не позволит себе упасть из-за собственной лени или нерасторопности. Отчасти и поэтому на ответственных постах с некоторых пор стали появляться короткоживущие: долгожители купились на исполнительность и пробивную силу, а что менять исполнителей придется каждые лет десять — двадцать (редко когда больше) — так то издержки, причем издержки терпимые.

Людей и терпели.

А вот и наблюдатель! Слева от себя, за ржавым (если верить доносимому ветром запаху) каркасом какой-то циклопической штуковины, ведьмак уловил слабое движение, еле заметный теплый оранжевый отсвет и почти сразу — видимый темно-серым сигаретный дымок. Запах подтвердил — раскурили дешевку без фильтра. Кажется, «Конвалию», в народе именуемую коленвалом. Видимо, за сходный вкус — солидол солидолом.

«Вот урод! — не на шутку обиделся Геральт. — Самое горячее место, а он так себя рекламирует! На всю, можно сказать, округу!»

Сие надлежало немедля пресечь. Не-мед-ля.

Геральт потихоньку спустился с козырька; длинный складской ряд отделял его при этом от беспечного наблюдателя. Прошмыгнул у торца складов, миновал площадку перед крытой рубероидом большой беседкой, открытой всем окрестным ветрам и тем не менее заросшей каким-то нахрапистым вьюном чуть не до верха. От беседки до дальнего от наблюдателя и ближнего к Геральту угла циклопического остова осталось метров сорок голого пространства, лишь кое-где усеянного рассыпным металлоломом.

Эту проплешину пришлось одолевать ползком, благо наблюдатель прятался от ветра за полуметровым уступчиком в основе каркаса. Ну а вдоль самого каркаса красться оказалось еще удобнее.

Геральт подобрался почти вплотную, с отвращением чую носом все ту же ржавчину и противный коленвал. Наблюдатель никак не реагировал, дымил себе, пряча огонек в ладони.

«Урод! — Геральт окончательно рассердился. — Придущить его, чтоб не мешал...»

Он прикрыл глаза, определяя местонахождение живого с точностью до миллиметра, запоминая, как расположены препятствия — ветхое до хрупкости ребро и Т-образный стык соседнего ребра с уступчиком. Прыгнуть нужно вон туда, в свободную щель, но в полете развернуться, потому что если не развернуться, жертва окажется точнехонько за спиной.

И ведьмак прыгнул, скрупулезно рассчитав усилие и выверив каждое движение.

Лишь когда Геральт падал на дурня-курилку, тот заметил неладное: пискнул и попробовал откатиться в сторону. Конечно же, не успел.

Геральт рубанул идиота по неожиданно тонкой шее ребром ладони, и горе-наблюдатель сразу обмяк, как пробитый азростат.

Понятно, что все это происходило не совсем беззвучно, хотя и очень тихо. Самым громким из звуков был предсмер... то есть предобморочный писк наблюдателя.

В последний момент Геральт все-таки поумерил силу и сдержал руку.

А теперь первым делом ведьмак прислушался: не всполошится ли кто? Нет ли вокруг живого или машины, могущих заинтересоваться возней у ржавого каркаса?

И, как оказалось, не зря прислушался. Вдали родился звук катящегося по рельсам поезда. Вернее, не поезда, а маленькой сцепки, потому что вагон был скорее всего лишь один. В ровный металлический звук движения вплетался рокот мотора, работающего на пониженных оборотах.

«Вовремя я...» — подумал ведьмак и вскользь взглянул на свою невольную добычу.

И едва не выругался в полный голос.

Девчонка из котельной. Снова она!

«Жаль, что не убил! Наблюдатель, шахнуш тодд!!!»

Вагон приближался, рассиживаться не осталось ни малейшего времени. Но и лезть вторично на крышу склада тоже не стоило — опасно. Геральт, матерясь в душе, отпихнул недвижимую девчонку в сторону, а сам плюхнулся на ее место.

Надо сказать, место оказалось куда перспективнее, чем представлялось с самого начала. Уступчик очень удачно скрывал Геральта от любопытных взглядов со стороны завода, а с противоположной стороны и смотреть-то было некому. Разве кто поперся бы по полосе между колючкой и стеной... А благодаря тому, что каркас лежал не перпендикулярно стене, а несколько вкось, то и за точкой, где тварь (предположительно) сигала через стену, наблюдать было очень удобно.

Геральт затих, до предела обострив все девять чувств, включая совершенно бесполезные сейчас зрение, осязание и вкус.

Локомотив с вагоном притормозил у самого торца склада, стали видны даже конец крановой стрелы и самый край железнодорожной платформы. Стрелу Геральт узнал сразу — злополучный новый кран от восстановительного поезда, единственный доросший из заложенных четырех.

«А ему-то что тут понадобилось?» — удивленно подумал Геральт.

Это место во время глобального поиска по территории ведьмак осматривал лично. По складам шастал, вокруг; упорно искал какой-нибудь схрон, подземное убежище. Ведь если тварь всегда перебирается через заводской забор в одном и том же месте, это что-нибудь да значит? Не то ли, что она просто хоронится от постороннего взгляда где-то тут, неподалеку? А кран нужен для того, чтобы, например, тварь поднять из-под земли наверх. Хотя создание такого типа и такой мощи обязано подниматься самостоятельно, но... бывают странности и похлеще.

За складами лязгнуло, раз, другой, платформа дернулась и сразу вслед за тем послышался звук отъезжающего локомотива. Локомотив явно торопился, потому что двигатель теперь работал в обычном режиме. Пару минут — и нет маленького тепловозика, растворился в бескрайней заводской ночи.

Все происходило в полной темноте, огней локомотив не включал. Однозначно это ни о чем не говорило, но наводило на мысль, что все протекает без участия живых.

А потом кран неожиданно дернулся и соскользнул с платформы. Вперед, к асфальтовой стартовой площадке со вмятинами, к стене.

Теперь лязгнуло не в пример громче и... басовитее, что ли? Не какая-то жалкая вагонная сцепка — тонны металла пришли в слаженное движение.

С некоторой оторопью Геральт глядел, как решетчатая стрела перестает быть прямой, ломается в нескольких местах, словно складная линейка-метр, как проседает вниз кабина, как оттопыриваются в стороны дверцы и борта, как выворачивается в разные стороны днище, похожее на вдруг оживший цветок и немного — на стягиваемую с руки перчатку...

Кран на глазах превращался во что-то иное. Во что-то цилиндрическое, обтекаемое и угрожающее. Металл стонал и скрежетал, но плыл, будто размякшая на жаре смола. Плыл довольно быстро.

«Оборотень! Трансформер! — оледенел Геральт. — Шагнуш тодд, действующий трансформер!!! Чтоб я сдох на месте — действующий!!!»

Еще с минуту скрежетало; потом все разом смолкло. И только тут Геральту пригодилось обычное зрение. Тварь — ибо кто это мог быть, кроме твари? — бесшумно зажгла три огонька: зеленый в носовой части, ближней к забору, и два красных в обращенном к складу хвосте. А потом на площадке коротко грохотнуло, взметнулось тусклое багровое пламя, моментально растворившись в клубе дыма, в единократном рыке утонул звук удара невидимых лап-толкателей об асфальт (Геральт ощутил, что почва под ним вздрогнула), и тварь косо взметнулась в воздух. Как исполинский механический кузнечик.

Похоже, она ослабла — не зря завод отключали от источников техники. На этот раз она задела кормой забор, сметая с кромки колючку и оставив полукруглую двухметровую щербину. На невидимой Геральту дороге в очередной раз

лязгнуло, а потом раздался вообще мало на что похожий звук, и звук этот удалялся.

Но не налево, как рассчитывал Геральт, не к проспекту. Направо. В сторону пострадавшего недавно жилмассива.

Геральт вскочил и выругался. Что не помешало ему выдернуть из кармашка мобильник.

— Халькдафф? Она прыгнула! Но пошла не к электростанции, а туда, где уже разрушила два дома! Присылай всех, жизнь заberi!!

Водворив телефон на место, ведьмак, не обращая внимания на взывшую вдали сирену и не жалея ладоней, раздвинул колючку, помогая ногой в грубом ботинке, протиснулся в щель; потом в прыжке взобрался на поврежденную стену, радуясь, что хоть на стене проволоки уже нет. Попутно он отметил, что раз воеет сирена охранной системы, значит, она независима от централизованного источника техники. Это стоило запомнить.

Трансформер успел убраться довольно далеко, Геральт его почти не слышал. Но след пока чувствовал очень отчетливо. Беда заключалась в том, что все ловушки и всех живых-охотников со всем оружием ведьмак расставил на пути к самому близкому и самому очевидному источнику техники — тепловой электростанции в шести километрах от ХТЗ. Именно там имелись мощности, способные быстро удовлетворить потребность твари в технике, в энергии.

Чего-то Геральт не учел.

Совсем рядом вдруг ослепительно вспыхнули фары; Геральт машинально заблокировал зрачки. Обычного человека эта вспышка неизбежно ослепила бы на минуту, не меньше. Ведьмак лишь недовольно прищурился и взглянул на серебристый джип «Хортица», притаившийся на обочине.

Джип взревел, ринулся с места и затормозил рядом, едва не задев гнутым бампером. Геральт рванул дверцу и молча

забрался в кресло рядом с водителем. Орк Семен Береста, хмурый, как октябрьская туча, покосился на него и энергично крутанул баранку. Джип вырулил на дорогу и понесся, не жалея трансмиссии.

— Все-таки я пригодился, — удовлетворенно заметил Семен через какое-то время.

Геральт молча вглядывался во тьму.

— Ты не мог бы открыть окно? — попросил вдруг он.

Семен с непониманием покосился на ведьмака и предложил:

— Приоткрой у себя.

— Тварь слева от нас, — раздраженно пояснил Геральт. — Я не чувствую следа через стекло.

Семен послушно опустил боковое стекло и подтянул воротник к левому уху. Ветер, понятное дело — холодный, ворвался в салон, закружил позади пластиковые пакеты, зашуршал ими. Геральт прикрыл глаза, подставив лицо ветру.

— Ага, — удовлетворенно сказал он через пару секунд.

— Что, снова на дома пошла? — сочувственно поинтересовался орк.

— Не думаю, — буркнул ведьмак. — У нее техники не хватит. Стену и ту еле перепрыгнула, сам ведь видел.

— Видел, — довольно подтвердил Семен. — Так и знал, что пригодимся мы тебе с «Хортицей»-умницей...

— Дурак, — холодно сказал Геральт. — Будь тварь в силе — прожарила бы тебя вместе с джипом, как таксюху твою...

— Ну вот, — философски, обращаясь даже не к ведьмаку, а куда-то в пространство, пожаловался Семен. — Мы его везем, а он вместо «спасибо» еще и недоволен.

— Спасибо? — Ведьмак иронически прищурил глаз. — Раз уж влез в это дело добровольно, не жди теперь благодарности, понял?

— Я и не жду... — вздохнул орк. — Куда едем-то?

— Пока — прямо.

В темноте незаметно докатили до дальней оконечности заводской территории: забор справа кончился, пошли какие-то подозрительного вида домишки без единого огонька. Слева тянулся пустырь, плавно сваливаясь в овраг, заросший ивняком. За оврагом угадывались высотные дома.

— Вдоль оврага чешет, — пробормотал Геральт. — Куда? Шагнуш тодд, я даже толком не смотрел, что в этой стороне расположено!

Вскоре дорога вильнула и вывела ко вполне пристойному шоссе. На перекрестке замерло несколько машин, меж них сновали озабоченные живые. Ближе всех стоял Халькдафф и нервно курил длинную коричневую сигарету.

Впрочем, то, что сигарета коричневая, различал только Геральт.

— Ты видел ее? — спросил эльф, отшвыривая окурок. Ведьмак даже не успел выйти из машины, только дверь открыл.

— Видел, — сухо сказал Геральт. — Это оборотень. Трансформер.

Халькдафф замер, словно нос к носу столкнулся с призраком.

— Д... Действующий? — пробормотал он недоверчиво.

— Увы. Я присутствовал при трансформации.

— А... пассивная форма?

— Кран, — зло сказал Геральт. — Кран на железнодорожной платформе! Платформу, кстати, он не использует, отстегивается...

Халькдафф схватился за голову. Чуть поодаль, боязливо сбившись в тесную кучку, ожидали губернатор с обязательной свитой из ребят при бэджах.

Семен притих в водительском кресле, затаил дыхание, вслушивался.

— Мать-земля... — Халькдафф покачался из стороны в сторону, по-прежнему обеими руками держась за голову. — Представляю, что тут вскоре начнется...

— Не наша это забота, — буркнул Геральт и обернулся к ожидающим в стороне: — Губернатор! Вы мне нужны.

Говоря это, ведьмак сбросил рюкзачок с одного плеча и ловко вынул потертый заслуженный ноутбук. Откинул крышку-матрицу, коснулся старт-сенсора, выдвинул короткую антенну, раскрыл восьмилепестковую чашу у основания антенны и дождался, пока можно будет войти в Сеть.

Ловко манипулируя одной рукой, он загрузил план Большого Киева, выставил масштабирование и впился взглядом в экран.

— Так! — выдохнул он. — Мы здесь. Вот завод... Вот массив с киноцентром, вот шоссе. Тварь направляется в эту сторону. Что ее может интересовать в ближайших районах? Вот тут, тут, тут или тут?

Все сгрудились рядом с ведьмаком, сдвинули головы, сисясь разглядеть изображение на экранчике.

— Ну, — протянул губернатор, потому что просто обязан был выдать хоть какую завалящую идею, — тут недалеко еще один завод есть...

— Дальше смотрите, — вдруг сказал кто-то стоящий позади всех, шагах в пяти. — Дальше. То, что вы ищете, — за рамкой.

Геральт порывисто обернулся, отстранив всех, кто мешал увидеть обладателя негромкого, но уверенного голоса. Семен украдкой выглянул и с изумлением опознал в говорившем Сход Развалыча.

Протиснувшись сквозь толпу, Геральт приблизился и потребовал:

— Показывай!

Кобольд послушно поманипулировал тачпедом, сдвинул план в активном окне и желтоватым заскорузлым ногтем постучал по мягкой поверхности матрицы:

— Вот...

Ведьмак, а вместе с ним и подошедший Халькдафф с ужасом и замешательством глядели на красный квадратик с молнией наверху и на притулившуюся рядом надпись:

«Змиевская АЭС».

— Шахнуш тодд! Оборотень-трансформер на атомной электростанции!!! Конец Киеву!

Халькдафф пожелтел, как тысячелетний пергамент, представляя взметнувшийся в небо огненно-дымный гриб.

Ведьмак хищно пошастал по карте, недолго, секунд двадцать.

— Хрен с ним, не придет на АЭС — только к лучшему... Где арсенал?

— Вон, — подсказал кто-то из губернаторской свиты.

— Лучшего водителя! Живо!

На бегу упаковывая ноутбук в шмотник, Геральт поспешил к указанному автомобилю — приземистому и обтекаемому полугрузовому микроавтобусу «Ворскла», машине очень редкой, скоростной и, естественно, отменно прирученной.

— Там и так лучший водитель... — с готовностью подсказал кто-то.

Геральт уже впрыгивал в салон.

— Змиевская АЭС! — рывкнул он краснощекому половинчику за рулем. — Быстро! Как можешь быстро!

— Ща, — невозмутимо пообещал половинчик, и автобус сорвался с места. При развороте Геральта едва не размазало по дверце, а потом вдавило в кресло с превышающей всякие ожидания силой. Позади, в грузовом отсеке что-то солидно гроыхало и ерзало. Присмотревшись, Геральт заметил: к ногам половинчика пристегнуты специальные подошвы-на-

кладки, потому что коротконогий шофер без них просто не доставал до педалей.

«Пятьдесят километров, — подумал Геральт. — Если успеем за двадцать пять минут — будет чудо. Хоть бы не опоздать...»

Плохо он думал о водителе и его обтекаемом собрате... Дома мелькали за окнами, сливаясь в пеструю черно-белую ленту.

Восемнадцать минут с секундами. Восемнадцать двадцать одна — и «Ворскла» затормозила у семиметровой стелы перед главным зданием и огромными металлическими воротами. Геральт немедленно выскочил и сунулся к грузовому отсеку.

— Где оружейник? — рявкнул он зычно.

— Внутри, — отвечивал невозмутимый половинчик.

Ручка, кнопка, нажатие, рывок — дверца распахнулась.

— Расчехляй! — скомандовал Геральт, отстегивая ружье и снимая рюкзачок.

Внутри обнаружился дебелый гном, естественно, заросший бороდიщей едва ли не по глаза. Темпераментом он сильно напоминал половинчика-водицу, только был еще менее разговорчив. Кивнул, сграбастал лапищей длинный темно-зеленый ящик и подтолкнул к краю, одновременно откидывая крышку и слегка опрокидывая сам ящик. В руки Геральту услужливо прыгнула толстая метровая труба с двумя ручкоятками и откидывающимся экранчиком целеуказателя.

Вторым подоспел лимузин Халькдаффа, потом, как ни странно, Семен со Сход Развалычем на гордом и очень довольном собой джипе «Хортица», и только после всех — губернаторская кавалькада.

А следом явился и трансформер.

Он внезапно вынырнул из-под моста через Донец. Словно сом из омота. До корпуса и двух ближайших куполов-

энергоблоков ему оставалось протянуть чуть меньше полукилометра.

— Боеприпас! — повелительно рявкнул Геральт и побежал.

Гном с большим плоским ящиком в руках без колебаний ринулся следом, являя собой поразительную для живых его расы резвость.

Трансформер, похожий на гигантского механического сверчка, заметил Геральта, когда отмахал треть расстояния до электростанции. Он замер, повернув к ведьмаку уродливую рогатую голову на подвижной двушарнирной шее.

— Ща плюнет! — против воли ахнул Семен и вцепился в плечо Сход Развалыча.

Орк с кобальдом да и все остальные повылезали из автомобилей и шеренгой растянулись по краю асфальта перед зданием. Облик оборотня-трансформера внушал иррациональный глубинный страх, принуждая к гулкому нытью во внезапно опустевшей груди, заставляя переминаясь с одной внезапно ослабевшей ноги на другую.

Ведьмак на полушаге упал на одно колено и как мог быстро взгромоздил трубу на плечо. Гном еще бежал, отстав метров на тридцать.

«Ш-ш-ш-ши-их-х-х-х!»

Труба плюнула огнем, но почему-то не из переднего конца, а из заднего. Зато из переднего протянулся тоненький еле заметный дымный шнур. Протянулся прямо к «сверчку».

«Пух-х!»

Взрыв не показался никому ужасным, напротив, он выглядел сущим уколom для чудовища, но тем не менее опрокинул оборотня набок. Правда, броня у того выдержала.

Гном-оружейник как раз подоспел со своей неудобной ношей. С размаху впечатал ящик в чернозем, сбил крышку,

ухватил что-то продолговатое и хвостатое, приладил к трубе... Геральт сидел почти неподвижно.

— Гтов... — пробасил гном, отшатываясь в сторону. Не назад, а именно в сторону.

«Сверчок» тем временем выровнялся и даже слегка приблизился к ведьмаку.

«Ш-ш-ш-ши-их-х-х-х!»

Вторая дымная струя уперлась в броню трансформера. Целил ведьмак, похоже, в грудь, туда, где шея соединялась с массивным туловом.

Взрыв. Заминка у твари, перезарядка у гнома с ведьмаком...

«Ш-ш-ш-ши-их-х-х-х!»

В ящике оказалось четыре ракеты плюс одною изначально было снаряжено чудовищное оружие в ведьмачьих руках. Ни единого промаха ведьмак не допустил. И все же не смог пробить броню оборотня.

Второй ящик с ракетами призывно выставял бок из багажника «Ворсклы»; Семен уже хотел, преодолевая морозную оторопь, хватать его и мчаться на помощь ведьмаку, но тут трансформер неожиданно развернулся и быстро двинулся прочь, к реке. Исчез он снова под мостом, по которому пяток минут назад промчались все стоящие перед АЭС машины.

Шеренга зрителей с чувством облегчения выдохнула, чуть вразнобой, как зрители на ярмарочном шоу.

— Испугался!

Халькдафф утирал совершенно сухой лоб, словно человек-однодневка, а не тысячелетний эльф.

Ведьмак уже бросил трубу и со всех ног неся назад, к автомобилям. Ничего никому не объясняя, он обогнул «Ворсклу» сзади, попутно захлопнув дверцу багажного отсека, и вторично за эту ночь плюхнулся в кресло рядом с невозму-

тимым («незворушным» на собственном наречии) половинчиком.

— За ним!

Стремительный автобус развернулся (Геральта опять шмякнуло о дверь) и рванулся к мосту. Уже через минуту, благо домишки вдоль дороги попадались сплошь низенькие, одноэтажные, они заметили оборотня: тот, неожиданно быстро перебирая короткой группой лап, тянул по боковой улочке от излучины Донца, по касательной к дороге. Презрев скорость, Геральт выбрался из кресла и на четвереньках прополз назад, в багажник. Там он нашарил у стены оставленную помповуху, схватил ее и, подняв ствол к крыше, несколько раз передернул затвор. Со звоном посыпались патроны, раскатились по отсеку.

В одном из многочисленных карманов Геральт нашарил плоский, запаянный в пластик брикетик, напоминающий упаковку крабовых палочек. Но внутри была отнюдь не безобидная закуска к пиву, до которого многие весьма охочи, и ведьмак тоже.

Восемь патронов с гранеными головками, окрашенными в кроваво-красное. Зубами вскрыв пакет, Геральт принялся торопливо, но без дрожи в руках заряжать их в свое пугающее ружье.

— Он далеко? — крикнул ведьмак шоферу.

— Метров сто, — ответил как ни в чем не бывало половинчик. — Сейчас выползет на дорогу.

Геральт прижался к правому борту и глянул в лобовое. Свет фар выхватывал из мрака пустынное шоссе, шеренгу домишек и подвижную тушу оборотня совсем рядом.

— Стой!

«Ворскла» затормозила так резко, что ведьмак не удержался на ногах и упал. Но зато когда микроавтобус встал,

Геральт с размаху толкнулся в заднюю дверь и она послушно распахнулась.

— Он нас видит, — бесстрастно сообщил половинчик, отстегнулся от кресла, открыл дверь, но наружу не полез.

«Далеко ты убежишь на своих колодках», — сердито подумал Геральт, выпрыгивая из автобуса с ружьем наготове.

Трансформер подобрался почти вплотную. Он был гораздо выше «Ворсклы», но казался больше, чем на самом деле.

Ведьмак выстрелил три раза подряд.

То, что не смогли сделать ракеты, делали чудо-патроны к ведьмачьему ружью. Они пробивали броню оборотня, но взрывались только внутри металлической туши.

Вместе с одной из коротких лап отвалился целый сегмент днища. Открылась дыра на боку. Внутри твари что-то заискрило с отчаянным треском.

Оборотень споткнулся и замер. Геральт ожидал крика, скрежета, какого-нибудь отклика на боль и увечья, но трансформер не издал ни звука. Только внутри, в паре близких к оторванной лапе узлов продолжало искрить и трещать.

И Геральт выстрелил еще трижды, метя в пробойны. Теперь разрывные чудо-пули проникали гораздо глубже в тело трансформера, прежде чем взорваться. Ведь им не приходилось прожигать сверхпрочную броню.

Три выстрела. Больше ведьмак не успел: у головы «сверчка», как раз между рогов, стремительно сгустился алый шар, а потом по «Ворскле» шарахнул толстый алый луч. Автобус подбросило взрывом и безжалостно швырнуло через тротуар; шофер выпал на высоте метров четырех. Одежда его горела.

Геральта свалило взрывной волной, а спустя секунду там, где он стоял, пронесся, кувыкаясь, стремительный огненный болид. Охваченный пламенем бывший автобус, быстро

обращающийся в грудь обгорелого металла, пронесся грохоча и подпрыгивая, сметая всё на своем пути, словно футбольный мяч в матче с самим дьяволом.

Спиной в землю между дорогой и тротуаром, с лету, так, что на какое-то время остановилось дыхание, а глаза заволокло слезами, и ведьмак завершил короткий, как вздох, полет.

Было очень больно, казалось, что позвоночник сломан, а легкие смяты и пробиты в нескольких местах, что сердце сейчас не выдержит и разорвется, но ведь в ружье еще оставалось два чудо-патрона, а значит, нужно собраться и встать...

На нервах и железной воле ведьмак заставил себя глотнуть горячего и сухого воздуха.

Вдохнул, как наждачку проглотил.

Но встал.

Справа в развалинах торговых палаток догорал автобус, уже ничем автобус не напоминая. Слева усердно катался по кстати подвернувшейся клумбе шофер-половинчик, сквозь зубы матерясь. Одежда его уже не горела, но еще дымилась.

«Ага, проняло тебя таки, невозмутимый...» — с неожиданной смесью симпатии и злорадства подумал Геральт, попутно озираясь в поисках трансформера.

Трансформер обнаружился метрах в ста впереди. Он удирали по трассе и, прежде чем Геральт успел что-либо предпринять, свернул направо, в переулок.

От внимания ведьмака не ускользнул тот факт, что движения оборотня стали неравномерными: оборотень пошатывался, словно прихрамывал. А значит, ему досталось. Причем крепко досталось.

Обессиленно подволакивая ноги, Геральт направился к проезжей части: как раз накатывался свет мощных фар.

Лимузин Халькдаффа притормозил напротив пожарища; джип Семена и Сход Развалыча протянул чуть дальше и тоже

притормозил. Ведьмак, не раздумывая, поспешил к джипу. Сход Развалыч предупредительно пересел назад, по собственной инициативе. Благодарности от ведьмака он, разумеется, не дождался. Да и не ждал кобольд никакой благодарности.

— Жми! — велел Геральт Семену, и Семен поднажал. Джип понесся по пустынной дороге лишь немногим медленнее покойной «Ворсклы». Подавшись вперед, Геральт разглядел в зеркальце заднего вида свет галогенок лимузина. За лимузином тоже кто-то пристроился.

Хорошо, что ночью трасса пустынна. Геральт скосил глаза на спидометр — фосфоресцирующая стрелка вплотную подползала к фосфоресцирующей отметке «150».

«Полтора́ста, — подумал Геральт. — Неплохо для джипа. «Ворскла» разгонялась почти до двухсот, а уж сто семьдесят держала железно».

Ночь проноси́лась мимо, шелестя под колесами.

Геральт чуть приспустил стекло — после полученных повреждений оборотень стал оставлять густой и очевидный воздушный след. Маслянистый и чуть едкий.

«Кажется, он испугался, — решил ведьмак. — Домой спешит. На завод. Спрятаться, затаиться, зарастить раны...»

Несколько последовательных трансформаций гарантированно излечили бы тварь, свели бы поломки на нет. Но трансформации требовали много, очень много энергии, которой оборотню сейчас катастрофически не хватало. И присосаться к первому попавшемуся осветительному столбу он не мог — от столба пришлось бы заряжаться неделю, а то и больше.

Нет. Ему нужен мгновенный заряд... Но не сейчас. Сейчас трансформеру, совсем молодому и неопытному, страшно и больно. И именно сейчас его нужно постараться умертвить. Превратить в груды покореженного бессмысленного

металла, не способного себя контролировать, не способного передвигаться и, уж конечно, не способного трансформироваться.

Поворот на худую разбитую дорогу вдоль ХТЗ. След ощущается вполне четко. Даже кормовые огоньки оборотня видны далеко впереди — он чесал напрямик, спустившись от трассы к оврагу по переулку, а потом разогнавшись на пустыре. Трасса же описывала широкий полукруг, но все равно оставалась самым быстрым путем для автомобилей, хоть и не самым коротким.

Семен без усталости орудовал рулем, помогая джипу юлить среди ям и выбоин. Жалобно постанывали амортизаторы. Серебристая машина съедала расстояние, а ночь скрадывала его.

Оборотень так обессилел, что не стал даже по обыкновению прыгать через забор. Он проломился сквозь стену, словно нападающий чемпионской команды сквозь защитные заслоны аутсайдера. Пыль в свежем проломе еще не успела как следует осесть.

— В сторону! — прошипел Геральт и вывалился из машины на ходу.

Семен послушно вильнул вправо, едва не задев открытой дверцей остов сгоревшей таксюхи. А Геральт кинулся в пролом. Один. Навстречу неизбежной ярости подбитой машины, которую пытаются настичь в ее собственном логове.

Оборотень ворочался перед самой платформой, не то собираясь с силами, не то занимая подходящее для трансформации положение. Огни он уже погасил — либо энергии не хватало, либо начал трансформацию.

Взведенный до предела, опьяневший от адреналина ведьмак шел прямо на него. Не кроясь, с ружьем в руке. И с приговором в глазах.

«Эх, — с тоской подумал Геральт. — В дыры бы от красноголовок да гномьи ракеты вогнать... На части бы гадину расшматовало...»

Патроны с красной граненой пулей были достаточно мощны, чтобы прожечь броню, но слишком малы для серьезного взрывного заряда.

Зато у Геральта имелось несколько гранат. Правда, ручных. И, стало быть, в пробоины их забрасывать придется именно вручную. А оборотень все еще смертельно опасен... даже ведьмаку. Не оближет смертельным красным лучом по нехватке энергии, так просто раздавит — вон дура какая многотонная!

Тяжело перевалившись с боку на бок, трансформер окончательно развернулся кормой к платформе, головой — к бору.

И к Геральту. Уже поднявшему ружье.

Похоже, оборотня до такой степени заездили, что появление ведьмака он попросту прозевал. До самого выстрела он не пытался сопротивляться.

Выстрелов прозвучало два — кончились чудо-патроны. Еще две дырищи (кулак можно просунуть) в грудной броне да интенсивное искрение в глубинах корпуса твари.

Геральт, не теряя времени, уронил бесполезное ружье на взрыхленную землю и сдернул с пояса первую гранату. Отшвырнул в сторону кольцо...

Оборотень сделал стремительный выпад; будь на месте ведьмака кто другой — его смело бы титановой шипастой лапой. Удар такой лапы и жизнь — вещи плохо совместимые.

Но ведьмак был ведьмаком, а не кем-то другим. В последний момент он увернулся, а трансформер лишь впустую зачерпнул пустоты. А мгновение спустя первая граната влете-

ла в самую большую дыру на месте оторванной и потерянной еще у АЭС короткой лапы.

Ничтожно малый остаток времени до взрыва Геральт использовал на все сто: успел выдернуть кольцо из второй гранаты и всадить ее в соседнюю пробоину расчетливым баскетбольным крюком.

Внутри оборотня полыхнуло смертельное пламя. Раз, второй. Сдвоенный грохот, свист, скрежет раздираемого корпуса... Гранаты, по-видимому, вызвали взрыв напичканного наукой и техникой нутра твари, ее энергетического сердца.

Громыкнуло в третий раз; корпус трансформера вдруг пошел мириадам змеистых трещин, а миг спустя развалился на бесчисленное количество осколков не крупнее пятидесятикопеечной монеты. Обнажился искореженный скелет-рама с остатками тяг, сочленений, керамических схем, оплавленных, но все еще собранных в жгуты проводов...

Даже умирая, оборотень не затих — продолжал биться в конвульсиях.

Зато ведьмак лежал неподвижно, как упал — так и остался лежать без движения, и нельзя сказать, что поза его выглядела естественной.

Трансформер-сверчок дергался еще минуты три. А потом все же затих. Дернулся напоследок раз, другой, третий, все слабее и слабее, и затих окончательно. Наука улетучивалась из непостижимого создания незаметно для живого глаза, но неотвратно.

Недолго царила тишина над полем недавней схватки. В проломе скоро зашевелились фигуры парней из губернаторской свиты, Халькдафф с ассистентами, Семен со Сход Развалычем — живые оставляли на взрыхленной и во многих местах примятой полосе земли еле заметные следы. Кто-то притащил пару прожекторов, укрепил их на заборе и включил, а ведьмак продолжал неподвижно лежать в стороне.

— Добил-таки, — прокомментировал губернатор, опасно взирая из-за чужих спин на останки трансформера. — Я уж сомневаться начал, что его возможно убить.

Взгляды большинства были прикованы к поверженному чудовищу. Лишь орк-доброволец и старый кобольд поспешили к не подающему признаков жизни Геральту.

Сход Развалыч присел, осторожно коснулся ведьмачьего плеча; рука Геральта бессильно сползла на землю.

— Геральт? Ты жив? — прошептал кобольд.

Ведьмак не реагировал.

Сход Развалыч как мог осторожно перевернул его на спину — черты лица Геральта показались ему странно заострившимися.

Невдалеке уже были сирены машин волостной дружины, всюду замелькали оранжевые комбинезоны муниципальных, губернатор уже с неизъяснимо важным видом толковывал что-то рослому виргу с микрофоном в руках; двух метисов-полуэльфов — одного с любопытным до невозможности фотоаппаратом, второго с видеокамерой — дружинники без ненужных церемоний выпроваживали за пролом в заборе; из-за складов один за другим выползали синие микроавтобусы заводского клана... Пожаловал техник Римас со своими жлобами-охранниками; этот хранил на лице надменно-злое выражение, но еще злее на Римаса зыркал губернатор.

— Жив? — с нескрываемой дрожью в голосе спросил Семен Береста.

Сход Развалыч не ответил.

— Мертв? — Голос орка враз стал глухим и крохким, как ржавая жесть.

И в этот момент ведьмак судорожно согнулся, держась за живот, опрокинулся на бок и длинно закашлялся.

Напряжение медленно сползло с лица Семена; он прикрыл глаза, расслабился и протяжно вздохнул.

Откашлявшись, Геральт зло прохрипел:

— Мертв? Хренушки! Не дождетесь!

— Ну, молоток! — Семен с большой охотой пришел в восторг и старательно заулыбался.

Суета у тела мертвого трансформера стремительно разрасталась. Поначалу вплотную приближаться боялись, но постепенно смелели все больше и больше.

Геральт тоже поглядел на дело рук своих. На дело ружья своего и гранат своих. Скорчив болезненную гримасу, он протянул ладонь к толпе, но снова мучительно закашлялся.

— Нельзя, — сипел он сквозь кашель Сход Развалычу. — Нельзя так близко!

Кобольд уже собрался поручить потрепанного боем ведьмака Семену и не мешкая передать кому-нибудь — да хоть вот Халькдаффу — слова ведьмака.

Не успел. Кто-то шибко храбрый и не шибко умный догадался влезть на трансформера и встать на нем в полный рост. Полуэльфы из-за забора немедленно наострили свои объективы, коротко моргнула вспышка.

И тут вроде бы мертвый уже трансформер дернулся еще раз.

Щуплый смельчак пошатнулся, нелепо замахал руками и стал падать. Под брюхо, прямо к медленно воздетой обрубленной взрывом культе — остатку передней лапы.

Непонятно откуда у ведьмака силы взялись — тело сработало само. Забылась боль, растаяла слабость, остаток сил собрался в комок и швырнул двужильного лысого парня, так похожего на человека, вперед.

Уже в полубезнадежном прыжке Геральт узнал щуплого покорителя бока поверженного чудовища. Точнее, покори-

тельницу. Чумазую девчонку из котельной, дважды досадившую ведьмаку.

Успеть?

Не успеть?

Обрубок опускался прямо на падающую девчонку.

Ведьмак успел встретить ее в воздухе; от этого столкновения девчонка отлетела чуть в сторону и упала вне пределов досягаемости агонизирующего монстра, хотя и совсем рядом. А Геральта накрыло железом. Последней судорогой трансформера-убийцы.

Почти сразу ведьмака оттащили в сторону. За ноги. Кровь хлестала фонтаном — посмертным объятием оборотня Геральту оторвало правую руку. Выше локтя. У Семена потемнело в глазах — ему показалось, что из отороченного безобразной бахромой рукава-обрывка льет почище чем из пожарного шланга.

— Рюкзак! — отчетливо сказал Геральт; глаза его быстро стекленели.

Кто-то послушно полоснул ножом по лямкам, сдернул рюкзачок с ведьмачьих плеч, щелкнул застежками и протянул хозяину.

Геральт успел запустить руку внутрь и мертвой хваткой вцепиться в баллончик с неведомым почти никому ведьмачьим аэрозолем. И даже успел взглянуть, как Сход Развалыч, отодрав оцепеневшие пальцы ведьмака от баллончика, обильно пшикает на рану. На воздухе аэрозоль мгновенно густел, обращаясь в вязкий крем, который собирался вокруг раны темным комком, надежно залепляя ее. Кровь сразу перестала хлестать, а ведьмак блаженно улыбнулся и позволил себе потерять сознание.

Сход Развалыч перестал давить на кнопку распылителя, лишь когда из короткого расширяющегося раструба прекратил лезть «крем» и шипение стало едва слышным.

Казалось, что ведьмак, перед тем как лишиться памяти, сунул руку в большой шар сладкой ваты. Да так и упал.

Ведьмак пришел в себя ближе к следующей ночи, проспав почти пятнадцать часов кряду. Выглядел он бледным, но неожиданно бодрым для живого, которому меньше суток назад оторвало руку. После того как ведьмака со всеми мыслимыми и немислимыми осторожностями перевезли в гаражи к Сход Развалычу, кобольд был занят в основном тем, что гонял с территории зевак и вездесущих пацанов. Семен догадался позаботиться о ружье и рюкзачке Геральта: ему показалось, что ведьмак очень привязан к своим вещам, какими бы потертыми и старыми они ни казались.

Семен угадал: едва открыв глаза, Геральт окинул комнату чумовым взором, но, заметив у стены и ружье, и свой ненаглядный шмотник, сразу расслабился и даже слегка улыбнулся.

А потом попытался сесть на постели.

— Лежи! — всполошился Семен. — Ты много крови потерял!

Ведьмак только досадливо поморщился. Отмахнуться, похоже, у него не нашлось сил.

— Дай-ка рюкзачок... — выдавил он и тяжело задышал.

Семен подал.

Видно было, что каждое движение стоит ведьмаку определенных усилий, но он борется, борется за каждый отвоеванный у действительности миллиметр.

— Давай помогу. — Семен присел рядом с раненым и мягко отобрал рюкзачок. — Что нужно?

Ведьмак сдался — разжал белые, словно восковые пальцы и ответил:

— Там бульонные кубики должны быть... Особые. Добудь парочку. Кипяток есть?

— Сейчас будет... Ага, вот твои кубики. Сколько заправить?

— Два. По одному на стакан. И размешай получше.

Семен кивнул и встал. Рюкзачок вновь улегся у стены, разметав в стороны перерезанные у горловины лямки. Пока орк хлопотал у горелки, Геральт склонил лысую голову вправо и внимательно осмотрел все, что осталось от его руки.

Осталось немного: короткая, не больше ладони, культия с затвердевшим шаром аэрозоля на конце. Шар имел цвет лежального зефира. Из-под него торчали неровно отхваченные ножом остатки ткани — некогда рукав ведьмачьей куртки.

Было слышно, как Сход Развалыч ругается на приступочке с неугомонными зеваками, которых не пускали за пролом в заводской стене и которые весь день норовили устроить на заборе, опоясывающем гаражи, наблюдательные пункты. Приходилось гонять их, как ворон с элеватора.

Потом Сход Развалыч вошел. Вид сидящего Геральта его, казалось, ничуть не удивил.

— Какая сейчас ночь? Следующая? — тихо справился ведьмак.

— Да. Только не ночь еще, вечер.

— Сколько времени?

— Полдевятого.

Ведьмак слабо кивнул.

Семену очень хотелось как-нибудь подбодрить его, утешить. И орк, поставив чайник греться, нарочито громко заявил:

— Выживешь, Геральт! Кровь быстро остановили... лишь бы заражения не было. А не похоже, чтобы было.

Ведьмак поморщился:

— Ты что, лекарь?

— Нет, — беспечно отозвался Семен. — Но ведь и так видно!

— Видно, — проворчал Геральт. — Что тут видно? Хотя, ты прав, заражения действительно не будет.

Отчего ведьмак так в это верил — непонятно.

Вскоре поспел чайник. Геральт жадно, чуть ли не залпом выпил оба стакана своего особого бульона (бульон имел бурокрасный цвет), умудрился при этом не обжечься и снова лег.

— Я еще посплю, — сказал он. — Руку не трогайте, оболочку не снимайте. И никаких врачей звать не нужно, ладно? Ведьмаков никто не лечит, кроме тех же ведьмаков.

— Я знаю, Геральт, — заверил Сход Развалыч. — Не беспокойся.

«Ага, — мрачно подумал Семен. — Заманишь сюда доктора, как же... Тот скорее к подыхающей дворняге поспешит, чем к раненому ведьмаку...»

— Оставьте меня одного в комнате, если можно...

— Хорошо, ведьмак.

Кобольд и орк обменялись понимающими взглядами и направились к выходу. Скрипнула, отворяясь, дверь и в комнату на миг заглянула осенняя ночь — очередная в бесконечной, ведущей к зиме, череде.

— Семен! Сход Развалыч! — позвал вдруг ведьмак.

Оба задержались у порога и обернулись.

— Что? — спросил Семен.

— Спасибо вам.

«Ишь ты! — поразился Семен. — Я таки дождался благодарности от ведьмака!»

А Сход Развалыч не поразился. В очередной раз.

Наутро ведьмак выпил еще два стакана бульона, неловко орудуя вилкой, которую держал левой рукой, съел приготовленную Сход Развалычем яичницу с гренками. Комок на культе потемнел и вроде бы уменьшился в размерах. Ссохся, что ли? Геральт оставался бледен, но ему явно похорошело

со вчерашнего дня, а сил прибавлялось чуть ли не с каждой минутой.

Встретив очередной удивленно-недоверчивый взгляд Семена, Геральт чуть искривил губы и пояснил:

— Я живучий, Семен. Очень живучий. Потому что нежить, чудовище. Мутант, а не живой. Понятно?

— Понятно, — поспешно отозвался орк. — Ты ешь, ешь... Ведьмак снова взялся за вилку.

А у Семена не шел из головы недавний разговор: «А мне ты тоже отнимешь руку, если не останется другого выхода?» — «Отниму, можешь не сомневаться...»

Когда на злосчастную девчонку опускалась убийственная лапа трансформера, у Геральта был другой выход. Безопасный.

Не вмешиваться.

Однако он вмешался, девчонку оттолкнул и тем самым спас. Но остался без руки сам.

«Почему?» — раз за разом спрашивал себя Семен — и не находил ответа.

Орк ведь не сомневался, что ведьмак на самом деле способен отнять руку у кого угодно и съесть ее, если голодная смерть вдруг протянет костлявые длани и крепко схватит за горло — ведьмаки попадают еще и не в такие передраги. Точно способен.

Но сделает ли он это?

Теперь Семену казалось — ни за что.

Попив обязательного чаю, ведьмак угрюмо осмотрел свою одежду, как попало сваленную у продавленного дивана Сход Развалыча. Все, что осталось от куртки, было покрыто засохшей кровью и грязью. Штаны и рубашка остались более или менее целыми, но тоже были грязны до твердости. Досталось и ботинкам, но ботинки Сход Развалыч кое-как привел в пристойный вид на мойке — привязал их к металли-

ческому штырьку и окатил водой из шланга под приличным давлением. А потом просушил у компрессора в котельной.

Ведьмачью одежду стирать было бессмысленно — Сход Развалыч не выбросил ее только потому, что в бесчисленных карманах Геральт хранил уйму всякой всячины, а шарить по карманам, пока хозяин валяется без сознания, кобольд не захотел.

— Вот, держи. — Сход Развалыч встал и принес со стола продолговатый сверток.

Геральт неловко принял сверток левой рукой, положил на постель и только потом сумел развернуть.

«Бедняга, — подумал Семен. — Как же он теперь без руки? Кому нужен? Как жить сможет? Ведьмачить, понятно, ему теперь не светит...»

Под газетой обнаружилась новенькая заводская роба и почему-то две пары носков.

— А куртка вон, на вешалке висит, от сына моего осталась... Можешь забирать.

На крайнем крючке у входа и впрямь висела коричневая кожаная куртка, порядком потертая, но все еще вполне приличная. Если ты, конечно, не аристократ...

— Карманов на ней, извини, поменьше, чем на твоей...

— Спасибо, — тихо поблагодарил ведьмак. — Спасибо вам...

— Тебе спасибо, ведьмак, — серьезно отозвался Сход Развалыч. — Я боюсь подумать, что произошло бы, доберись оборотень до атомной электростанции...

Одевался Геральт долго — понятно почему. Помощи он не просил, а предложить ни Семен, ни Сход Развалыч не решились. Орк представил себя без правой руки и тихо ужаснулся.

Что бы ни творилось на душе у Геральта — убиваться он не собирался. Упорно пытался при помощи одной левой

сделать все, что совсем недавно делал двумя руками. И, надо сказать, у него получалось лучше, чем можно было ожидать.

Когда Геральт встал и облачился куртку — в один, понятно, рукав («насадка» на культе во второй просто не пролезла бы), — Семен деловито побренчал ключами от джипа:

— Куда едем? — и постарался беззаботно подмигнуть.

— В банк, — ответил ведьмак, роясь в карманах прежней, пришедшей в негодность одежды. — А где мой телефон?

— Я его с утра на подзарядку поставил... — сказал Сход Развалыч. — Вон, на окне...

Мобильник и впрямь лежал на подоконнике, соединенный гибким шнуром с источником техники посреди стены. Наполнившись техникой, он потом сможет довольно длительное время работать автономно. Обыкновенно телефон дремал в узком кармане на поясе хозяина; сейчас он блаженно притих, насыщаясь.

Геральт потянулся к мобильнику уцелевшей рукой; было видно, как подрагивают и не хотят сразу слушаться пальцы.

Некоторое время Геральт манипулировал кнопками и что-то просматривал на маленьком экранчике. Потом вздохнул, отсоединил шнур и сунул телефон в карман куртки.

— Ладно, — сказал он глухо. — Поехали... Только по дороге нужно будет купить какую-нибудь сумку или чемодан.

Сумку купили в хозяйственном на Сумской. Кожаную, с длинной лямкой, чтобы можно было носить через плечо. Мелочь, в одночасье ставшая для Геральта очень важной.

Всю дорогу ведьмак был молчалив и замкнут. Впрочем, он и до увечья не отличался разговорчивостью, а теперь и вовсе стал похож на манекен или изваяние.

Что-то его грызло изнутри. Семен догадывался — что. Да и нетрудно было догадаться.

Они припарковались у банка; здоровый бугай-смотритель в синей униформе, состоящий в основном из плеч и надбровных дуг, сразу вознамерился их турнуть со стоянки, но Геральт небрежно сунул в лопатообразную ладонь крупную кредитку и, пока здоровяк соображал что к чему, направился ко входу. Стеклопанные двери разъехались сами собой, подчиняясь хитрой невидимой машинерии.

Охранники на входе тоже смерили троицу неодобрительными взглядами. Но ружье и ножи Геральт оставил в джипе; Семену также посоветовал пистолетик свой выложить, а у Сход Развалыча оружия вообще не было. Поэтому все трое прошли через рамку без эксцессов и охрана смолчала. Худой клиент — тоже клиент.

Геральт направился к ближайшему свободному окошку; выглядел он по-прежнему неестественно бледным.

Клерк, зеленомордый до пятнистости гоблин, поднял на клиента ничего не выражающий жабий взгляд.

— Я вас слушаю, — скучным голосом сказал гоблин и, не скрываясь, зевнул.

— Я хотел бы получить деньги по этому чеку, — сухо проговорил Геральт и подал белый прямоугольничек зеленомордому. — По возможности быстрее.

Разглядев цифру, клерк в первый момент даже растерялся. Для банка двести пятьдесят тысяч, в общем-то, не деньги. Но обращать в наличные такую сумму в Большом Киеве редко кто решался — возникал вполне оправданный риск прожить после визита в банк очень недолго. До ближайшего угла, например.

— А-а-а... — протянул клерк. — Простите, я должен проверить подлинность чека и посоветоваться с менеджером... Не будете ли вы так любезны подождать во-он там? Надеюсь, вам будет удобно. Мы постараемся уладить ваше дело как можно быстрее.

Клерк указал на неприметный диванчик в углу холла, за развесистым южным кустом в необъятной кадке. Перед диванчиком располагался стол с подборкой красочных журналов. Ни пылинки невозможно было разглядеть на листьях куста — убрали в зале регулярно и тщательно.

Едва троица уселась, откуда-то вынырнула миловидная метисочка с явной примесью эльфийской крови и предложила кофе. Выглядела она любезно, но чувствовалось, что к подобной клиентуре она питает глубоко скрываемое презрение и предпочитает вертеть задом перед хорошо одетыми толстосумами, у которых бумажники набиты туго, а мысли вращаются вокруг всего лишь нескольких незатейливых тем.

От кофе Геральт отказался, а Семен со Сход Развалычем осмелели и попросили чаю. Метисочка белозубо улыбнулась и ушла, пообещав вскорости вернуться. С чаем, надо полагать.

Но прежде чем она вернулась, к столику пожаловал менеджер с чеком в ладони и с зеленомордым клерком по правую руку. Оба выглядели озабоченными.

— Господин?.. — вопросительно начал менеджер, обращаясь к Геральту.

— Иванов, — подсказал Геральт, предчувствуя, что не все в порядке.

— Господин Иванов, у вас чек на предъявителя, выданный губернатором Харькова, я правильно понял?

— Правильно, — подтвердил Геральт, машинально принимая белый прямоугольничек из холеных пальцев менеджера.

— К сожалению, мы не можем выдать деньги по этому чеку. Дело в том, что плательщиком указано Тамовское отделение банка «Равновесие». Со вчерашнего дня банк «Равновесие» заморозил счета и прекратил платежи. Боюсь, что имеет место банкротство.

— И что же мне делать? — сквозь зубы спросил Геральт. Менеджер развел ладони в стороны:

— Возможно, есть смысл подъехать в отделение банка «Равновесие», но, если говорить начистоту, я полагаю, что денег вам не выплатят. Вот если вы обратитесь к губернатору и он выпишет чек на другого плательщика, платежеспособного — милости просим, выдадим вам все в лучшем виде, процент у нас невысокий...

— Спасибо, — мрачно перебил Геральт и встал. — Я могу от вас позвонить?

— Губернатору?

— Да.

— Ну, если у вас имеются нужные номера телефонов...

— Не смешите, — фыркнул Геральт. — Чтобы у крупнейшего банка Харькова не было выхода на губернатора?

Менеджер холодно улыбнулся:

— Простите, но служащие банка не обсуждают подобные вопросы с клиентурой, а банк не предоставляет подобных услуг.

Геральт поиграл желваками на щеках, хмуро убрал чек в карман, отодвинул с дороги клерка и направился к выходу. Семен со Сход Развалычем переглянулись и поспешили за ним.

Пройдя половину расстояния до дверей, Семен спохватился, трусцой вернулся к дивану и забрал позабытую Геральтом новенькую сумку.

Менеджер и клерк провели странную компанию долгими внимательными взглядами. Можно было не сомневаться, что губернатору о необычных визитерах банк сообщит очень оперативно.

На улице Геральт первым делом схватился за мобильник.

Набрав номер, он принялся нервно расхаживать около джипа. Тип в униформе таращился издали, но предпочел не вступать.

— Халькдафф? — наконец дозвонился Геральт. — Поговорить нужно. Куда подъезжать? На завод? А губернатор где? Там же? Отлично, сейчас буду!

Геральт стал несколько менее мрачным. Даже наоборот, в нем народилась здоровая злость, как перед дракой за правое дело. Хотя еще совсем недавно казалось, что расшевелить потухшего ведьмака вряд ли удастся.

«Трудности, — подумал Семен. — Наверное, это даже хорошо, что они есть. Отвлечется, побеждает... Как ни крути — жизнь-то продолжается. Рука — это, безусловно, много, но еще не все».

— Едем! — скомандовал ведьмак. — На хэ-тэ-зэ, к управлению!

Семен с готовностью уселся за руль, джип с не меньшей готовностью устремился вперед.

— Гады они, — неожиданно прокомментировал ситуацию Сход Развалыч, когда проехали примерно половину дороги. — Заварили, понимаешь, кашу, расхлебал ее чуть ли не в одиночку ведьмак, а платить, как всегда, некому.

Геральт не отозвался, судорожно вцепившись единственной рукой в поручень на торпеде.

До самого завода он не проронил ни слова.

Стоянка, проходная. У будочки скучали бандитского вида орки, по случаю визита хозяйских гостей облаченные в новенькую вахтерскую форму и даже нахлобучившие фуражки с зелеными околышами, чего вахта клана ни на одном заводе сроду не делала даже в самые чудные времена.

— Куда? — Один заступил дорогу Геральту, но ведьмак бешено взглянул на орка и тот отшатнулся, узнавая.

— А... Это ж ведьмак, — пробормотал второй орк. — И вы с ним?

Семен важно кивнул, стараясь держать заданную Геральтом марку.

— Сеня, проводи... — буркнул старший орк коллеге и лениво потянулся к телефону в будочке при турникетах.

Самый молодой из орков призывно махнул рукой, направляясь к лифту.

Геральт, Семен и Сход Развалыч последовали за ним.

В управлении повсюду горел свет, исправно работали лифты и кондиционеры — завод опять подключили к источникам техники. Наверное, и безобразный пролом в стене начали заделывать, и проволочную систему восстанавливать... Завод есть завод. Жизнь здесь трудно остановить даже бесчинствами действующего трансформера.

На третьем этаже коридоры были устланы коврами. Мгновенно почувствовалась начальственная роскошь, во всем — в отделке стен, в обитых кожей дверях кабинетов, в многочисленных вазах с цветами, в чистоте...

Директорский кабинет располагался рядом с залом для совещаний. За первой дверью открылась общая приемная, где скучали уже надоевшие взору охранники. На этот раз не в униформе, не в строгих костюмах, а по заводскому обычаю разряженные в цветастые рубашки и просторные куртки-толстовки с капюшонами, в пестрые свободные штаны и туфли с квадратными носами. Не обращая внимания ни на кого, Геральт пересек приемную и бесцеремонно врезал по двери здоровой рукой. Несмотря на чувствительный удар, дверь распахнулась почти бесшумно.

— ...все видели ржавый остов рядом со складами? Это останки точно такого же механизма, только более крупного! — горячо втолковывал присутствующим незнакомый безусый заводчанин, явно техник, хоть и молодой.

Геральт вошел.

Халькдафф, остановив взгляд на пожаловавшем ведьмаке, тем не менее не прекратил разговора:

— Ты полагаешь, что молодой трансформер не случайно избрал это место в качестве отправной точки для набегов? Полагаешь, он пытался отомстить за предка или по-своему продолжить его дело?

— Не обязательно! — ответил молодой. — Возможно, есть нечто, что тогда притянуло внимание того трансформера, а сейчас — нашего.

— Секундочку! — прервал спор губернатор. Вставать он, естественно, и не подумал.

Губернатор сидел по правую руку от эльфа со смутно знакомыми Геральту чертами лица. Эльф, в свою очередь, сидел во главе стола. По левую руку от него расположился Халькдафф, еще дальше — техник Харькова, а глава заводского клана Даркин на правах хозяина облюбовал перекладку Г-образного отростка от основного стола. Остальные живые в количестве семи заняли стулья напротив Даркина. Одним из этих семи был техник Римас, сидящий чуть обособленно от остальных. Особняком держались несколько групп охранников — заводские, Халькдаффа, второго эльфа, техника Римаса...

— А вот и наш герой, — насквозь фальшиво провозгласил губернатор. — Что привело тебя в нашу скучную компанию?

— Деньги, — без обиняков открылся Геральт. — Мне отказались платить по чеку.

— Ай-ай-ай, — всплеснул руками губернатор. — Какое безобразие! Эй, Римас, что происходит? Может, пояснишь?

Техник из киноцентра соизволил оторвать тяжелый взгляд от столешницы.

— Ты еще спрашиваешь? — угрюмо отозвался он. — Сам меня разорил, да еще и ведьмачий гонорар на мое отделение повесил?

— А ты чего ожидал? — Губернатор недоуменно пожал плечами. — Расшевелил этот ужас, так плати, жизнь тебя побери!

— Господин губернатор! — встрял в перепалку Геральт, понимая, что в данную минуту препираться с техником Римасом совершенно бесперспективно. Благородное собрание сейчас занималось тем, что методично поедало техника Римаса. И по лицам присутствующих становилось очевидно, что если жизнь Римас, может, и сохранит, то местечко свое теплое — однозначно нет. — Господин губернатор, не могли бы вы выписать другой чек? А прежний я верну.

Лицо губернатора вмиг стало скорбным, но непоколебимости при этом не потеряло:

— Увы, мой друг! В момент выписки чека Тамовское отделение «Равновесия» было еще вполне платежеспособным.

— Но тогда мне отказались выплачивать деньги вплоть до вашего распоряжения! Которого, увы, не последовало! — Геральт злился, но старался сдерживать себя. — Я согласился сначала выполнить работу, против всех ведьмачьих правил, согласился только из-за грозящей городу опасности! И что теперь? Обман?

— Почему обман? — удивился губернатор, с виду совершенно искренне. — Забирай свои деньги, пожалуйста, если сможешь! Я, губернатор Харькова, выделил тебе оговоренную сумму из местных средств. А именно — из средств отделения банка «Равновесие». Банк должен тебе денег, а не я! Какие могут быть претензии к губернатору? Ты понимаешь, ведьмак?

— То есть вы отказываетесь платить? — напрямую спросил Геральт.

— Я? Да ни в жизнь! Если кто и отказывается, так это техник Римас, владелец Тамовского отделения банка.

— Я банкрот, — устало уточнил Римас, растерявший всю свою важность перед лицом более могущественных, чем сам, персон. — Я бы заплатил, если б было чем.

Геральт взглянул на Халькдаффа. С надеждой. Но тот лишь беспомощно мигнул: мол, ничего не могу сделать! Я всего лишь магистр с Выставки... Пока трансформер был жив и угрожал не только Харькову, но и окрестным районам — я мог давить на губернатора, а теперь...

— Господин губернатор! — чеканя каждое слово промолвил Геральт. — Отказав в гонораре ведьмаку, в виде исключения выполнившему работу без предоплаты, вы навлекаете на себя большие неприятности.

Губернатор широко улыбнулся.

— Ба! Да мне, кажется, угрожают! И кто? Ведьмак-калека? С ума сойти.

Халькдафф спрятал взгляд за поднесенной ко лбу ладонью. Зато эльф со знакомым лицом повернулся в сторону губернатора:

— Хорошо подумай, прежде чем так поступать, — сказал он отстраненно и снова умолк.

— Господин Техник! — Губернатор враз исполнился вежливости и даже чуть склонил голову. — Я справлюсь с этой проблемой своими силами. Ручаюсь.

В этот момент Геральт сообразил, кто сидит во главе стола.

Техник Большого Киева. Живой, не имеющий формальной власти, но имеющий огромное влияние в самых высших кругах. Главный Техник гигантского города-мегаполиса.

— Ты сказал, — равнодушно заметил Техник.

Геральт повернулся, чтобы уходить — зачем же еще? Семен и Сход Развалыч, так и не осмелившиеся отойти от дверей, невольно шевельнулись. Но тут из приемной донесся неясный шум, низкие орочьи голоса, а затем дверь снова распахнулась. На пороге возник один из охранников Дарки-

на, держа за шиворот снова ее — злосчастную девчонку из котельной, на этот раз отмытую, причесанную и одетую в чистое, а не в засаленный полукомбез.

Геральт замер, встретившись с нею взглядом. И девчонка под этим взглядом обмякла, как тряпичная кукла, перестала упираться. Охранник легко вытащил ее на центр и пробасил, обращаясь к главе клана:

— Босс! Вот она.

— Можешь идти, Толян, — отослал его Даркин.

Охранник с достоинством удалился, плотно затворив за собой дверь.

Даркин кашлянул, покосился на присутствующих высокопоставленных гостей и обратился к Геральту:

— Ведьмак! Я не знаю, кто и сколько тебе должен за смерть оборотня. Но я знаю одно: ты пострадал из-за этой девки, а она вроде как с моего завода. Она твоя, ведьмак. Можешь ее убить, можешь отпустить, можешь забрать с собой, твое дело. Я сказал.

Воцарилась странная тишина — именно странная.

Семен мучительно ждал реакции Геральта — почему-то он был уверен, что ведьмак девчонку отпустит. Иначе все его действия за последние дни теряли смысл, тот высший смысл, который вопреки всему существует в жизни, существует наряду с такими неудобными и неблагодарными понятиями, как честь, как долг, как доброта и справедливость...

— Моя, говоришь? — переспросил Геральт, оценивающе глядя на девчонку. — Очень кстати.

Семен ждал. Затаив дыхание.

— Господин Техник, — обратился Геральт к эльфу во главе стола. — Я прошу санкции на обращение этой девушки в рабство на том основании, что по ее вине я лишился руки, правой руки. Мне трудно теперь обходить себя и по-

чти невозможно зарабатывать на хлеб... пока. Я нуждаюсь в ее руках и нуждаюсь в праве приказывать ей.

— Да будет так, — без колебаний согласился Техник.

Девчонка смертельно побледнела, став такой же полупрозрачной, как последние пару дней Геральт.

Недвижимый Семен переваривал услышанное.

Рабство. Исключительное в Большом Киеве состояние некоторых живых. Собственно, теперь эта девчонка становится собственностью Геральта. Как вещь. Ведьмак действительно может ее убить, может заставить делать что угодно, и ни единая душа на всем белом свете не вправе упрекнуть его.

Потому что в рабство просто так не попадают.

Мимолетная суета в кабинете ускользала от внимания Семена. Секретарь с папилятором, снимающий с девчонки отпечатки пальцев; хмурый орк с паяльником-клеймителем, выспрашивающий у Геральта внешний вид его личного знака; вопль девчонки, когда горячее железо навсегда ставит отметину на ее щеку...

Семен ожидал от ведьмака совсем не этого.

Запомнил только, что, покидая кабинет, Геральт пристально поглядел в глаза губернатору. И во взгляде этом читался приговор.

К джипу они спустились в полном молчании. Девчонка с пунцовым ожогом на щеке, злой Геральт, ничего не понимающий Семен и все понимающий Сход Развалыч. Семен не знал, что говорить Геральту и нужно ли ему что-либо говорить. Орк был совершенно, совершенно растерян.

Рядом с серебристой «Хортицей» успел припарковаться пошарпанный внедорожник «Случь». Завидев его, Геральт запнулся и остановился, не дойдя до стоянки десятков-другой шагов.

Встали и остальные.

А из внедорожника неторопливо выбрались двое. Оба были крепкими, худощавыми и производили впечатление очень сильных живых. Кроме того, оба были абсолютно лысыми и обритуго голову каждого украшала затейливая татуировка.

— Здравствуй, Геральт, — поздоровался один.

В его голосе не читалось ничего: ни приязни, ни угрозы.

— Здравствуй, Койон...

Второй просто коротко кивнул.

— Как твои дела, Геральт?

— Плохо, Койон. Денег я, как и опасался, не получил.

Чек был выписан на банк, принадлежащий технику Римасу. Вчера банк успешно лопнули.

— Это действительно плохо, Геральт.

— Я знаю, Койон.

— Кто это с тобой? — поинтересовался второй незнакомец.

— Это — живые, которые зачем-то помогали мне. А это — моя рабыня.

Взгляды лысых коллег Геральта скользнули по свежему ожогу на щеке несчастной девчонки.

— Старый кобольд, — промолвил тот, которого Геральт называл Койоном. — Здравствуй, старый кобольд.

— Здравствуй, ведьмак, — поздоровался Сход Развалыч.

Койон пару секунд глядел на него, потом перевел взгляд на Геральта.

— Поедешь с нами. В дороге и поговорим. Ты уже отрезал своей рабыне язык?

— Нет еще, — нехотя ответил Геральт.

Девчонка охнула, закатила глаза и наладилась шлепнуться в обморок. Геральт еле успел подхватить ее здоровой рукой.

Второй ведьмак тут же помог ему.

— Семен, — попросил Геральт, — открой машину. Я возьму ружье.

«И рюкзачок», — мысленно добавил орк.

Действовал он как в тумане. Вынул ключи из кармана, открыл дверцу, подождал, пока Геральт заберет свое, старательно орудуя одной левой.

— Сумка! — напомнил он, спохватившись.

Пустую сумку взял Койон, неторопливо приблизившись к «Хортице».

Семен ожидал любого финала этой истории, но не такого чудовищного в своей неправильности.

Ведьмаки и девчонка давно забрались в «Случь» и умчались куда-то на восток, растворившись в нескончаемом автомобильном потоке проспекта. А орк и кобольд все стояли у управления ХТЗ и тарасились вдаль, Семен — потерянно, Сход Развалыч — просто задумчиво.

— Его убьют? — мрачно поинтересовался Семен.

— Не знаю, — ответил кобольд. — Правда не знаю. Он ведь действительно нарушил ведьмачий кодекс. Отработал без предоплаты... И денег в итоге не получил.

— А с этой что будет, если его убьют? — Семен, несомненно, имел в виду рабыню.

— Не знаю, — вздохнул Сход Развалыч. — Правда не знаю. Я не настолько близок к ведьмакам.

— Впрочем, — добавил он пару секунд спустя, — даже если бы и знал, ничего бы я тебе не сказал, Семен. Уж прости за прямоту.

— Шахнуш тодд, — выругался орк. — Совсем недавно я возил клиентов на своей «Деснухе» и был уверен, что в этом мире есть настоящие живые, для которых «честь» и «порядочность» — не пустые слова... А теперь?

— Ты не переживай, — неожиданно улыбнулся Сход Развалыч. — Они действительно есть, эти живые. Просто не всем об этом нужно знать.

Семен с удивлением поглядел на кобольда и вдруг понял, что тот говорит совершенно искренне.

«Случь» мчалась по крайнему левому ряду, то и дело сигналя фарами разнообразной роскошной четырехколесной братии. Некоторые пропускали, некоторые пытались не пустить, но Койон за рулем все равно быстро обходил упрямцев и оставлял их далеко позади. Дома так и мелькали за чуть затененными стеклами дверей.

Обожженная щека девчонки уже была спрыснута чудодейственным ведьмачьим аэрозолем, а Ламберт миролюбиво втолковывал ей:

— Никто тебе отрезать язык не собирается. Это так, всего лишь иносказание. Тебе неизбежно придется научиться молчать, хочешь ты этого или нет, ибо все, что связано с ведьмаками, совершенно не предназначено для посторонних ушей. Молчать все время, пока у нашего друга не отрастет рука и покуда твоя помощь не станет ненужной. И дальше тебе придется молчать. Научишься, никуда не денешься — у тебя просто нет другого выхода.

— А потом? — робко поинтересовалась девчонка.

— А потом как твой хозяин решит — так и будет. Ты ведь на самом деле угодила в рабство.

Девчонка несмело взглянула на Геральта, откинувшегося на спинку переднего кресла.

— А... у него правда вырастет рука? Новая?

— Правда, — серьезно подтвердил Ламберт. — Сколько тебе раз калечило руку, а, Геральт?

— Правую? — сонно переспросил Геральт. — Это четвертый.

— А левую?

— Левую два раза. И оба раза только кисть.

Девчонка протяжно вздохнула.

— Даже не верится...

— Можешь не верить. Но это так. Ведь мы — ведьмаки. Чудовища. Мутанты. Все, что болтают о нас живые, — правда... для живых. А как обстоят дела на самом деле — это вопрос отдельный.

Покачивая головой, девчонка тихо сказала:

— Странно это... Выглядеть в глазах всех горожан чудовищами... Не слишком ли велика цена за спокойствие города?

Ламберт неожиданно улыбнулся.

— Наивная ты. Никакая цена не высока, если речь идет о спокойствии города. Любого города. Да и не считаю я такую цену излишне высокой. И вопрос цены — действительно отдельный вопрос. Поверь.

— Кстати о цене, — встрял Койон, на миг отвернувшись от дороги: он вполне доверял верному внедорожнику. — Не поднять ли цену губернатору Харькова, когда вернемся. Например, вдвое?

— Поднять, — сквозь зубы подтвердил Геральт. — Вот поправлюсь, вернемся, тогда и поговорим о новой цене. Думаю, война за заводские линии между техниками уже потухнет. Тут-то мы о себе и напомним.

— Да, вот еще что, — обратился к Геральту Ламберт. — Мы тут посоветовались намеренно... Думаю, тебе даже не придется менять имя и внешность. Весемир тоже не против.

— Это хорошо. — Геральт веселел на глазах. — А то я, знаешь ли, привык уже...

Пошарпанный внедорожник несся на восток, к границе Большого Киева. Далеко-далеко, в стороне от трасс, ведьмаков ждал закрытый городок Арзамас-16. Единственное место на Земле, где они осмеливались быть самими собой и где из-за этого не приходилось вспоминать о ценах.

Не приходилось.

Совсем.

Родина безразличия

К горлу ведьмака был приставлен пистолет.

Его держала маленькая, не мужская рука, но это дела совершенно не меняло. Маленький пальчик с тем же успехом мог нажать на спусковой крючок, что и большой. И нажал.

Коротко тюкнуло.

— Готово, — сказала Ксана и вынула из камеры пустую ампулу. Потом сунула пистолет-инъектор в чехол с косо наклеванным красным крестом, а чехол — в потрепанный рюкзачок Геральта.

Геральт встал, невольно потянувшись неискалеченной рукой к месту, где лекарство впрыснулось под кожу.

— Не трогай! — Ксана поймала его за кисть. — Занесешь какую-нибудь дрянь...

Геральт протяжно вздохнул и мягко высвободился.

— Ладно, не буду... Завари мне чаю, — велел он рабыне.

Орк Семен Береста и старый кобольд-механик по имени Сход Развалыч незаметно пристрастили ведьмака к чаю. Раньше Геральт тоже пил чай, но не так часто и не с таким удовольствием, как теперь.

«Пусть пьет, — подумала Ксана. — Для регенерации нужно много жидкости».

За последнее время девушке пришлось много узнать и запомнить. К счастью, память ее впитывала знания очень охотно.

Ксана захлопотала над тигельком и маленькой походной кастрюлькой, заменявшей и котелок, и чайник, а иногда и ковшик, из которого можно напиться. Она прекрасно помнила свое изумление, когда в одном из эльфийских парков по пути к границе Большого Киева ведьмак привел ее к колодцу и велел набрать холодной и ужасно вкусной родниковой воды. Для Ксаны это была совершеннейшая экзотика — воду она привыкла или воровать потихоньку из заводской столовой (минеральную воду, расфасованную в пластиковые бутылки), или набирать в те же опустошенные более удачливыми заводчанами бутылки под ржавым краном за кочегаркой. Минеральная вода Ксане нравилась больше. Но когда хочется пить — особо не повыбираешь.

Геральт все дни похода был мрачен и угрюм. На вопросы Ксаны отвечал резко и немногословно. А часто вообще не отвечал.

Ксана сначала сердилась — заботу ее ведьмак принимал охотно, а разговаривать не хотел. А потом смирилась. Да и поняла — ведьмаку есть о чем помолчать и подумать.

Странно, но она быстро перестала считать Геральта калекой. Наверное, все оттого, что искалеченная рука неправдоподобно быстро регенерировала. Странно было видеть, как из нормального предплечья потихоньку вырастает тоненькая и сморщенная ручонка с похожими на младенческие пальчиками. Первые дни во время обмывания, процедур и перевязок было даже неприятно. Но опять же Ксана быстро смирилась и теперь находила даже некий интерес в первом взгляде на немного отросшую руку после дневного перехода.

Да и вообще практически весь впитанный с годами ужас перед ведьмаками испарился почти без следа. Живые Большого Киева и окрестных мегаполисов Евразии ведьмаков не любили и не жаловали. Ксана — боялась. Боялась с детства. Она смутно помнила брань вечно пьяной матери и ее нечленораздельные угрозы: «Вот не будешь слушаться, отдам тебя ведьмакам! То-то они твоей кровушки попьют, мясца отведают!» Приходилось строить из себя паиньку — маленькой Ксане совсем не хотелось быть съеденной ведьмаками. Потом мать умерла, но отзывы о ведьмаках, которые доводилось слышать Ксане, сильно лучше не стали. Единственное, что она осознала, повзрослев, — вряд ли ведьмаки питаются маленькими девочками. Как-то все больше предпочитают телячьи отбивные под доброе пиво. Когда-то давно она даже умудрилась поглядеть на одного из ведьмаков, тот как раз по каким-то своим таинственным ведьмачьим делам наведался на родной завод Ксаны и долго о чем-то толковал с главой клана, а потом без конца таскался по цехам и ангарам. Впечатление ведьмак производил неприятное, но чудовищем отнюдь не казался. Кроме того, Ксана терпеть не могла бритых наголо мужчин — тоже какое-то смутное впечатление детства, — а ведьмак был лыс как коленка. И вдобавок с какой-то варварской татуировкой на башке.

Что означает «варварская», Ксана опять же знала не очень твердо, но интуиция подсказывала — нечто дикое, необузданное и страшное.

Впрочем, глядя теперь на Геральта, она даже согласилась считать того красивым — волевое лицо, вечно сжатые тонкие губы, необычные глаза с вертикальным зрачком, как у вирга или бескуда. Особенно если не обращать внимания на культю и лысую голову — вопреки первым впечатлениям вовсе не бритую, а просто каким-то образом радикально и навсегда лишенную волос.

Ее даже тянуло к ведьмаку — невесть откуда взявшаяся потребность заботиться о мужчине, который находится рядом, преобразила дикарку-Ксану за считанные дни.

А Геральт, казалось, не замечал ничего. Сделай то, подай это. Ни спасибо, ни даже взгляда благодарного. Впрочем, да, она ведь рабыня, а рабыня — не больше чем слегка одушевленная вещь, способная отзываться на команды. «Да, господин. Сию минуту, господин». Впрочем, ведьмак не требовал звать себя господином. Но и Ксану называл не иначе чем «Эй, ты!».

А началось все в первый же день после обращения в рабство.

Джип Койона и Ламберта сначала превратился в маленькую точку вдаль на шоссе, а потом и вовсе исчез из виду. Геральт долго глядел вслед, задумчиво и оцепенело, пока Ксана не тронула его за рукав здоровой руки.

— Куда они? — спросила девушка.

Геральт не ответил. Он знал, что коллег вызвали на перспективное дельце — где-то в Сумах тамошние гномы наткнулись посреди заброшенного карьера на некстати оживший траншеекопатель. Сказали, есть жертвы. Внедорожник Койона оказался ближе всех к Сумам, а Ламберт решил съездить за компанию. Ну и помочь, если потребуется.

Но девчонке Геральт ничего не объяснил. Зачем?

— Не хочешь говорить? — вздохнула та. — Ладно, дело твое. Только пешком мы до твоего Арзама...

— Заткнись! — Геральт порывисто обернулся. — Забудь это слово, поняла?

Он вдруг оказался совсем рядом и сцапал ее здоровой рукой за воротник джинсовой куртки.

— А будешь болтать — и впрямь язык отрежу!

Ксану пробрала мгновенная оторопь. Желтоватые глаза ведьмака с вертикальными змеиными зрачками ввергли ее в первозданный ужас. Так смотреть могла сама Смерть.

— По... поняла... — пробормотала она, и ведьмак тотчас разжал стальной кулак, освобождая куртку.

Ксана всхлипнула.

— Но ведь... Но ведь идти и правда больше месяца придется, — жалобно сказала девушка.

— Ничего, — буркнул ведьмак, успокаиваясь. — Как раз рука в норму придет.

И вдруг Геральт замер, а потом медленно обернулся к Ксане.

— Постой-ка... Откуда ты знаешь, сколько нам идти? — настороженно спросил он.

Ксана побледнела и непроизвольно отступила на шаг. Казалось, слова ведьмака были впечатаны в тугую невидимую стену, которая надвинулась на нее, будто ковш приближающегося карьерного бульдозера.

— Ламберт говорил... Недавно... — призналась Ксана.

Геральт несколько секунд мрачно глядел рабыне в глаза. Потом задумчиво процедил:

— И уши тебе отрезать, что ли?

Всхлип вырвался у Ксаны тоже против воли.

Теперь она еще больше жалела, что Койон с Ламбертом уехали. По сравнению с Геральтом они казались добрыми и предупредительными. Почти что нормальными живыми. А ее господин даже в короткие минуты, когда отчаяние Ксаны от свалившегося рабства начало стаивать, оставался мрачен и малоразговорчив.

«Лучше бы меня Ламберту отдали, а не этому», — подумала Ксана тоскливо и безнадежно.

Но невольники хозяев не выбирают.

Геральт тем временем сплунул под ноги и зашагал по пустынной перпендикулярной улице прочь от трассы-проспекта. Ксане ничего не оставалось, как последовать за ним.

Отдалившись квартала на три, ведьмак вновь свернул на восток. Улица, которую он выбрал, была пустынной и унылой, как и большинство улиц в малонаселенных районах Большого Киева. Дома сонно глядели на путников сто лет немытыми пыльными окнами; где-то вдалеке поскрипывала ржавая дверная петля: должно быть, ветер забавлялся полукоткрытой дверью. Смутно доносился разноголосый гул машин с близкой трассы — единственные звуки, напоминающие о том, что город все-таки обитаем.

Геральт вспомнил, как в бытность еще безымянным учеником ведьмачьей школы застал учителя Весемира за довольно странным для ведьмака занятием: Весемир пытался на основании нескольких случайных выборок подсчитать соотношение количества домов и количества живых в Центре и прилегающих районах. Результаты тогда поразили Геральта. В самых густозаселенных местах соотношение нигде не превышало семи домов на одного живого. Подумать только — семь двух-шестиподъездных многоэтажек на одного живого! Это, разумеется, не значило, что каждый живой мог занять семь домов и благополучно обитать в любом помещении на выбор — во-первых, живые селились все-таки кучнее, небольшими группами, оставляя пустынными целые кварталы, а во-вторых, далеко не все даже прирученные дома годились для жилья.

В диких межрайонных массивах, бывало, обитал какой-нибудь десяток живых на нескольких сотнях квадратных километров. В похожую местность вступали сейчас Геральт с Ксаной. Относительно обжитый район Харьков оставался позади, впереди же до самой границы тянулись девственные окраинные кварталы.

Ксана немного робела: все-таки большую часть жизни она провела на заводе. Пусть в одиночестве, но все же по соседству с кланом. Заводские помещения и машины были издавна привычны к живым и от них не приходилось ожидать каких-либо подвохов. Жизнь вне завода Ксана помнила смутно, точно так же, как и мать. Ведьмак, напротив, чувствовал себя в этой глуши будто дома и, если бы не искалеченная рука, пожалуй, счел бы себя в большей безопасности, нежели в цивилизованном Харькове.

— Эй, ты! — обернулся Геральт. — Не отставай давай!

Медлительность рабыни раздражала его, хотя совершенно ясно было, что к долгим переходам та непривычна.

Девчонка тотчас засемила чаще, нагоняя хозяина. Секундой позже она осмелилась подать голос:

— Меня зовут...

— Мне плевать, как тебя зовут, — оборвал Геральт. — С сегодняшнего дня тебя зовут «Эй, ты!».

Ксана даже споткнулась от неожиданности. Но Геральт с подчеркнутым безразличием уходил дальше — не замедляясь и не ожидая ее.

Пришлось догонять — опять бегом.

«Мне плевать, как тебя зовут», — эхом отдалось в мыслях. Ведьмак. Чудовище. Чему удивляться?

Шли они до самой темноты, почти не разговаривая. Ксана хоть и провела большую часть жизни на ХТЗ, все же знала, что вполне реально было попытаться поймать попутку. Но Геральт, видимо, думал иначе.

На ночлег они устроились во дворе одноэтажного домика. Домик когда-то был обитаем, но, видать, очень давно. Ворота вросли в землю, кровля потемнела и в одном месте даже слегка просела. Улица сплошь состояла из подобных домиков, большею частью одноэтажных, хотя изредка попадались и надстроенные вторые этажи.

Едва наметились сумерки, Геральт стал подыскивать место для ночлега. Солнце валилось в сады за задах квартала. Ксана, невзирая на усталость, невольно залюбовалась. Мир, который был ей внове, поразил не слишком. Меньше, чем можно было ожидать. Возможно, потому, что Ксана привыкла иметь за спиной надежное убежище, верную и безотказную нору, как в пустотах за цеховой котельной. Чуть что — шашь, и нет тебя. А мир оставался открытым, незамкнутым. И это немного пугало. Но с другой стороны, тут и угрожать-то путникам мало кто мог. Пустые кварталы пустого района.

Наверное, Геральт нарочно стремился сюда.

Калитку он отомкнул, уже довольно уверенно действуя левой рукой. Отмычка поскребла по ржавому нутру и замок послушно щелкнул.

Ксана ожидала, что ведьмак обернется к ней и скажет: «Входи!» Но ведьмак не сказал и даже не обернулся. Просто шагнул через утонувший в траве порожек, разве что калитку за собой не стал затворять.

Вошла и Ксана.

Дворик был небольшой, но уютный; ощущение родной норы, а стало быть — защищенности, не заставило себя ждать. Ксане сразу стало легче на душе. Дом высился справа; слева тянулся глухой высокий забор, отделяющий дворик от соседнего, вероятно — точно такого же. Впереди, в глубине двора, как ни странно, сохранился резной деревянный навес с увитыми плющом перилами. Дверь маленькой летней кухни выходила прямо под этот навес. И столик сохранился, здесь же, под навесом, у самой двери. А главное — в уголке нашлись ржавый, но вполне целый мангал и аккуратная пирамидка дров.

А вот покрывало на кушетке от непогод и времени успешно начисто сгнило. Иссохло, обратилось в труху и белесые спутанные нити невыразительно-серого цвета.

— Прибери тут, — велел ведьмак сухо и заботливо построил свой выдавший виды рюкзачок посреди стола.

Дверь на кухню закрывалась на обыкновенный накидной крючок. Ксана сразу же обнаружила и веник, и совок, и грязную посуду в большой эмалированной миске. Хозяйничать ей было не внове.

Вскоре тряпье с тахты навеки успокоилось в большом мусорном пакете, сор и сухие листья Ксана подмела и спровела туда же. Из вскрытого дома Геральт принес пыльные, но вполне пригодные к пользованию одеяла; потом сходил за водой к колодцу. Ксана заметила, что ведьмак быстро приспосабливается орудовать единственной рукой. Видать, не впервой ему такие увечья. И левая его рука постепенно справляется со всеми житейскими надобностями все увереннее и увереннее.

Еще днем Геральт наведалься во встреченный продуктовый склад, где сумел добыть из злющего одичавшего холодильника несколько брикетов хорошо промаринованного куриного шашлыка, пару банок огурчиков-корнишонов и банку настоящих грибов. Ксана тоже проявила хозяйственность: в нише под витриной отыскала объемистый пакет сухарей. Этого двоим с лихвой хватило бы на сутки.

Геральт не ленился и не повалился сразу поверх застеленных одеял, как ожидала Ксана. Вовсе нет. Принялся разводить огонь в мангале, а потом долго воевал с гаражным замком, а как победил — искал шампуры или достойную им замену. Замена подвернулась в виде стальных прутиков, которые Геральт загнул для удобства на манер кочерги.

Это было приятно, неожиданно приятно — делить заботы с сильным и опытным мужчиной. Даже если это не вежливый Ламберт, а угрюмый и покалеченный молчун-Геральт.

За несколько часов курятина оттаяла, утратила каменную твердость. Даже лук кое-где отслоился. Пряный и чуть-

чуть терпкий запах поплыл, щекоча ноздри и вселяя голодный азарт.

Получилось вкусно, вкусно до умопомрачения, а когда Геральт принес из дома примеченную бутылку сливяницы, стало и вовсе замечательно, а Ксана неожиданно подумала, что, угодив в рабство, вдруг обрела свободу.

Непонятно — сливяница ли развязала Геральту язык или еще что, но очередной вопрос Ксаны не остался без ответа.

— Куда мы идем, Геральт? И зачем?

Ведьмак ответил, хотя и не сразу:

— В Арзамас-шестнадцать. Место, где готовят ведьмаков. Для всей Евразии.

— Тебя тоже там готовили?

— Да.

— Давно?

— Да.

— И Ламберта?

— И Ламберта. И Койона. И Эскеля. И даже Весемира. Всех.

— Тебя там будут лечить?

Геральт чуть склонил голову набок:

— Нет. Думаю, что, когда мы дойдем, с рукой уже все будет в порядке. Хотя разработаться будет не лишним — у нас хорошие тренажеры.

— А почему вы не считаете себя живыми, Геральт?

— Потому что мы мутанты. Любой ведьмак проходит испытание фармацевтикой и клиническим кабинетом. В среднем из десяти испытуемых выживает один. Организм в результате этого испытания полностью перестраивается... Такое существо уже трудно назвать живым. Видела мои глаза?

— Да. — Ксана зябко поежилась.

— Разве это глаза человека?

Ксана не ответила. И действительно — разве это глаза человека?

Тогда у него еще не было имени. Ведьмак, которого звали Зигурд, подобрал полумертвого от истощения пацана на окраине Большого Киева, у подвального окошка старого нежилого дома. На самом юге, где днем вразнобой кричат чайки, а вечерами слышится мерный морской прибой.

Пацан был слаб, но не настолько, чтобы не попытаться стащить пакет с припасами и смыться. Он попытался, и это окончательно убедило Зигурда в необходимости доставить найденыша в Арзамас, хотя тот явно достиг порогового для испытания возраста. Еще бы годик — и нипочем пацану не пережить испытание.

В логове ведьмаков пацан получил нечто вроде имени — двадцать седьмой. На худой его одежонке хмурый и хромой дядька, которого дети всерьез побаивались, вывел белой краской две угловатые цифры. Вместе с двадцатью шестью мальчуганами помоложе двадцать седьмой в течение почти трех месяцев отъедался и отучался прятать еду везде, где только можно. Постепенно появились и двадцать восьмой, и двадцать девятый, и остальные — вплоть до тридцать пятого. А вскоре пришло время испытания.

Выжили целых четверо — пятый, двадцать первый, двадцать седьмой и тридцать четвертый. Геральт прекрасно помнил первое пробуждение после испытания.

Все тело ломило от боли; казалось, внутри пылает адский антрацитовый костер. Сплошная краснота стояла перед глазами и было больно глаза открыть.

Но он открыл.

Мир показался ему непривычно резким, распадающимся на отдельные, четко локализованные фрагменты. Конечно, тот четырехлетний мальчишка не знал подобных слов.

Слова пришли позже, вместе с осознанием, что память отныне хранит все, крепко и надежно, и никаких усилий для этого прилагать не приходится.

— Очнулся! — послышался удивленный голос хромого надзирателя. — Пан Весемир, он очнулся, пся крев!

— Кто? Двадцать пятый?

— Нет, двадцать седьмой!

— Двадцать седьмой? Хм... Я боялся, что он слишком велик для испытания.

— Ха! Видели б вы, как он жрал пилюли! У него, тля, внутри, кроме ентих пилюль, ничего и нету, клянусь.

В поле зрения появилась фигура сухощавого пожилого мужчины, которого доселе претенденты на испытание видели лишь мельком и всегда издалека.

Почти без труда двадцать седьмой сфокусировал на нем взгляд.

— Эй, — негромко позвал мужчина. — Ты меня слышишь? Если не можешь говорить — просто моргни пару раз.

Двадцать седьмой послушно моргнул, напрягся и чужим голосом выдавил:

— Слышу...

Глотку продрало, словно он изверг наружу толченное стекло. Это слабое усилие снова столкнуло двадцать седьмого в беспамятство. На целых двое суток, хотя сам он, естественно, о сроках не имел ни малейшего представления.

Зато новое пробуждение было совсем иным. Боль ушла — остался голод. Лютый неодолимый голод — причем вовсе не такой, к какому он привык бродягой. Тело требовало пищи и энергии — много позже он понял причины всего, что с ним происходило.

Он сел на жестком ложе. Кто-то, кажется, четырнадцатый, бился на соседнем, пристегнутый к быльцам лодыжками и кистями. Бился и негромко выл. Койкой дальше хро-

мой надзиратель кормил из большой алюминиевой кастрюли тридцать четвертого. Рот сразу же наполнился тягучей слюной. Двадцать седьмой встал на ложе в полный рост, и хромой тотчас обернулся.

— Очнулся, голубь? — сказал он неожиданно дружелюбно. — Жрать, поди, охота? Погоди, сейчас накормлю.

Надзиратель утер лицо тридцать четвертого бумажной салфеткой и мягко уложил, хотя тот явно был не прочь закусить еще. Потом переместился к двадцать седьмому.

В кастрюле оказалось какое-то пряное пюреобразное варево. Двадцать седьмой был достаточно велик, чтобы орудовать ложкой самостоятельно, чем тотчас беззастенчиво и воспользовался. Хромой не возражал.

Когда кастрюля опустела, двадцать седьмой почувствовал себя много лучше. Даже смог думать об окружающем его мире и о переменах. Самым ярким казалось иное ощущение собственного тела. Он был еще слишком мал, чтобы осознать и сформулировать свои чувства, но сам факт перемен оспорить было трудно. И видеть он стал иначе — теперь удавалось разглядеть мельчайшие детали на таком расстоянии, на котором раньше двадцать седьмой, будучи еще простым бродягой, различал только контуры и, если доставало освещения, основные цвета.

Вскоре его опять одолел сон; когда двадцать седьмой проснулся, четырнадцатый уже не двигался. В углу палаты ложка в чьей-то нетвердой руке скребла по донышку знакомой кастрюли. Под этот тоскливый аккомпанемент хромой надзиратель и незнакомый закутанный в черное парень унесли четырнадцатого из палаты. Теперь их осталось двое на восемь коек — двадцать седьмой и тридцать четвертый. Днем позже их перекатили в соседнюю палату, где точно так же маялись в новом для себя мире пятый, девятнадцатый и двадцать первый.

Через неделю девятнадцатый умер. Их осталось четверо. И с этого момента все четверо стали стремительно крепнуть, набирать вес и безудержно расти. В первый год дни были неотличимы друг от друга. Подъем, завтрак, разминка под руководством Весемира или парня в черном. В спортзале по соседству. Обед. Сон. Потом занятия с Весемиром, Хицфуртом или Оксенфельдом — малышей учили грамоте и счету. Ужин. Сон. И так день за днем.

Двадцать седьмой ясно запомнил день, когда привычный и уже мнящийся неизменным уклад был в одночасье нарушен.

В тот день вместо утренней разминки их загнали в душ и бассейн, а когда из бассейна вывели, Весемир не свернул, как обычно, в конце длинного коридора, а отпер всегда закрытую дверь в торце его и еле заметно качнул головой.

Двадцать седьмой осмелился взглянуть налево — там хромой Владзеж и по обыкновению закутанный в черное Филипп вкатывали в палаты койки на специальных колесиках, и к каждой был пристегнут мальчуган, кажущийся совсем малышом.

Весемир не позволил двадцать седьмому долго смотреть.

Их новое жилище больше походило на казарму, нежели на больничную палату, но об этом, естественно, будущие ведьмаки узнали много позже. Теперь вместо утренней разминки всех четверых использовали на хозяйственных работах — приходилось драить полы в коридорах клиники, чистить на пищеблоке картошку, одновременно постигая азы обращения с ножом, таскать непонятного предназначения предметы, зимой — убирать снег перед входом в здание. Но послеобеденные занятия никто не отменил.

Как-то сами собой к ним прилипли новые прозвища — пятого дразнили Головастиком, вполне справедливо — взрослые часто шутили, как, мол, такая спичечная шея удержива-

ет эдакий жбан? Двадцать первого звали Палец, а причина успела благополучно забыться. Двадцать седьмого прозвали Генерал — не то за размеры, не то за то, что в четверке он сразу занял главенствующее положение. К тридцать четвертому, самому маленькому и подвижному, приклеилась кличка Шустряк.

Время потекло еще быстрее. Через год троица выживших после очередного испытания фармацевтикой малышей присоединилась к растущей как на дрожжах четверке. Еще через год будущих ведьмаков стало пятнадцать. Головастик, Палец, Генерал и Шустряк, естественно, верховодили в этой компании. В силу возраста и уже накопленного опыта. Случалось все — и драки, и ссоры, но Весемир с остальными учителями умело и терпеливо приводили мальчишек к мысли, что все они — братство, а братья стоят друг за друга горой.

Когда Головастику исполнилось десять лет (он был единственным, чей день и год рождения были известны достоверно), четверку старших начали обучать обращению с оружием.

— Геральт! Смотри!

Ведьмак соизволил повернуть голову только на втором слове. Просто на зов он не отреагировал.

Там, куда указывала Ксана, на куче какого-то невнятного мусора, шевелился продолговатый сверток, напоминающий червячка-шелкопряда. Извивался. И тоненько хныкал.

Геральт нахмурился.

— Этого только не хватало!

Ксана преобразилась в мгновение ока. Еще секунду назад она могла думать только о том, как постыл ей этот бесконечный путь и как надоела увесистая ноша с продуктами за спиной. Теперь она не могла думать ни о чем, кроме на-

ходки. Ибо сверток оказался младенцем, а материнский инстинкт в женщинах любой расы сидит чрезвычайно глубоко и просыпается едва ли не мгновенно.

— Геральт! Он голоден!

— Естественно, — процедил ведьмак сквозь зубы. — Кто ж его тут накормит?

— Надо найти молока! И бутылочку!

Геральт вздохнул.

— Вообще-то надо идти дальше. Потому что молока мы все равно не найдем, не говоря уж о бутылочке. Потому что тащить пацана придется именно тебе, мне это сто лет не нужно. Потому что ты бестолковая дикарка с большого завода и не умеешь ухаживать за детьми. Поэтому он у тебя сначала начнет беспрерывно орать... впрочем, он уже начал. Потом на него нападет какая-нибудь хворь, и орать он станет гораздо громче. Потом он умрет, и орать начнешь ты, ведь тебе будет его жаль.

Ксана потрясенно выпрямилась.

— Ты что? — недоуменно прошептала она. — Предлагаешь его бросить?

После вчерашнего вечера со сказочным ужином и сливяницей Ксана почти уже решила, будто сердце у ведьмака все-таки наличествует. Не хотелось верить, что она ошибается.

— Именно это я и предлагаю. Бросить. Тогда он умрет быстро и почти безболезненно. Или его кто-нибудь найдет. В конце концов, мы даже не знаем — брошен ли он? Вдруг его мамаша как раз занята поисками молока?

— Ты еще убить его предложи! — возмущенно выкрикнула Ксана и взяла младенца на руки. — Чтоб не мучился зря!

— Я не убиваю детей, — равнодушно сообщил Геральт. — К тому же такое решение напрочь лишает сию недоросль законного шанса выжить путем счастливой случайности.

Личико младенца было красненьким и сморщенным. Плакал он уже давно, наверное, не первый час. Грязная пеленка скрывала тщедушное тельце. Впрочем, Ксана действительно совершенно не представляла себе, как полагается выглядеть новорожденному младенцу и какого вообще он возраста. Может, он как раз и должен именно так выглядеть.

— Бросила бы ты его, — снова скептически предложил Геральт. — Через пустоши с такой обузой...

Ксана перехватила ношу поудобнее, пристроив маленькую горластую головку на сгибе локтя.

— Неужели тебе его не жаль? — спросила она горько.

— Мне не может быть его жаль, — терпеливо пояснил Геральт. — Я ведь ведьмак, воплощение безразличия ко всему, кроме работы и денег. К тому же я все равно не могу ему помочь, поэтому жаль или не жаль — не имеет абсолютно никакого значения.

— Ты ведь призван защищать живых от чудовищ!

Ксана все никак не могла успокоиться.

Геральт удивленно огляделся:

— А где здесь чудовища? Кроме меня — ни одного. А от меня этому заморышу не исходит никакой угрозы. Говорю тебе, брось, не выходишь ты его.

— Может, это девочка. — Ксана сбилась на ворчание. — Откуда ты знаешь?

— Да от него разит за версту! — Ведьмак брезгливо сморщил нос. — От девки, правда, разило бы ничуть не приятнее, но иначе. Пацан, можешь не сомневаться.

Ксана покорно вздохнула. Главное — хозяин не ПРИКАЗЫВАЕТ бросить. Пока только советует. А значит, можно его чуть-чуть послушаться. Несмотря ни на что, она точно знала: нельзя бросать маленьких детей в ненаселенном районе! Да еще так близко к окраине.

Целый час Ксана заглядывала в каждое строение, хоть отдаленно напоминавшее продуктовый склад или давно разворованную бродягами лавку. Все напрасно. Никакого молока. А что еще можно предложить младенцу, кроме воды, — Ксана не знала. Не тушенки же?

— Геральт! — взмолилась Ксана. — Может, ему сгущенки развести? Воды нам хватит...

— А у тебя есть сгущенка? — У Геральта натурально отвисла челюсть. — Ну и дура же ты! Давай разводи. Где вода? Да не из фляги, там сырая, бутылочку «Аква минерале» откупорим. Не эту! Ту, что без газа, балда!

Ксана аккуратно опустила малыша прямо на асфальт и лихорадочно рылась в драной сумке, обнаруженной сегодня утром на памятном складе. Банку сгущенки она заметила именно там, и Геральт действительно ничего не заметил. Да он и не смотрел особо, чем рабыня занимается. Только велел набрать побольше тушенки — паршивой, кстати, пекинской, но на складе другой не нашлось. Ксана послушалась, а потом весь день маялась с тяжелой сумкой. Но мысль о том, что предстоит поход через пустошь между Большими Киевом и Москвой, путь в несколько дней... Да по пустоши, по пустоши, где ни единого дома, ни единого заброшенного магазинчика из воспоминаний детства или осточертевшей заводской столовки, где, случается, можно порыться и найти какие-нибудь крохи...

— Вот...

Небольшая поллитровая пластиковая бутылочка «Аква минерале» перекечевала к Геральту. Половину воды он бесцеремонно выпил; потом проделал обычным гвоздем две небольшие дырочки в банке сгущенки. Ксане пришлось помочь — одной рукой Геральт не мог одновременно удерживать гвоздь и ударять по шляпке подобранным по соседству булыжником. К счастью, Ксана не попала ведьмаку по руке.

Вскоре в бутылочке плескалась жидкость, по виду и впрямь довольно похожая на молоко. И тут Ксана растерялась вторично.

Соска. Где ее взять? А пить малыш явно не умеет. И не скоро еще научится.

Снова пришлось просительно смотреть на Геральта, который, оказалось, понимал все без слов.

— Нянька из тебя, — пробурчал Геральт и полез в свой шмотник.

Ксана уже привыкла, что это не просто рюкзачок, а прямая-таки волшебная сумка-самобранка, где может найтись что угодно из до зарезу необходимых именно в данную секунду вещей.

«Неужели и соска есть? — не поверила Ксана. — И этот живой предлагал обречь младенца на смерть от голода или даже оставить на корм бродячим собакам?»

Но Геральт извлек из чистого пакетика всего лишь белую тряпичную салфетку.

— На, держи...

Ксана взяла протянутую тряпицу и беспомощно поглядела на ведьмака. Мысль его осталась совершенно для девушки непонятной.

Странно, но ведьмак если и злился, оставлял злость где-то внутри себя. Да и первую досаду от неожиданной находки, сулящей немало проблем, уже подавил.

— Сделай затычку. Она намокнет, пацан будет ее помалу цмоктать. Только бутылочку сильно не наклоняй, смотри.

Ксана сделала все как надо, уселась поудобнее и приступила к кормежке. Ребенок, почувствовав еду, жадно присосался к влажному от молочной смеси кончику импровизированной пробки-затычки.

«Откуда ведьмак все эти штуки знает?» — Ксана впала в состояние, близкое к замешательству. Теперь она на самом

деле поняла, что уход за ребенком — дело вовсе не решаемое одним только материнским чувством.

Нужен банальный опыт.

— Сиди тут, я сейчас, — велел Геральт, вставая. — Да не дергайся попусту, нет тут никого в округе. Я чувствую.

Через секунду он уже исчез в развалинах ближайшего дома. Собственно, это уже и домом назвать было трудно. А Ксана полностью отдалась такому новому для себя делу.

Было удивительно приятно и трепетно видеть, как слезы высыхают на крохотном личике.

Вернулся ведьмак довольно быстро. Пацан к этому моменту успел слопать около трети бутылки — грамм сто пятьдесят, не меньше.

Косо взглянув на это, Геральт сказал:

— Хватит.

Сказал он это так, что Ксана сразу поняла: действительно хватит. К тому же пацан сосал уже не так активно, как в самом начале.

— Больше своего желудка он все равно съесть не в состоянии, — снизошел до объяснения Геральт. — А желудок у него пока с кулачок. На вот, учись пеленки менять. А я пока воды добуду, вымоешь его...

В качестве пеленок он притащил простыню и тут же разодрал ее на четыре части. Простыня выглядела старой и далеко не стерильной, но все равно была чище той рвани, в которую ребенка укутали прежние опекуны.

Воды ведьмак добыл всего литр. Спустя какие-то минуты Ксана уже имела представление, как ребенка моют; а перепеленать даже сумела без помощи Геральта, чем осталась очень довольна.

Уснул пацан моментально. И продолжал спать на руках у Ксаны. Как ни странно, с дополнительной ношей идти оказалось даже немного легче. Вес приложенной за спину

сумки теперь в какой-то мере компенсировался весом младенца.

Геральт все это видел. И прекрасно знал, что буквально через час-полтора у рабыни затекут руки.

«Надо будет люльку шейную приладить», — подумал он.

А вслух ничего не сказал.

Долгими осенними вечерами Весемир любил собирать будущих ведьмаков в зале, полном смешных кресел с опрокидывающимися сиденьями. Работы по хозяйству к этому часу, как правило, давно уже заканчивались, кухня была отдраена, посуда (не без помощи совсем еще сопливых малышей из последней партии испытанных) перемыта и расставлена по местам. Тренироваться — поздновато. Читать — так ведь за день в голову все равно не впихнешь больше знаний, чем уже успел впихнуть.

Наверное, эти диалоги в форме вопросов и развернутых ответов заменяли им, утратившим нормальное детство, вечерние сказки родителей.

Весемир тоже очень любил такие вечера. Не меньше, чем подрастающие счастливчики, пережившие суровое испытание фармацевтикой и клиническим кабинетом.

Голос Весемира, вроде бы и негромкий, проникал в самые дальние закутки зала, даже за пыльный занавес, сдвинутый к одному из краев сцены:

— Там, за стенами ЗАТО, расстилается совсем иной мир. Незнакомый вам. Мир гигантских мегаполисов, городов такого размера, рядом с которыми наш Арзамас покажется вам жалким крохотным райончиком. Ведьмаки призваны хранить этот мир. Именно ведьмаки, потому что обычные живые сохранить его не в состоянии. Это не значит, что мир готов рухнуть в любой момент, нет. Но слишком уж много в нем враждебной науки, техники и механизмов. Поверьте мне,

это могучая наука, могучая техника и могучие механизмы. По неведению ли, по глупости или злему умыслу, но существует бездна возможностей, когда обычный живой простым нажатием кнопки способен инициировать такие процессы, которые остановить потому будет уже нельзя. Подобные процессы мы называем необратимыми. Сущность работы ведьмака состоит в недопущении необратимых процессов. Естественно, что каждый ведьмак обязан обладать целым рядом необходимых для такой работы качеств. Ну-ка, давайте вместе подумаем — какими?

Весемир обвел взглядом немногочисленную аудиторию. Перед ним собрались мальчишки после четырех ежегодных испытаний. Но достаточно взрослыми, чтобы рассуждать и беседовать, были только семеро старших; остальные просто слушали, разинув рты.

Правильно слушали. Нынешние старшие тоже пару лет назад молча разевали рты во время подобных бесед с теми, кто теперь готовится сдавать последний выпускной экзамен. Экзамен, позволяющий получить настоящее имя и зваться ведьмаком. Теперь для семерки старших пришел черед искать собственные ответы на вопросы Весемира.

— Итак! Какими же качествами, по-вашему, должен обладать ведьмак? Давай ты, Головастик!

Головастик порывисто вскочил. Шея у него теперь окрепла и не казалась непропорционально тонкой. Да и сам он из сущего заморыша превратился в сухого жилистого подростка, подтянутого и проворного, словно бродячий уличный кот.

— Ведьмак должен быть сильным и быстрым! — выпалил Головастик. — Иначе он не выстоит в поединке с чудовищем!

— Правильно, — согласно кивнул головой Весемир. — А еще?

Головастик наморщил обширный лоб, но мысли, видимо, не торопились посещать его внушительных размеров голову.

— Может быть, ты, Шустряк? — Весемир жестом поднял другого подростка.

— Ведьмак должен быть терпеливым, — наугад предположил Шустряк, явно идя от противного в сравнении с собственной натурой.

— И это тоже, — не стал возражать Весемир. — Что? Тополь, ты хочешь ответить?

— Хочу, — пискнул один из троих пацанят, выживших год спустя после старшей четверки.

— Говори.

— Ведьмак должен много знать. Об оружии, о повадках чудовищ...

— ...и особенно о повадках живых, — добавил Весемир. — И это верно. Но и это не главное. А что думаешь ты, Генерал?

Генерал поднялся степенно, не вскочил, подобно товарищам. Он все делал степенно и рассудительно, по-взрослому.

— Мне кажется, что ведьмак всегда должен четко сознавать: что стоит делать, а что нет. И когда ему спешить, а когда не обязательно.

Весемир только кивнул.

— А еще, — добавил Генерал, — мне кажется, что вы имеете в виду нечто совсем иное, учитель Весемир. Нечто такое, что покажется нам неочевидным и нелогичным. Так?

Весемир улыбнулся в густую светлую бороду:

— Ты, как всегда, на высоте, Генерал. Все обстоит именно так, как ты сказал. Садитесь все. Садитесь, слушайте и запоминайте. Ведьмак должен стать быстрым, но он может оставаться не самым быстрым существом, и тем не менее успешно при этом ведьмачить. Ведьмак может чего-то не

знать, но все же справиться со своим незнанием и с выполняемым заданием. Ведьмак может не вытерпеть или поспешить — но и тогда он останется ведьмаком и не потеряет шансов завершить начатое. Существует только одно качество, без которого нет ведьмака. Это качество — безразличие. Безразличие ко всему, кроме судьбы города. Вы должны стать безразличными к голоду, холоду, погоде, окружающим вас живым, к благам и ценностям — ко всему. Как только ведьмак становится небезразличным к чему или кому-либо — он перестает быть непобедимым.

Вы должны уметь пройти мимо умирающего, умоляющего вас принести ему воды. Потому что, спасая его, вы можете погубить город, а возможно, даже и мир. Вы должны уметь перешагнуть через кого угодно, если того потребует ситуация. А для того чтобы пройти мимо умирающего и перешагнуть через кого угодно, нужно стать безразличными ко всему. Абсолютно ко всему. С одной-единственной оговоркой — кроме города, находящегося под вашей защитой.

Весемир оглядел не по-детски серьезные лица. Ведьмачата слушали, впитывали его слова всем телом, каждой порой мутировавшей кожи.

Тишина не нарушалась ничем. Весемир ждал вопроса. Неизбежного вопроса, который задавали ему после этого рассказа бесчисленные поколения будущих ведьмаков. Этот вопрос задавали всегда. Задали и сейчас.

— Мы не должны никого любить? — На этот раз вопрос был задан одним из старших, Пальцем.

Ответ у Весемира всегда был наготове. Такой же, как и в прошлый раз, и в позапрошлый...

— Не в этом дело. Любовь или ненависть — это эмоция. Безразличие — отсутствие эмоций. Эмоции ведьмаку только мешают, а значит, они непозволительны.

— А как же наше братство? — поинтересовался умный Генерал. — Братство ведьмаков? Мы и друг к другу должны стать безразличными? И к вам, учитель?

— Да, — устало подтвердил Весемир. — Друг к другу тоже. И ко мне. Но и это еще не все.

Он поглядел на преданные мальчишеские лица и добавил:

— Вы должны стать безразличными даже к самим себе. Только тогда из вас получатся настоящие ведьмаки.

— Как мы его назовем? — спросила Ксана, когда малыш уснул, а ночь зашептала о небе, полном звезд.

В этом районе электрические огни были редкостью. Поэтому звезд на небе виднелось — не счесть.

Геральт вяло перемешал чай в мятой жестяной кружке, прихваченной на одной из прошлых ночевок.

— Мне все равно.

— Тебе всегда все равно, — обиделась Ксана. — Тебе безразлично даже мое имя!

Геральт не ответил. Казалось, все его внимание поглотил горячий ароматный напиток, до которого ведьмак недавно приохотился.

— Как можно быть таким бессердечным, Геральт?

— Легко, — невозмутимо ответил Геральт. — Если знать, как именно.

— А ты знаешь?

— Знаю.

— И давно ты таким стал?

— Года в четыре примерно. Давно.

— А зачем? И почему?

— Потому что я ведьмак.

— Ведьмаки что, все такие?

— Все.

Ксана протяжно вздохнула. Не понимала она Геральта. За три дня все ее естество переполнилось нежностью к крохотному и беззащитному существу, способному только плакать, если ему плохо, и совершенно не способному защитить себя или прокормить. Ее сильно беспокоило то, что единственная баночка сгущенки заканчивается, а больше ничего пригодного малышу в пищу они не отыскиали, хотя Геральт сказал, будто бывают специальные сухие смеси в цветастых коробках или банках.

Они вышли к самой окраине, где почти нет магазинов и складов — только унылые серые заборы разнообразных мелких фабрик, на которые не зарятся даже захудалые кланы. Пыль, битое стекло, пятна мазута и масла на грязном асфальте, запустение, осиротевшие строения...

— А что изменится, если ты дашь малышу имя? Или узнаешь мое? — поинтересовалась Ксана.

— Ничего, — пожал плечами Геральт.

— Тогда почему ты не хочешь?

— Именно поэтому, — вздохнул Геральт. — Видишь ли, сначала я узнаю твое имя, потом помогу тебе, если ты ошибешься, потом мы переспим... А потом я уже не смогу оставаться безразличным к тебе.

— Что же в этом плохого? Мир и так слишком безразличен. Когда живые заботятся друг о друге, когда они небезразличны один другому — это же прекрасно!

— Во-первых, я не живой, посему меня это не касается, — ровным голосом пояснил Геральт. — А во-вторых, ваша жизнь и жизнь всех без исключения городов строится как раз на безразличии ведьмаков. Хоть кто-то в этом мире должен оставаться безразличным. Иначе мир сгорит в пламени вашей хвальной бескорыстной любви.

Ксана не нашла, что ответить. Позиция ведьмака казалась странной даже ей, дикарке с большого завода. Но, с

другой стороны, декларируя безразличие, ведьмак делал все, чтобы их маленький отряд не знал нужды ни в чем. Положа руку на сердце — разве сумела бы Ксана сама накормить ребенка? Догадалась бы перепеленать и после каждого перехода мыть? Нашла бы несколько тюбиков шампуня в ничем не примечательном домишке, к которому Геральт свернул сразу, едва увидел? Да не какого-нибудь шампуня, детского! Там же, кстати говоря, отыскалась и настоящая детская бутылочка с настоящей соской.

Геральт делал все что мог и даже чуть больше. И при этом продолжал декларировать полное безразличие.

Ксана находила это странным.

Ночью малыш дважды просыпался, и приходилось вставать, брать его на руки, укачивать, успокаивать. Понятно, что все это свалилось на Ксану. Ведьмак даже не поднимал головы от любимого рюкзака, успешно заменяющего подушку, хотя Ксана чувствовала: ведьмак не спит.

Утром, скормив малышу последние четверть бутылочки разведенной сгущенки, Ксана зачем-то громко объявила:

— Я назову его Ламбертом!

Геральт мгновенно оторвался от умывания.

— Нет, — холодно сказал он.

— А мне нравится! — заявила Ксана. — Нужно же ребенка как-то называть!

— Назови иначе.

— Не хочу! — упорствовала Ксана.

В мгновение ока ведьмак оказался рядом с Ксаной.

— Кажется, ты кое-что позабыла, рабыня. Мне тебя прочесть?

Слова Геральта, казалось, целиком состояли из металла. Холодного, как лед. У Ксаны не замедлила уйти в пятки душа: даже однорукий ведьмак оставался много сильнее ее.

— Прости... — пробормотала Ксана. — Я сделаю, как ты скажешь!

— Не нужно ничего делать, — жестко закруглился Геральт. — Ламберт — ведьмачье имя. И пока Ламберт жив, его имя принадлежит только ему. Поняла?

— Поняла, господин...

Геральт невозмутимо вернулся к умыванию. Он снова стал безразличным. Безразличным, как серая бетонная стена вокруг ближайшей фабрики.

— Скажите, учитель! Почему у ведьмаков нет фамилий? Только имена?

Весемир покосился на Головастика. Любопытен малый! Впрочем, это хорошо. Любопытство ведет к новым знаниям, а ведьмаку никакие знания не лишни.

— Да и имена какие-то странные, так? — вопросом на вопрос ответил Весемир.

— Странные? — Головастик, похоже, не понял, о чем речь. — По-моему, нормальные имена.

— Да? — Весемир секунду поразмыслил. — Наверное, ты прав. Но не в этом дело. Живые не пользуются именами, которые носят ведьмаки. Имя ведьмака — его визитная карточка.

— Что такое визитная карточка? — не замедлил поинтересоваться Головастик.

Весемир обвел воспитанников вопросительным взглядом:

— Кто-нибудь знает? Генерал?

Генерал степенно встал. Степенно — как всегда. Не по годам серьезный парень.

— Визитная карточка — это специальный кусочек плотной бумаги или пластика, на котором указаны имя владельца, род его занятий, адрес и телефон.

— Знаешь, — кивнул Весемир. — Ну а имейся у тебя визитная карточка, что на ней было бы начертано?

Подросток даже не запнулся:

— Генерал, воспитанник, Арзамас-шестнадцать, Блок Сигма, казарма номер три, койка у ближнего окна.

Весемир не сумел сдержать улыбку:

— Что ж! Довольно точно! Койку, кстати, можно и не указывать. Но вернемся к ведьмачьим именам. Их много, несколько сотен. И, смею вас уверить, на всей Земле не сыщешь двоих ведьмаков с одинаковыми именами. Если ведьмак гибнет — а такое случается, увы, — его имя вскорости дают новичку, успешно сдавшему экзамен.

— Значит, мы когда-нибудь будем носить имена погибших?

— Именно так.

Незадолго до полудня они вышли к городской окраине. Впереди лежала пустошь — свободная от строений земля, сплошь поросшая травой. Кое-где попадались небольшие рощицы — березовые, ясеновые. Многие деревья Ксана видела впервые и не знала, как они называются. Да и не очень-то она интересовалась деревьями.

Малыш заболел.

Когда закончилась сгущенка, Геральт мрачно приладил к правой подмышке кобуру с большим вороненым пистолетом, велел Ксане сидеть в укрытии и по возможности не позволять ребенку кричать.

И исчез.

Ребенок хотел есть, а Ксана могла ему предложить разве что мутноватую воду из ближайшей колонки, потому что «Аква минерале» тоже кончилась.

Геральт отсутствовал шесть часов, а когда вернулся, в его рюкзаке что-то звякало. Трудные это были для Ксаны часы.

Звякало, как оказалось, молоко. Детское ионитное молоко в стеклянных бутылочках с синими этикетками. Где Геральт его раздобыл, Ксана интересоваться не стала. Но когда она покормила ребенка и тот наконец уснул, ведьмак заставил ее чистить свой пистолет. Ксана уже приобрела по этой части кое-какой опыт, поэтому сразу поняла: недавно из этого пистолета стреляли. Обойма была опустошена наполовину плюс один патрон из ствола... Получается, Геральту пришлось стрелять семь раз. С левой, «неудобной» руки.

К вечеру малыш стал ныть и капризничать; Ксана сначала не поняла почему. А Геральт едва глянул на него, сразу догадался приложить ладонь к розовому лобику.

— Жар у него... Заболел...

Жар усиливался. Всю ночь младенец хныкал и даже есть отказывался. Ксана пришла в отчаяние.

Она полагала, что с утра Геральт отправится за лекарствами, но ошиблась. Геральт вывел ее к окраине Большого Киева. И повел дальше, в пугающую пустоту, что раскинулась между Киевом и Москвой.

Здесь вопреки ожиданиям все же встречались строения — небольшие домики, сараи какие-то. Но стояли они, как правило, обособленно, и это выглядело еще более странным, чем пейзаж без строений. Непривычные звуки доносились со всех сторон, и лишь спустя некоторое время Ксана поняла — это поют птицы.

Первой же ночью в открытом поле младенец умер. Плач его постепенно становился все тише и тише, пока совсем не прекратился. Дыхание затруднилось. А потом и вовсе

остановилось. Геральт проверил жилку на шее и глубоко вздохнул.

— Все. Надо его похоронить.

Ксана ревела часа два без перерыва, и Геральт ее почему-то не трогал. А когда немного успокоилась и вернулась к костру, он встретил словами, которых лучше бы и не произносил:

— Я говорил: тебе его не выходить. Надо было оставить где нашли. Только задержались из-за него.

Ксана молчала. Самое странное — головой она уже понимала, что ведьмак прав. Но сердцем — нет. И еще она понимала, что ведьмаки сами лишают себя голоса сердца, оставляя лишь голос рассудка.

Их зовут чудовищами и за это тоже.

А самое обидное, что ведьмаки всегда оказываются правы. По большому счету — правы. Но как мириться с их большим счетом, если по малому прерываются чьи-то жизни?

Ксана начала подозревать, что на этот вопрос ответа просто не существует.

Малыша, так и не обретшего имя, похоронили утром. Около одинокого необитаемого домика. Ксана молча орудовала ржавой лопатой из хозпристройки, толком не видя, что делает: мешали застывшие глаза слезы. Маленькому живому требовалась маленькая могила, поэтому Ксана управилась довольно быстро.

В махонький холмик рыхлой земли Геральт воткнул саженец вишни, непонятно где раздобытый. Ксана полила его водой из колодца.

Теперь они шли гораздо быстрее. Первое время — молча. Правая рука Геральта к этому дню уже почти сравнялась по длине со здоровой, но была гораздо тоньше и суше. Да и ладонь казалась игрушечной, ненастоящей. Ведьмак еще не мог как следует действовать коротенькими и тонкими паль-

чиками, очень напоминающими детские. На ходу он разминал и тренировал руку: Ксана знала, что подобные упражнения ускоряют и стимулируют регенерацию тканей.

На ночевку она устроилась в неглубоком овраге. Где-то вдалеке слышался отдаленный шум и вроде бы даже автомобильные гудки.

— Что там? — вяло поинтересовалась Ксана.

— Трасса, — коротко отозвался ведьмак. — На Большой Волгоград.

— Ты же говорил, там Большая Москва! — Ксана нашла в себе силы удивиться.

— Ну... В принципе это уже Москва. Просто Москва давно слилась с окрестными городами — Большим Питером, Большим Уралом. С Волгоградом тоже. Границы условны, есть пустоши кое-где. Но вдоль трасс пустошей нет. Это Киев отделен очень четко, даже от Большого Кишинева. Впрочем, сколько того Кишинева — одна Одесса и то больше...

— А Арзамас ваш — он в черте города или нет? И если да — то какого?

Геральт поморщился:

— Я же говорил тебе не произносить название вслух.

— Да кто тут услышит. — Ксана пожала плечами. — Птицы?

— Хоть бы и птицы, — буркнул Геральт.

Он помолчал немного, но все же ответил:

— Раньше ЭТО находилось в том районе Большой Москвы, который называют Нижним Новгородом. После одной заварушки там камня на камне не осталось. В общем, перебрались в степь, подальше от населенных мест. А название оставили прежнее. В память, наверное. Тогда много наших погибло, много имен освободилось...

Геральт умолк, погружившись в воспоминания. Ксана не поняла — сам ли он участвовал в давних, наверняка страш-

ных и кровавых событиях или же знал их только со слов тех, кто постарше.

Чудовище атаковало стремительно и безудержно, как бродячий кот воробынью стаю. Ксана толком ничего не успела понять: ведьмак вдруг прямо из положения сидя щучкой нырнул через костер, в кувырке сграбастал ее за лямку полукомбеза и отшвырнул в сторону. А в следующий момент со склона оврага прямо в костер рухнуло нечто приземистое, квадратное, с гнутыми трубами поверх корпуса. Сразу же стал слышен шум двигателя, хотя несколько секунд назад вечернюю тишину не нарушало ничто.

Взвывла трансмиссия: чудовище разворачивалось прямо в костре. Ксана проворно отползла в сторону кустов и затаилась. А Геральт не иначе спятил: вместо того чтобы пробираться к своему шмотнику-самобранке, в котором наверняка нашлась бы управа на ночного гостя, кое-как встал из партера и прыгнул... Ксане хотелось сказать «навстречу смерти».

В общем, ведьмак прыгнул на чудовище. Прямо под редкий решетчатый каркас из гнутых труб. Что-то противно скрежетнуло, потом послышались приглушенные ругательства Геральта и сердитые цокающие удары — не иначе ведьмак пинал чудовище подкованным гномьим ботинком. Колесный монстр судорожно ворочался в овраге, словно в узеньком переулке. Пытался развернуться, наверное.

А потом жутковатое родео разом прекратилось. Какая-то продолговатая железка, вышибленная могучей стопой Геральта, кувыкаясь, полетела в сторону, чудовище всхрапнуло двигателем и застыло у костра, равномерно фырча. Стало нестерпимо тихо.

— Выходи, — сказал Геральт, поднимаясь и утирая лоб. — И приготовь йод, поцарапался я, елы-палы...

Чудовище на поверку оказалось небольшим спортивным автомобильчиком-багги. С минимумом элементов кузова.

Рама, подвеска, колеса, двигатель да кожаное сиденье. Эдакий оживший механический скелет.

— А... — Ксана боязливо выглянула из-за кустов. — Он того... не задавит?

— Уже нет. Я управляющий блок выкорчевал. Подберешь его, кстати, потом. Пригодится.

Ксана все еще с опаской приблизилась, зайдя автомобильчику сбоку. А то, неровен час, газанет... Хотя что-то подсказывало ей: словам Геральта можно верить на все четыреста процентов. Если сказал, что опасность миновала, значит, так оно и есть.

Минут пять ушло на врачевание ран Геральта; заодно Ксана решила сделать ежевечерний укол, но ведьмак жестом остановил ее.

— Погоди. Сменим, пожалуй, препарат. Надо двигательные функции восстанавливать, массу потом нагоним.

Ведьмак добыл из рюкзака аптечку и выдал Ксане новую упаковку ампул. Жидкость внутри стеклянных баллончиков была ядовито-желтой и почти непрозрачной. Привычно зарядив пистолет-инъектор, Ксана впрыснула дозу Геральту в шею. Ведьмак слабо дернулся и поморщился.

— Активный, з-зараза... — выдохнул он. — Жжется.

Подвигав головой и шеей, ведьмак встал, приблизился к автомобильчику, перегнулся через боковую трубу и заглушил двигатель. Стало еще тише.

— Ловко ты с этим... чудищем справился! — искренне сообщила Ксана.

Геральт фыркнул:

— Да какое это чудище! Так, балбес с автопилотом. Вот в Умани как-то...

Ведьмак умолк на полуслове; по глазам его Ксана поняла, что на хозяина вновь нахлынули воспоминания.

* * *

Контрольное задание Генералу выпало сдавать в Умани. Палец, Головастик и Шустряк отбыли накануне куда-то в Большую Москву. Повел их пожилой ведьмак по имени Шараф. Генерала, как рожденного в Большом Киеве, решили ориентировать на родной город. Весемир сказал, что дома, мол, и стены помогают.

Генерал не возражал: во время предыдущих визитов Киев его просто очаровал, чего не скажешь о Москве. Москва казалась холодной и равнодушной; Киев же был зелен, приветлив и радостен, как ясное летнее утро. Особенно Генералу приглянулся Центр Большого Киева. Крещатик, Бессарабка... Улочки, бульвары. Фонтаны. Улыбчивые гномы из obsługi метро, деловитые вирги в малиновых пиджаках с золотыми значками «Оболонь» на лацканах...

С Генералом отправился Весемир — решил почему-то потряхнуть стариной. Первым делом Генералу выдали ружье и боеприпасы. Настоящую ведьмачью помповуху. Медицинский комплект в кожаном кейсе — содержимое Генерал знал на память и прекрасно умел комплектом пользоваться. Неприкосновенный запас продуктов. И еще некоторое количество необходимых мелочей, как-то: всепогодные спички, фонарик, чистые носки, моток капронового шнура, коробочка с зубочистками, солнечные очки, блокнот с вечно сонной авторучкой... И, конечно же, ведьмачий ноутбук с радиомодемом и встроенным телефоном-мобильником. Все ведьмачье знание, хранящееся в Сети, в любой момент могло востребоваться обладателем такого ноутбука.

Ноутбуки будущим ведьмакам пришлось осваивать с девятилетнего возраста. Нынешняя модель у Генерала была уже четвертой освоенной.

— Ну, — вздохнул контролировавший сборы Весемир, — кажется, ты готов. Отбой, Генерал. Спи покрепче.

— А когда завтра выезжаем? — поинтересовался Генерал, пытливо глядя на учителя.

— Так я тебе и сказал! — Весемир хитро улыбнулся в бороду. — Потом узнаешь! Ведьмак должен быть всегда готов вскочить и отправиться к черту на рога, к смерти в пасть. Такая уж у него судьба, мой малыш...

Генерал не любил, когда его называли малышом. Но никогда не возражал: старшим виднее. К тому же Весемир не далее как вчера назвал малышом сурового Шарафа, мужчину, битого жизнью и профессией. Шрам на шраме. Но для Весемира практически все действующие ведьмаки этой части Евразии оставались малышами. Старейшина Арзамаса-16 всех их воспитал. И каждому досталась крупинка его богатейшего опыта и его отточенного годами безразличия. Странного заботливого безразличия, такого необходимого истинному ведьмаку.

Генерал проникся этим безразличием совсем недавно. И — о чудо! — старшие теперь частенько вместо «Эй, малек!» бросали ему «Эй, ведьмак!». Хотя, разумеется, полноправным ведьмаком любой воспитанник Арзамаса-16 становился только после ряда испытаний. Контрольных заданий.

Назавтра Генералу предстояло выполнить первое.

Местом испытания почему-то был избран огромный эльфийский парк. О городе здесь напоминали только редкие дорожки, посыпанные гравием, да металлическая ограда на бетонном фундаменте, опоясывающая парк. Возможно, столь непривычная для горожанина обстановка была выбрана нарочно. Дабы Генералу жизнь медом не показалась. Все возможно.

Перед литыми чугунными воротами Весемир велел остановиться. Генерал послушно придержал издававший виды джип с желтыми ведьмачьими номерами.

— Здесь. — Весемир шумно откашлялся и толкнул дверь. Выбрался наружу и Генерал.

— Ну что, парень. Задание у тебя простое. Пересечь парк. Просто пересечь. Можешь даже ни с кем не связываться по дороге, хотя, как ты сам понимаешь, тебя попробуют задержать. Я дам тебе всего три совета. Первый: ничему не удивляйся. Второй: не зевай! И третий, самый главный: оставайся спокойным и безразличным ко всему, кроме задания.

— Да, учитель, — смиренно сказал Генерал.

— Я буду ждать тебя с противоположной стороны. Там такие же ворота. Времени тебе — до вечера. Вопросы есть?

— Нет, учитель. — Генерал изо всех сил пытался выглядеть спокойным и безразличным. Получалось — по крайней мере внешне.

— Готов?

— Да, учитель.

— Пошел! — Весемир клацнул кнопкой большого старинного секундомера-хронометра. Серебряный корпус тускло блеснул на солнце; массивная литая цепочка тянулась от столь же массивного кольца к специальному карману куртки предводителя ведьмаков.

Генерал неторопливо развернулся и двинулся к воротам, на ходу выуживая ноутбук.

«Первым делом скачаю план, — подумал он, рассуждая вполне трезво и по-взрослому. — Надо ведь знать, куда суешься?»

Ступив на территорию парка, Генерал присел под первым же деревом и вошел в Сеть. Искать он решил по ключевому слову «Умань»; а адрес сайта с подробными планами районов Большого Киева он запомнил после первого же урока компьютерной грамоты.

План уманского парка он отыскал очень быстро. Собственно, никаких трудностей с ориентировкой не предвиде-

лось: ворота, в которые он вошел, и вторые, в которые предстояло выйти, соединялись главной аллеей. Совершенно прямой, как бориспольская автострада. От главной аллеи разбегалось множество дорожек и тропинок помельче; Генерал справедливо рассудил, что на плане скорее всего обозначены далеко не все. Поэтому лучше не искать на шею приключения и спокойно пройти по главной аллее к противоположному входу-выходу, по мере сил пытаясь совладать с подготовленными сюрпризами. К чему усложнять жизнь во время первого ведьмачьего экзамена?

Упрятав ноутбук в порядком уже потертый рюкзачок (как недавно он был еще совсем новеньким!), Генерал поднялся и мельком взглянул на ворота. Весемир как раз садился в джип.

Проводив взглядом машину учителя, Генерал погладил ладонью безволосую голову и двинулся в глубь парка.

Впервые в жизни он видел столько деревьев сразу. Под их сенью царил таинственный полумрак, а в пышных кустах можно было спрятать что угодно — от танка до гаубицы. Но Генерал продолжал рассуждать вполне трезво: ну кто ради проверки сопляка-подростка потащит в эльфийскую пушу настоящий танк? Положим, ведьмакам даже эльфы не посмели бы отказать в проходе. Хотя это еще бабушка надвое сказала. Танк тут наломает столько, что ботаники-эльфы поумирают от разрыва сердца. Стальные траки и стальное сердце машины как-то не очень сочетаются с травкой и зелеными побегами. Недаром на городских улицах зелени сравнительно мало, не то что в парках.

Судя по масштабу карты, аллея тянулась, разделяя парк на две неравные части, километров пятнадцать. Идти, значит, часа три, прикинул Генерал. Или даже больше, сюрпризы ведь отнимут какое-то время. На то они и сюрпризы.

Скоро отдаленный шум трассы Центр — Одесса окончательно стих. Генерал остался один на один с парком — чужим, непонятным и оттого слегка пугающим.

За сорок минут Генерал не встретил ни души. Вокруг не скажешь чтобы было тихо — пели птицы, шумели кроны ~~на~~ ветру, кто-то подозрительно шуршал в подлеске. Но эти звуки были до странности чужеродными, отчего Генерал ощущал непонятную душевную пустоту. Хоть бы движок какой затрахтел или железо звякнуло. Ан нет, только протяжное лиственное «ш-ш-шу-у-у»...

Первый сюрприз он встретил на сорок третьей минуте марша. Выглядел сюрприз как натянутая поперек аллеи стальная проволока; оба конца ее скрывались в кустах справа и слева; именно в этом месте кусты по обочинам аллеи росли особенно густо и пышно.

Генерал машинально положил руку на пристегнутое к боку ружье. При нужде он мог изготовиться к стрельбе меньше чем за секунду, не зря Филипп, Эскель и оружейник Маркус день за днем ведьмачат натаскивали...

Тишину не нарушало ничто. Проволока неподвижно висела над дорогой на уровне колена.

«Думай, — приказал себе Генерал. — Что это за фокус?»

У него было два пути. Путь первый: полезть в кусты и поглядеть, куда эта проволока, жизнь ее заберет, приведет. В кустах, кстати, вполне может крыться какая-нибудь неприятность. Путь второй: переступить через проволоку и идти дальше. В пользу второго пути говорило следующее соображение: эта проволока может не иметь никакого абсолютно отношения к испытанию будущего ведьмака по прозвищу Генерал. Эльфы, к примеру, на кого-нибудь западню поставили. А посему самый умный выбор — пройти мимо.

Переступая через проволоку, Генерал с удовольствием сказал сам себе:

— Мне совершенно безразлично, что там, в кустах!

Впрочем, если начистоту, мальчишеское непрощедшее любопытство все-таки жило в Генерале. И узнать — что там, в кустах? — хотелось. Тем приятнее оказалось одержать над собой маленькую победу.

Из кустов так никто и не вылез. Первый сюрприз, если это был сюрприз, Генерал счастливо миновал.

Второй сюрприз ожидал его на сто семнадцатой минуте. Этот сюрприз выглядел как косо лежащее на аллее дерево и безобразная просека с левой стороны.

И еще — обморочный эльф в пяти шагах от гравиевой дорожки. Трава около него была темной от крови. И куртка эльфа с правого бока тоже была темной от крови. Эльф лежал лицом вниз; куртка на спине и щегольские замшевые штаны перепачкались в свежей глине, словно эльф недавно шастал по каким-то подземельям или подвалам.

Генерал застыл в растерянности. К подобным сюрпризам в свои плюс-минус тринадцать лет он еще не успел привыкнуть.

Первым позывом, вполне естественным и объяснимым, стало едва сдерживаемое желание задать стрекача. Но Генерал тут же взял себя в руки. В конце концов, это не очередная шалость, за которую Весемир или кто-нибудь из старших может и по шее накостылять, и на штрафные работы отправить, и даже упечь на сутки-двое в карцер. Да и не спасает бегство от неотвратимого наказания, как показал опыт. Только оттягивает.

Поэтому Генерал подавил желание немедленно удрать и сделал несколько осторожных шагов к раненому эльфу.

Тот не шевелился. Присмотревшись повнимательнее, Генерал убедился, что эльф дышит.

«Помочь? — подумал Генерал. Мысли лихорадочно прыгали, как караси на сковородке. — Но я ведь ведьмак... по-

чти. Я должен оставаться безразличным. У меня есть задание...»

В этот момент эльф слабо дернулся и застонал. Кажется, он пытался перевернуться на бок. Генерал отпрянул.

«Помрет же. — Мысли продолжали скакать. — Вон крови сколько потерял...»

Рука сама поползла к шмотнику, к аптечке.

«Или бросить его и идти своей дорогой?»

Эльф снова шевельнулся, и на этот раз Генерал увидел его лицо. Аж морозом пробрало от чужого взгляда.

Глаза у эльфов — словно кристаллики льда. Казалось, они полнятся концентрированной вечностью. Годы, десятилетия и века глядят этими глазами. А то и тысячелетия.

Но не только это пригвоздило Генерала к месту. Еще — выражение лица эльфа. Лишь одно читалось на этом лице.

Безнадега.

Полная и страшная безнадега, когда точно знаешь, что спасения нет и быть не может.

Эльф тяжело перевалился на спину, раскинув руки. Крови натекло столько, что Генерал удивился — человек от такой кровопотери давно бы уже лишился сознания. Наверное, эльф принуждал себя двигаться на голой воле и самовнушении.

Помимо крови, на траве обнаружились небольшой пульт, похожий на ноутбук с оторванной матрицей, и металлический штырь длиною в два с лишним локтя, весь липкий и темный от крови.

«Шахнуш тодд!» — ужаснулся Генерал и решительно сдернул с плеча шмотник.

Безразличие безразличием, а если он промедлит — хана эльфу. В конце концов, Большому Киеву в данный момент ничего не угрожает, а если и угрожает, то Генерал совершенно точно не стоит перед выбором: спасти город или спасти эльфа. А значит, стоит помочь этому несчастному.

Генерал выудил аптечку, а из нее — баллончик с универсальным спреем. Живым подобными препаратами пользоваться не рекомендовалось. Чисто ведьмачьи, чрезвычайно активные компоненты, взрывная каталитическая биохимия... Обычный человек, не мутант, скорее погиб бы от такого лечения, чем от ран. Эльфы — немного другая статья, это чрезвычайно живучие существа. Совершенно чудовищный жизненный ресурс, заторможенный на тысячелетия механизм естественного старения, врожденный иммунитет практически от всех болячек — заученные на занятиях строки из толстых и умных книг всплывали в памяти словно бы сами по себе.

В общем, Генерал решил рискнуть. Склонился над эльфом, бесцеремонно расстегнул куртку, потом расшитую бисером рубашку, задрал влажную от крови футболку.

Так и есть. Рана во весь бок. Не кровопотеря, так заражение. Без лечения кранты, сто процентов. А так есть хоть призрачные шансы на спасение.

Облачко аэрозоля, шипя, окутало рану. Эльф болезненно дернулся и скрипнул зубами. На узком и худом лице рельефно проступили напрягшиеся челюстные мышцы.

На обработку раны ушло с полминуты. Кровотечение прекратилось сразу же: спрей застывал на плоти вязким, быстро твердеющим слоем. Одновременно и перевязка, и дезинфекция, и лекарство. В ближайшие минуты у эльфа должна была резко скакнуть температура до критических сорока — сорока двух градусов и отключиться сознание. Хотя стоп, у эльфов нормальная температура тела тридцать четыре — тридцать пять, а критическая — тридцать девять.

Генерал с некоторым удивлением выуживал из памяти информацию, которую сам считал давно и прочно забытой.

Взгляд у эльфа начал туманиться. Нетвердо двигая рукой, он пытался сунуть ладонь в карман куртки и никак не

мог расстегнуть молнию. Генерал на всякий случай помог ему.

— Ключ, — сказал эльф еле слышно. — Управляющие коды... Подберешь — остановишь...

И отрубился.

В кармане куртки и впрямь нашелся маленький изящный ключик на серебристом колечке. Еще к колечку был пристегнут брелок: плоский, неправильной формы, отшлифованный до какой-то неправдоподобной бархатной гладкости кусочек металла. Его так и хотелось беспрерывно гладить, вертеть в пальцах.

Генерал спрятал ключик в карман своей куртки, как мог аккуратно оттащил потерявшего сознание эльфа к краю гравиевой дорожки и вернулся к пульту, поскольку ключик больше ни к чему предназначаться не мог. Но даже рассмотреть пульт Генерал не успел — совсем рядом, за ближайшими деревьями оглушительно взревел запущенный двигатель какого-то механического монстра. И был это не автомобиль и даже не трактор захудалый. Что-то огромное и необузданно мощное, вроде судовой турбины или дизеля карьерного самосвала. Скрежетнуло. Взревело еще раз. Плюнуло в безмятежное небо парка струей темно-сизого отработанного выхлопа.

«По просеке ползет... — подумалось Генералу. А секундой позже: — Жизнь заberi! Да это оно просеку и сделало! Совсем недавно — листва на поваленных деревьях еще не успела увянуть и высохнуть...»

Стало муторно и неуютно. Генерал проворно отбежал к элфу и шмотнику, оставленному рядом с неожиданным пациентом. Взялся за помповуху, клацнул затвором...

И едва не выронил оружие, которым второй день не уставал гордиться. Потому что жалким и никчемным оно по-

казалось Генералу, когда он увидел, что именно ползет по просеке.

Экскаватор. Приземистый и длинный, словно тепловоз, с далеко вынесенной суставчатой тягой и чудовищным зубатым ковшом. Гусеницы глубоко вминались в почву, оставляя две непрерывные ребристые дорожки. Разящее солярой, лязгающее, оно перло не разбирая дороги и готово было сокрушить все на своем пути.

Оно.

Чудище.

Генерал прирос к месту, не в силах пошевелиться. Если это контрольный сюрприз, то Весемир оч-чень высокого о будущем ведьмаке мнения!

А потом страх и замешательство неожиданно схлынули, осталось только спокойствие и глубокая уверенность: разум ведьмака, пусть даже и начинающего, все равно гибче и быстрее тупых инстинктов дикой машины. Победить бесхитростную мощь можно и без оружия, одной лишь силой мысли.

Если знаешь — как.

Генерал знал. Пока только в теории. Но ведь в том и состоит смысл контрольных полевых заданий — в привязке теоретических знаний к реальной обстановке.

Одновременно мелькнула шальная и в данный момент малоуместная мыслишка — вот зачем устроили испытание в пустом и ненаселенном парке! Такой экскаватор на городских улицах столько бы всего порушил, за десять лет не отросло бы...

Итак. Имеется карьерный гусеничный экскаватор модели... модели... а черт его знает, какой модели. Многотонная лязгающая громадина. По всей видимости, оснащена бортовым компьютером с возможностью удаленного доступа и дистанционного управления. По всей видимости, вышла из-

под контроля и успела натворить лихих дел — вон, эльф весь окровавленный валяется. Кстати, прет-то она прямо на эльфа... Надо отвлечь.

Генерал прекрасно знал слабое место таких механизмов. Неповоротливость. Ползают так, что человек на своих двоих обгонит.

Поэтому он сорвался с места, на бегу подхватил с травы шмотник и пульт, сиганул через некстати подвернувшийся куст и обежал экскаватор слева. Тот сразу замедлился и вдруг проворно выпростал полусогнутый доселе ковш. С хрустом переломилось молодое деревце. Словно спичка. Генерал успел вовремя обратиться на безопасное расстояние.

Чудовище разворачивалось, готовое ринуться на прячущегося в подлеске ведьмачонка. Генерал не утратил хладнокровия: напротив, он уже просчитал, куда метнется сейчас. Во-он туда, за огромный столетний дуб в несколько обхватов. У него, поди, такие корни, что и экскаватору с ходу не своротить.

Жизнь — она всегда сильнее железа и моторов.

И вдруг у Генерала появился неожиданный союзник. Мелькнула среди ветвей и стволов коричнево-зеленая курточка и невдалеке показался еще один эльф. Одет он был точно так же, как и недавний пациент Генерала, но в отличие от первого пребывал в полном здравии и сохранности.

— Пульт у тебя? — крикнул он Генералу.

Генерал молча показал ему черный начиненный электроникой брикет.

— А ключ?

Теперь Генерал столь же выразительно похлопал себя по карману куртки.

Эльф словно под землю провалился — растворился на фоне листвы. А потом возник уже совсем рядом, в паре шагов. Выскользнул из-за ствола того самого дуба.

Экскаватор громыхал гусеницами и натужно лязгал ковшом, пробираясь сквозь парк. Деревья жалобно трещали и ломались. Рождалась новая просека.

Эльф требовательно протянул руку, и Генерал, не колеблясь, отдал ему пульт с ключом. Медлить эльф не собирался: тут же вставил ключ в едва приметную щель на торце пульта. Раздался негромкий щелчок, еле слышный на фоне производимого экскаватором шума. Пальцы эльфа запорхали над клавиатурой; пульт и впрямь очень походил на ноутбук, с той лишь разницей, что экран у него был совсем крохотный и располагался не на откидной крышке, а прямо рядом с клавишами. Крышки, собственно, и не было вовсе.

— Отвлеки его! — властно скомандовал эльф и беззвучно канул в кусты.

Что-то у него, видимо, не ладилось.

Генерал послушно потрусил по широкой размашистой дуге. Экскаватор на какое-то время притих, отслеживая его перемещения, а потом стал грузно разворачиваться. Под гусеницами захлюпало — он въехал в обширную, отороченную мхом лужу. Генерал, пользуясь моментом, шмыгнул монстру за корму: на разворот у того уйдет довольно много времени.

Сравнительно быстро Генерал отступил к обширной овальной поляне. Почему-то ему было жалко гибнущие под гусеницами и ковшом деревья. В конце концов, парки — такая же часть города, как и кварталы. А ведьмак обязан хранить город. Весь. Целиком.

«А поляну пусть утешит, — подумал он. — Трава — не дерево. Еще в этом году отрастет...»

Не успел монстр выползти к полянке, как откуда-то сбоку показался давешний эльф. Мелкой вихляющей рысцой он приблизился к Генералу.

— Плохо дело, — сообщил эльф. — Он заблокировал все входные порты. Надо лезть в кабину.

Генерал вдумчиво шмыгнул носом. И ничего не сказал. Да и что он мог сказать?

— А ты, собственно, кто? — поинтересовался эльф. — Ведьмак, что ли?

— Начинающий, — уточнил Генерал скромно.

— Какой выход?

— Первый, — не стал врать Генерал.

Эльф саркастически хихикнул.

— Везет же мне! Впрочем, чего это я? Иначе пришлось бы в одиночку. Кстати, что с Ранавенором?

— Это твой... приятель? — на всякий случай справился Генерал. — Который пульт потерял?

— Да.

— А ты не видел? Лежит рядом с аллеей. Без сознания. У него весь бок разодран, я его аэрозолем sprysнул.

— Вашим? — Эльф нахмурился.

— Да.

— Веса маэ, — выругался эльф. — Он может не выдержать...

— Твой приятель умирал, когда я на него наткнулся. Улыбнется судьба — выживет.

— Судьба редко улыбается эльфам, ведьмёныш. Запомни это.

Генерал смолчал.

— Ладно. Слушай меня. Нужно задурить этой махине его поганные навигационные рецепторы и попасть в кабину. Ты мне поможешь, раз уж ввязался в это дело. Боюсь, там, в кабине, одной пары рук будет мало. По деревьям лазать умеешь?

— Умею.

— Пошли.

Эльф заткнул бесполезный пока пульт за пояс штанов и деловито зашагал к уже выбравшемуся на поляну экскаватору.

— Отвлекай пока, — напомнил он. — Побегай у него перед мордой. Только смотри, под ковш не угоди.

— Угу, — буркнул Генерал как можно безразличнее.

Бегать перед мордой экскаватора оказалось настолько же утомительным занятием, сколь и небезопасным. Первое же забегание едва не закончилось трагически: монстр резко выпрямил полусогнутый ковш, одновременно подавшись вперед, и задел плечо Генерала. Тот кубарем полетел в траву, совершенно ошарашенный, еще в падении сообразив, что придется молниеносно вскакивать, невзирая на боль, и убираться метров на двадцать в сторону. Сообразил он правильно: с двухсекундной задержкой в место, где он приземлился, впечатался ковш, похожий на гигантский железный кулак.

Экскаватор умел двигаться быстрее, чем казалось сначала. Но все же недостаточно быстро для готового к сюрпризам живого. Особенно такого шустрого и проворного, как подросток, обучающийся на ведьмака. Теперь Генерал позволял себе забегание в зону досягаемости ковша только на противоходе и только на секунду-две.

Вскоре он отследил эльфа: тот потихоньку зашел экскаватору сзади, вскарабкался на развесистую липу и сиганул прямо на кожу двигателя над кормой.

Чудовище взревело громче и отчаянно крутануло башней-корпусом. Молодой дубок на самой опушке вывернулся из почвы с корнями, еще от двух деревьев потолще остались только обломанные щербатые стволы в рост человека.

Тут Генерал сообразил, что от резкого движения ковш монстра на несколько секунд завяз в чаще. Прежде чем Генерал опомнился, ноги уже доставили его вплотную к экскаватору. Прямо к широченной гусенице. Все естество ведь-

мачонка захлестнуло азартом, пьянящим азартом схватки и удивительной уверенностью в своей быстроте и ловкости. В три движения он буквально взлетел к кабине.

И едва не поплатился за это.

Доселе запертая дверь кабины вдруг резко распахнулась. Окажись Генерал на полшага ближе к краю — его смахнуло бы прямо под чудовищную шипастую гусеницу. А так только сбило с ног — он успел уцепиться за поручень у штатной лесенки и повис, навалившись грудью на платформу перед кабиной. Ноги болтались совсем рядом с вентиляционной диафрагмой; Генерал явственно ощущал тепло и вибрацию работающего двигателя.

Но нет худа без добра: в открывшуюся дверь немедленно проник эльф и тут же принялся колдовать над бортовым пультом монстра. Не успел Генерал вскарабкаться обратно на площадку, как рев двигателя стал равномернее и как-то послушнее. Судорожные рывки прекратились.

— Все, — объявил эльф сверху. — Если хочешь, залезай ко мне.

Генерал с удовольствием повиновался. Эльф вольготно сидел в кресле, положив руки на рычаги. Переносной пульт лежал на полу, рядом, поверх резинового коврика. Уверенно двигая рычагами, эльф освободил ковш и перевел его в походное положение — вытянул сначала вперед, а потом согнул тягу посередине, подобрал ковш почти под лобовой кожух.

И в этот же самый миг с проложенной экскаватором просеки на поляну, сигая по кочкам, вырвался джип Весемира. Помимо старого ведьмака в салоне был еще кто-то.

Эльф неторопливо встал и вышел наружу, на площадку.

— Ба! Сам Весемир! Мое почтение! — поздоровался он.

— Устерхофф? Что тут у вас, жизнь заberi, происходит? — Весемир тоже поспешил выбраться наружу и требовательно глядел на эльфа снизу вверх.

— Да вот, экскаватор самовольничает. Сбежал с Марушского карьера, бедокурить в парке принялся... Ранавенора чуть не погубил... Как он там, кстати?

— Лежит, — буркнул Весемир, недоверчиво склоняя голову. — Один из моих вышел на него посмотреть. Генерал, ты в порядке?

— Да, учитель! — заверил Генерал слегка дрогнувшим голосом.

Эльф по имени Устерхофф неожиданно протянул руку и несильно ткнул Генерала в плечо:

— А парень-то молодчина, Весемир! Очень мне помог. Ставь ему «отлично», не ошибешься. Из него получится настоящий ведьмак.

— С чего это ты взял? — Весемир немного смягчился.

— Видно. Соплей не пускал, Ранавенора без колебаний вашим зельем лечить взялся. Не боялся, но и в самое пекло без нужды не лез. Из таких и вырастают настоящие ведьмаки. Уж я-то в этом толк знаю, ты ведь в курсе.

— А что с этим? — Весемир указал головой на экскаватор. — Что-то серьезное?

— Не особо. Ранавенор пульт вырубил, а этот не будь дурак заблокировал все входные порты, включая дистанционку.

— А ограничители?

— Да кто на них смотрит на прирученных машинах-то...

— А надо смотреть, — вздохнул Весемир. — Половину всех бед сами и провоцируете. А потом жалуетесь — где, мол, были ведьмаки...

— Разберемся, Весемир. Подвезешь нас? Ранавенора устроить надо...

— Садитесь...

В джипе обнаружилась хмурая личность чуть постарше Генерала. Расселись, потряслись, попрыгали на неровнос-

тях просеки, подобрали раненого. У Генерала наступил неизбежный откат, расслабление. Захотелось спать.

Лишь на обратном пути, когда уже возвращались вечерней трассой в Арзамас-16, Весемир неожиданно спросил:

— Скажи, Генерал... О чем ты думал, когда увидел раненого эльфа?

Генерал, не отрывая взгляда от дороги, а рук — от руля, честно признался:

— Да ни о чем... Не получалось у меня думать. Просто взял баллончик и обработал рану. Потом экскаватор попер...

— А тебе было его жалко?

— Эльфа? Или экскаватор?

— Эльфа.

Генерал сокрушенно вздохнул.

— Было. Живой все-таки.

— Но ведь ты знал, что наши препараты могут его погубить.

— Знал. Но от раны эльф бы умер наверняка, а после аэрозоля у него все же оставались шансы.

Весемир немного помолчал.

— Знаешь, — сказал он чуть погодя, — мне кажется, что Устерхофф прав. Из тебя действительно получится хороший ведьмак. Только не спеши задира́ть нос... и не болтай друзьям своим особенно, понял?

— Понял, учитель.

Они еще немного помолчали.

— Учитель?

— Что?

— А что с моей контрольной? Зачет или нет? До выхода-то я не дошел...

— А тебе не все равно?

Генерал посопел и признался:

— Нет. Только... не говорите никому, что мне не все равно.

— Зачет, зачет... — проворчал Весемир. — Считаю, что сдал на «отлично».

И подумал:

«Ведьмак. Настоящий ведьмак. Без каких-то пяти минут».

Разумеется, когда учитель и ученик приехали в Арзамас, на лицах их прочно держалась маска спокойствия и безразличия.

Потому что так надо.

В багги двоим было тесновато, но зато они моментально наверстали упущенное время. Два дня пути и еще одна ночевка в степи, на этот раз прошедшая вполне спокойно. Геральт рулил, Ксана переключала передачи, когда нужно.

А потом впереди встал небольшой райончик — язык не поворачивался назвать такой крохотный жилой лоскут городком. Райончик прятался за высоким бетонным забором.

— Стоп! — скомандовал Геральт, и Ксана послушно переключилась на нейтраль.

— Приехали? — спросила она тихо.

— Да. Приехали. Это Арзамас-шестнадцать. Дом ведьмаков. Родина безразличия.

Ксана невольно взглянула на ведьмака. Лицо его смягчилось лишь самую малость, но глаза светились чем угодно, только не безразличием.

Радостью.

Любовью.

Теплом.

Что могут отражать глаза скитальца-одиночки, если после долгого отсутствия он возвращается домой? Особенно

если вдали от дома то и дело приходится заглядывать в глаза смерти?

Но поняла Ксана и то, что здесь не принято обсуждать очевидное. И что всему остальному миру совершенно не обязательно знать об истинных чувствах ведьмаков. Поэтому она просто спросила:

— Ну что, будем ехать или будем стоять?

Безразлично так спросила...

март 1999 — сентябрь 2002

Москва — Николаев

Содержание

Ведьмак из Большого Киева	5
Нянька	27
Долг, честь и taimas	134
Вопрос цены	164
Родина безразличия	296

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, тел. 322-28-22
- ТК «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25
- ТК «Твой Дом», 23-й км Каширского шоссе
- ТК «Метромаркет», м. «Сокол», 3 этаж
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1/Волжская наб., д. 107
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, д. 38а, тел. (0732) 13-02-44
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (8-86-32) 35-99-00
- г. Новороссийск, сквер Чайковского
- г. Орел, Московское ш., д. 17, тел. (08622) 4-48-67
- г. Тула, пр-т. Ленина, д. 18

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Васильев Владимир Николаевич
Ведьмак из Большого Киева

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано по заказу ЗАО НПП «Ермак»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

ISBN 5-17-016665-6

9 785170 166657

...Мир Большого Киева.

Совершенно невероятная смесь фэнтези и фантастики, иронии — и серьезности. Мир, где маги работают техниками, эльфы обитают в «спальных районах», гномы издавна освоили профессию шахтеров, а вервольфы — «крестные отцы» местной мафии.

Мир, в котором ведьмаки сражаются не с чудовищами, а — со взбесившейся техникой...

Мир Большого Киева...

Мир, уже знакомый вам по роману В. Васильева «Охота на дикие грузовики». Хотите побывать в нем снова?

Тогда читайте новую книгу Владимира Васильева «Ведмак из Большого Киева»!

Л А Б И Р И Н Т